

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2687-1262

**ЖУРНАЛ ИНТЕГРАТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ**

JOURNAL OF INTEGRATIVE CULTURAL STUDIES

T. 2 № 2 2020

Vol. 2 No. 2 2020

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

iik-journal.ru
ISSN 2687-1262 (online)
DOI 10.33910/2687-1262-2020-2-2
2020. Том 2, № 2
2020. Vol. 2, no. 2

Журнал интегративных исследований культуры Journal of Integrative Cultural Studies

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74249,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74249,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moyka Emb., St Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 3,95 Мб

Подписано к использованию 05.11.2020

Published at 05.11.2020

При использовании любых фрагментов ссылка
на «Журнал интегративных исследований культуры»
и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the “Journal of Integrative Cultural
Studies” and the author(s) of the material in question.

Редактор *В. М. Махтина*
Редактор английского текста *И. А. Наговицына*
Корректор *А. Ю. Гладкова*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *А. М. Ходан*

Санкт-Петербург, 2020
© Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. И. Докучаев (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

А. Л. Вольский (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

О. А. Янутш (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Бондарев (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Венкова (Санкт-Петербург, Россия)

А.-К. И. Забулионите (Санкт-Петербург, Россия)

Д. Йонкус (Каунас, Литва)

И. В. Леонов (Санкт-Петербург, Россия)

М. Л. Магидович (Санкт-Петербург, Россия)

Л. В. Никифорова (Санкт-Петербург, Россия)

Л. А. Прыткова (Бишкек, Кыргызстан)

С. А. Савицкий (Санкт-Петербург, Россия)

Д. М. Соболев (Хайфа, Израиль)

К. Фейгельсон (Париж, Франция)

А. Ю. Чукуров (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Председатель ред. совета

Х. Бирус (Бремен, ФРГ)

Т. В. Артемьева (Санкт-Петербург, Россия)

И. М. Быховская (Москва, Россия)

А. Л. Вассоевич (Санкт-Петербург, Россия)

Ж. Долгурсурэн (Улан-Батор, Монголия)

Г. В. Драч (Ростов-на-Дону, Россия)

А. И. Жеребин (Санкт-Петербург, Россия)

В. К. Кантор (Москва, Россия)

И. В. Кондаков (Москва, Россия)

Я. Марзие (Тегеран, Иран)

Л. М. Мосолова (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Павильч (Минск, Республика Беларусь)

Х. Рудлофф (Фрайбург, Германия)

Л. Рязанова-Кларк (Эдинбург, Великобритания)

И. П. Смирнов (Германия)

И. О. Шайтанов (Москва, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Ilya I. Dokuchaev (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Alexei L. Volsky (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Olga A. Yanutsh (St Petersburg, Russia)

Alexey V. Bondarev (St Petersburg, Russia)

Alina V. Venkova (St Petersburg, Russia)

Audra-Christina I. Zabulionyte (St Petersburg, Russia)

Dalyus Yonkus (Kaunas, Lithuania)

Ivan V. Leonov (St Petersburg, Russia)

Marina L. Magidovich (St Petersburg, Russia)

Larisa V. Nikiforova (St Petersburg, Russia)

Lyudmila A. Prytkova (Bishkek, Kyrgyzstan)

Stanislav A. Savitsky (St Petersburg, Russia)

Denis M. Sobolev (Haifa, Israel)

Christian Feigelson (Paris, France)

Andrei Yu. Chukurov (St Petersburg, Russia)

Advisory Board

Chairman of the Advisory Board

Hendrick Birus (Bremen, Germany)

Tatyana V. Artemyeva (St Petersburg, Russia)

Irina M. Bykhovskaya (Moscow, Russia)

Andrey L. Vassoyevich (St Petersburg, Russia)

Zhamyan Dolgorsuren (Ulan Bator, Mongolia)

Gennadiy V. Drach (Rostov-on-Don, Russia)

Alexey I. Zherebin (St Petersburg, Russia)

Vladimir K. Kantor (Moscow, Russia)

Igor V. Kondakov (Moscow, Russia)

Yakhyapur Marziye (Tehran, Iran)

Lyubov M. Mosolova (St Petersburg, Russia)

Alexandr A. Pavilch (Minsk, Belarus)

Holger Rudloff (Freiburg, Germany)

Larissa Ryazanova-Clarke (Edinburgh, United Kingdom)

Igor P. Smirnov (Germany)

Igor O. Shaytanov (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Культуролог на рынке труда	89
От редакции	89
<i>Вокуев Н. Е.</i> Рынок культурных медиа в России: тенденции и структура	90
<i>Галушина Н. С.</i> Компетенции культуролога: возможности и границы применения	98
<i>Круглова Л. К.</i> Профессия культуролога в аспекте «Основ государственной культурной политики»	105
<i>Лобанова Ю. В.</i> Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы	113
<i>Мартыненко А. В.</i> Проблемы позиционирования и продвижения на рынке труда молодых специалистов-культурологов	119
<i>Якушева Л. А.</i> Культурология как специальность, привычка и стиль жизни	126
Герменевтика культуры	132
<i>Малинина Н. Л.</i> Реалистическая живопись как культурный феномен: научная рефлексия, музейные практики, культурные индустрии	132
<i>Трибушинина С. Д.</i> Особенности передачи и восприятия культурно-коммуникативного пространства мордовской народной медицины	139
Политика и культура	147
<i>Донченко А. И.</i> Культура насилия в Колумбии? (К постановке проблемы)	147
<i>Сова О. Н.</i> «Виоленсия» как феномен колумбийской политической культуры: к истории генезиса	161
Словарь культуры	170
<i>Кардапольцева В. Н., Качалова А. А.</i> Художественные тексты в контексте культурологического образования (несколько замечаний о современной восточной литературе)	170
<i>Розенберг Н. А.</i> К проблеме телесности в произведениях Степана Эрзи (1876–1959)	178

CONTENTS

Culturologist in the job market	89
Editor's note	89
<i>Vokuev N. E.</i> The market of cultural media in Russia: Trends and structure	90
<i>Galushina N. S.</i> Competences of a culturologist: Possibilities and limits of application	98
<i>Kruglova L. K.</i> Profession of a culturologist in terms of the "Foundations of the state cultural policy"	105
<i>Lobanova J. V.</i> The necessity of cultural education: Current state and prospects	113
<i>Martynenko A. V.</i> Challenges of positioning and promotion of young culturologists in the labor market	119
<i>Yakusheva L. A.</i> The cultural studies: A profession, a habit and a lifestyle	126
Hermeneutics of culture	132
<i>Malinina N. L.</i> Realistic painting as a cultural phenomenon: Academic reflection, museum practices, cultural industries	132
<i>Tribushinina S. D.</i> Features of transmission and perception of cultural and communicative space of Mordovian folk medicine	139
Politics and culture	147
<i>Donchenko A. I.</i> A culture of violence in Colombia? (A first-time overview)	147
<i>Sova O. N.</i> "Violencia" as a phenomenon of Colombian political culture: An overview of genesis.	161
Dictionary of culture	170
<i>Kardapoltseva V. N., Kachalova A. A.</i> Fiction in the context of cultural education (Some comments concerning modern oriental literature)	170
<i>Rozenberg N. A.</i> Physicality in the works of Stepan Erzia (1876–1959)	178

От редакции

Editor's note

В дни VIII Санкт-Петербургского международного культурного форума, 15 и 16 ноября 2019 года, в РГПУ им. А. И. Герцена прошла вторая конференция под названием «Культуролог на рынке труда». Основная проблема конференции — перспективы занятости выпускников-культурологов в современных условиях. Одним из основных поводов собраться и обсудить эту проблему является общий кризис трудоустройства культурологов и связанное с этим сокращение культурологической подготовки в России. Культурология — мультидисциплинарная и метапрофессиональная специальность, однако тенденция к специализации подготовки и трудоустройства, наметившаяся в последнее время в России, противоречит этой направленности культурологии. Это выражается, прежде всего, в появлении образовательных стандартов четвертого поколения (и предшествующих им стандартов 3++), которые ориентированы на профессиональные стандарты. Вместе с тем современный рынок профессий не отказывается от специалистов широкого гуманитарного профиля, и это обстоятельство выгодно отличает как раз выпускников-культурологов.

В конференции приняли участие более 100 человек, прозвучало 36 докладов. Присутствовали ученые из Москвы, Мурманска, Казани, Саратова, Санкт-Петербурга и других городов. Большинство выступавших согласилось с тем, что сегодня необходимо усилить работу по консолидации культурологического сообщества, создать соответствующую структуру, которая бы имела статус всероссийской общественной организации, выпускала свой печатный орган, обладала бы полномочиями по принятию профессиональных стандартов и проведению общественно-профессиональной аккредитации. Указывалось, что необходимо сохранить метапрофессиональный характер подготовки культурологов, ориентируясь на научные и педагогические компетенции, но вместе с тем необходимо также усилить и профессионализацию подготовки, прежде всего связав ее с такими специфическими сферами труда, как управление культурой и экспертиза культурных ценностей.

По решению конференции мы публикуем в этом номере часть докладов, прозвучавших на ней. Это наиболее существенные тексты, с которыми мы хотели бы познакомить как можно большее число читателей. Тип журнала открытого доступа, к которому относится «Журнал интегративных исследований культуры», позволяет это сделать. Мы приглашаем всех заинтересованных читателей принять участие в обсуждении перспектив развития культурологического образования в России, возможностей трудоустройства культурологов, вариантов интеграции профессионального сообщества культурологов, профессиональных стандартов культуролога и процесса их принятия Министерством труда и социальной защиты РФ. Просим присылать материалы на эту тему, их публикация имеет приоритетное значение для журнала.

*Илья Игоревич Докучаев,
главный редактор, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории культуры
РГПУ им. А. И. Герцена*

Рынок культурных медиа в России: тенденции и структура

Н. Е. Вокуев^{✉1}

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55

Для цитирования:

Вокуев, Н. Е.
(2020) Рынок культурных медиа в России: тенденции и структура. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 90–97.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-90-97

Получена 30 января 2020; прошла рецензирование 15 мая 2020; принята 15 мая 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Культурная критика и культурная журналистика были и остаются одной из распространенных возможностей прикладного применения культурологических знаний и умений. В то же время эта разновидность интеллектуального труда сегодня явно подвергается прекаризации. Маркетизация культуры, отток инвестиций и уход рекламодателей из печатной прессы влекут за собой закрытие отделов культуры и целых изданий. Сближение с культурными индустриями приводит к тому, что критика все чаще вытесняется если не маркетингом и продвижением культурной продукции, то информационными жанрами журналистики. На смену авторам, специализирующимся на оценке продукции отдельных сегментов поля культурного производства (например, в области театра, литературы, современного искусства), приходят специалисты «широкого профиля», часто с журналистским образованием в анамнезе. Различные виды искусств в разделе «Культура» уступают место широкому спектру тем, которые можно обобщить термином *lifestyle*. В свою очередь, обусловленное появлением социальных медиа, видеохостингов и стриминговых платформ «нашествие любителей» бросает вызов профессиональным авторам, ставя под сомнение статус критиков и журналистов. Названные тенденции, в разной степени выраженные в странах мира, характерны и для медийного рынка России. В то же время появление в этих условиях в русскоязычном сегменте интернета новых медиапроектов, посвященных культуре, может, на первый взгляд, внушать оптимизм. Однако вытеснение культурной критики и журналистики на отдельные специализированные площадки часто сопровождается сокращением числа читателей/зрителей/слушателей. Аудитория этих проектов дробится, а сами новые издания часто опираются на труд фрилансеров либо вовсе используют неоплачиваемый труд. В статье подробно рассматриваются такие процессы, разворачивающиеся в поле культурной журналистики России, как популяризация, коммерциализация, журналистификация и геттоизация культурной прессы. Кроме того, в ней описываются некоторые особенности структуры отечественного рынка культурной журналистики, а также предлагается и концептуализируется альтернативный термин — «культурные медиа».

Ключевые слова: культурная критика, культурная журналистика, культурные медиа, культурный капитал, маркетизация, культурная политика.

The market of cultural media in Russia: Trends and structure

N. E. Vokuev^{✉1}

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky Ave., Syktyvkar 167001, Russia

For citation:

Vokuev, N. E. (2020) The market of cultural media in Russia: Trends and structure. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 90–97. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-90-97

Received 30 January 2020;
 reviewed 15 May 2020;
 accepted 15 May 2020.

Copyright: © The Author (2020).
 Published by Herzen State
 Pedagogical University of Russia.
 Open access under CC BY-NC
 License 4.0.

Abstract. Cultural criticism and cultural journalism have been and remain the most common applications of cultural knowledge and skills. At the same time, this type of intellectual work is now obviously subject to precarization. The marketization of culture, the outflow of investment and the withdrawal of advertisers from the print press resulted in the closure of cultural departments and entire media outlets. The rapprochement with cultural industries leads to a situation where criticism is increasingly being supplanted, if not by marketing and promotion of cultural products, then by informational journalistic genres. Authors specializing in the evaluation of products of narrow segments of the field of cultural production (for example, theater, literature, contemporary art) are replaced by “well-rounded experts”, often with “pre-existing” education in journalism. The various arts in the “Culture” section give way to a wide range of topics that can be generalized by the term *lifestyle*. Due to the emergence of social media, video hosting and streaming platforms, the “amateur invasion” challenges professional authors, questioning the status of critics and journalists. These trends, expressed to varying degrees worldwide, are also typical for the Russian media market. At the same time, the launch of new culture-related media outlets in the Russian-speaking segment of the Internet under these conditions may, at first glance, inspire optimism. However, the displacement of cultural criticism and journalism to dedicated specialized platforms is often accompanied by a reduction in the number of readers/viewers/listeners. The audience of these projects is fragmented, and they often rely on freelancers or use unpaid labour. The article examines in detail such processes in the field of cultural journalism in Russia as popularization, commercialization, journalistification, and ghettoization of cultural press. Besides, it describes some peculiarities of the structure of the national cultural journalism market, and suggests and conceptualizes an alternative term, “cultural media”.

Keywords: cultural criticism, cultural journalism, cultural media, cultural capital, marketization, cultural policy.

Культурная критика и культурная журналистика нередко становятся прибежищем для гуманитариев в поисках заработка. Написанием статей для газетной рубрики «Культура» (в немецкой традиции именуемой «фельетоном») зарабатывали себе на жизнь в годы Веймарской республики теоретики культуры Вальтер Беньямин и Зигфрид Кракауэр. Публикации в малотиражных, но обладавших высоким культурным капиталом журналах стали одушиной для «нью-йоркских интеллектуалов», большей частью евреев, которым доступ к преподавательским позициям в американских вузах с 1920-х до 1960-х годов был заказан. В 1990-е годы многие российские ученые-гуманитарии перековались в журналистов и критиков — в средствах массовой информации в те годы циркулировало гораздо больше денег, чем в системе высшего образования. Работа в СМИ остается одной из опций и для сегодняшних выпускников-культурологов. Однако выбор в ее пользу уже не так

очевиден. С одной стороны, рынок культурных медиа в России пополняется новыми проектами, связанными с оценкой продукции культурных индустрий, а в последние годы — и с историко-культурным просвещением. С другой стороны, журналисты, пишущие о культуре, — одна из самых уязвимых категорий в медийной отрасли.

На этих противоречиях российского рынка культурных медиа я бы хотел остановиться подробнее. Но для начала стоит определиться с понятиями. Термины «культурная критика» и «культурная журналистика» не являются синонимами. В последнее время «культурная журналистика» часто употребляется как более широкое понятие, включающее в себя и критику. Так, образовательная программа Фонда Михаила Прохорова и Фонда «ПРО АРТЕ» «Школа культурной журналистики» предлагает на выбор такие специализации, как «Литературная критика», «Кинокритика», «Арт-критика», «Театральная критика» и т. д. (Школа культурной

журналистики). Датские исследовательницы Нете Норгаард Кристенсен и Унни Фром говорят о «культурной журналистике» как о «зонтичном термине для обозначения медийного освещения и дебатов о культуре, включая искусства, ценностную политику, популярную культуру, культурные индустрии и развлечения» (Kristensen, From 2015).

Несмотря на перспективность таких попыток очертить исследовательское и педагогическое поле, «культурная журналистика» как понятие все же не встречает консенсуса и не охватывает всех практик, связанных с распространением информации о культуре. Поэтому я предлагаю использовать также термин «культурные медиа». Под ними я понимаю ассамбляжи производителей, распространителей и потребителей символических продуктов, самих этих продуктов, технологий, опосредующих их производство, распространение и потребление, экономического, социального и культурного капиталов, а также физических и виртуальных пространств, которые дискурсивно очерчивают поле культуры за счет включения в него и исключения из него элементов их комментирования и оценивания, актуализации и обновления культурных канонов. Широта понимания «культурного» при этом может варьироваться, однако исследования содержания рубрики «Культура» в мировых газетах показывают тенденцию к тематическому расширению и переходу от элитистской фиксации на искусствах (литература, академическая музыка, живопись, театр, фестивальное кино) к более инклюзивному подходу, включающему формы популярной культуры и так называемый «стиль жизни» (Purhonen, Heikkilä, Nazir et al. 2018).

Анализ рынка (или, в бурдьевианском ключе, поля) культурных медиа позволяет охватить более широкий спектр форматов и практик производства и распространения культурной информации, а также вовлеченных в эту деятельность сообществ: от отделов культуры в редакциях газет и журналов, специализированных радиостанций и телеканалов до «пабликов» в соцсетях; от написания рецензий, редактирования журналистских текстов, продюсирования телевизионных программ до блогинга, маркетинга в социальных медиа, ведения *YouTube*- и *Telegram*-каналов, записи подкастов и съемок видеолекций. Многообразие медиатехнологий, жанров и практик может легко скрыть от глаз тенденции, структурирующие это поле.

Исследователи западной прессы часто выделяют следующие тенденции: популяризацию, коммерциализацию и журналистификацию

культурных медиа, а также рост профессиональной апатии (Jaakkola 2015). Первая из этих тенденций связана с изменением культурных иерархий и стиранием границы между «высокой» и «низкой» культурами, о чем, к примеру, сигнализирует интерес «серьезных» медиа к популярным явлениям. В результате коммерциализации культурные журналисты становятся партнерами культурных индустрий, а критика превращается в форму маркетинга. При этом авторы, пишущие о профессиональной апатии, отмечают, что журналисты и критики, вместо того чтобы обновлять свои практики и отстаивать роль культурных арбитров, пассивно и ностальгически реагируют на вызовы, возникающие перед профессией. Журналистика же объясняется тем, что культурный журналист выступает «культурным посредником» (Bourdieu 1979), действуя одновременно в поле искусства и в поле журналистики. Отсюда, как показывают финские исследователи Хейкки Хеллман и Маарит Яаккола, возникают две возможные парадигмы культурной журналистики — собственно журналистская и эстетическая (Hellman, Jaakkola 2012). «Журналистика» означает сдвиг парадигм — от эстетической к журналистской. Это сопровождается преобладанием в культурной журналистике информационных материалов над критическими рецензиями. Работники культурных медиа всё больше разделяют ценностные ориентации с другими журналистами и всё чаще имеют за плечами журфак. При этом наблюдается отказ от узкой специализации на той или иной области культуры. Всё это можно обосновать с точки зрения экономической эффективности, ведь отдел культуры, работающий в эстетической парадигме, дорого обходится редакции, поскольку требует большого количества сотрудников: один пишет о литературе, другой — о кино, третий — о театре, четвертый — об академической музыке и т. д. (Вокуев 2017).

Добавим сюда еще одну тенденцию, на которую в последнее время часто обращают внимание американские авторы: владельцы изданий, в том числе респектабельных, вроде *The New York Times* и *Los Angeles Times*, из соображений экономии сокращают количество полос, посвященных культуре. При этом раздела «Спорт», к примеру, такая политика касается в меньшей степени¹. Запуск новых медиапроектов, целиком посвященных культуре, ситуацию не спасает: круг их читателей значительно уже аудитории

¹ Об этом пишут, к примеру, музыкальные критики Джед Готтлиб и Алекс Росс (Gottlieb 2017; Ross 2017).

национальных газет, а потому можно говорить о маргинализации (или геттоизации) культурной журналистики (Вокуев 2017).

Нетрудно разглядеть за этими тенденциями экономические факторы: неолиберальную маркетизацию культуры и отток инвестиций из печатных изданий в интернет. Развитие последнего также поставило под вопрос статус профессиональных критиков и журналистов. Доступность культурной продукции (фильмов, сериалов, музыки и т. д.) и появление форумов, блогов, социальных медиа, видеохостингов и стриминговых сервисов привело к всплеску любительского культурного комментирования и вещания — ситуация, напоминающая описанное Юргеном Хабермасом зарождение буржуазной публичной сферы, когда европейские буржуа, обзаведшиеся своими изданиями и публичными пространствами, стали критически оценивать, помимо прочего, произведения искусства и литературы, сперва по-любительски, а затем — профессионально (Хабермас 2016).

Эти тенденции вполне характеризуют и ситуацию на российском рынке культурных медиа. Примечательно при этом, что процессы, разворачивавшиеся в Америке и Европе постепенно, в постсоветской России произошли стремительнее. Еще сохранявшееся в начале 1990-х «советское» отношение к культуре — «культура играла в медиа как в инструментах пропаганды и социализации большую роль» (Петров 2015) — довольно скоро столкнулось с кризисом легитимности финансирования культуры (Holden 2006).

Это хорошо иллюстрируют истории журналистских проектов кинокритика Александра Тимофеевского. Нанятый в 1991 году внутренним критиком в газету «Коммерсантъ», он сформировал один из самых известных в истории постсоветских медиа отделов культуры, полагая, что в «толстой буржуазной газете культура есть слагаемое престижа. Она может выглядеть в известной степени эзотеричной и даже <...> не всегда понятной...» (Рассказова 1995). В 1997 году, когда новый главный редактор Раф Шакиров взял курс на упрощение материалов газеты, часть этого отдела вместе с самим Тимофеевским ушла из «Коммерсанта» и основала «Русский телеграф», в котором работали также бывшие сотрудники упраздненного незадолго до этого отдела искусства газеты «Сегодня». Новое издание, просуществовав чуть больше года, было закрыто в разгар экономического кризиса 1998 года. Журнал «Русская жизнь», который Тимофеевский выпускал с главным редактором Дмитрием Ольшанским,

выходил чуть больше двух лет и закрылся в 2009 году на фоне другого экономического кризиса. Одноименный интернет-журнал запустился в октябре 2012 года, но уже в марте 2013 гениальный директор медиагруппы «Событие», инвестора «Русской жизни», заявил о закрытии проекта в связи с недостаточными сборами от рекламы (Вокуев 2017)².

Похожая участь в то время постигла и другие культурные медиа. Летом 2012 года был ликвидирован отдел культуры в «Московских новостях» (сама газета прекратила свое существование в январе 2014 года). В июне 2012 года была закрыта русская версия журнала *Citizen K*, а владелец портала о культуре *OpenSpace*, предприниматель и финансист Вадим Беляев решил превратить его в общественно-политическое СМИ и уволил всю редакцию, которая вскоре основала сайт *Colta.ru*³. В 2012-м пертурбации на отечественном рынке культурных медиа не закончились. В июле 2014 года закрылось пятничное приложение к газете «Ведомости», большая часть которого отводилась под обзоры культурных событий. В 2016 году перестала выходить бумажная версия журнала «Афиша», который вскоре переформатировался в «самое умное российское издание о развлечениях и самое веселое из культурных», исключив, к примеру, из меню на сайте рубрику «Литература» (Что такое «Афиша Daily»).

Перечисления этих событий достаточно, чтобы сделать вывод о прекарном характере занятости культурных журналистов и критиков. Впрочем, стоит отметить, что последние годы отметились не только закрытием изданий, но и запуском новых медиапроектов, посвященных культуре. Некоторые из них позиционируются как «горизонтальные», независимые и открытые для сотрудничества с любыми авторами. Появившаяся в 2014 году площадка для публикации текстов о культуре «Сигма»

² Ссылка на экономические показатели, вероятно, была отговоркой, и есть основания полагать, что причины закрытия «Русской жизни», как и портала о культуре *OpenSpace* в феврале того же года, были политическими. В обоих изданиях публиковались Олег Кашин и Дмитрий Быков, а в «Русской жизни», декларировавшей свой политический нейтралитет, также печатался Константин Крылов. Все трое входили в Координационный совет оппозиции. См. об этом: (Ростова 2013).

³ Сайт существует сегодня за счет помощи читателей, взносов попечительского совета и помощи партнерских проектов. Но *Colta* — скорее исключение, к тому же — опять же на фоне кризиса — количество собранных изданием средств сокращается (Носова 2016). В конце 2019 года редакция сайта объявила подписку, вновь апеллируя к помощи читателей: «Мы работаем, но у нас не все хорошо. И уже давно. Мы не будем вас посвящать во все, но поверьте: речь идет о крайней ситуации» (*Colta.ru* нужна ваша помощь).

(*syg.ma*) позволяет публиковать статьи любому зарегистрированному пользователю (члены редакции лишь принимают решение, выносить ли их на главную страницу), а в запущенном в 2015-м журнале «Дискурс» (*discours.io*) решение о публикации присланных материалов коллегиально принимает сообщество авторов. Проблема в том, что для самих авторов этот труд остается неоплачиваемым. Сбор денег в интернете позволяет этим отнюдь не массовым изданиям по большому счету лишь поддерживать работу сайтов.

В последние годы возник и явный спрос на историко-культурное просвещение, с которым связано появление целого ряда интернет-проектов: «Арзамас», «Магистерия», «Полка», «Чапаев», минкультовский портал «Культура.рф», «Большой музей», «Лаврус». Историко-культурные лекции и курсы стали частью престижного культурного потребления. Так, средства, накопленные за счет платных образовательных программ по истории культуры, позволили частной питерской школе *Masters* открыть в 2017 году онлайн-журнал о современной культуре и искусстве *Masters Journal* (*journal.masters-project.ru*).

В последнем случае прослеживается определенная логика изменений в поле культурных медиа: концентрация экономического капитала влечет за собой — в ряде случаев — концентрацию капитала культурного. Профессиональная критика и журналистика при этом становятся своего рода роскошью. Пожалуй, самый примечательный пример этой закономерности — преобразование одноименного бортового журнала авиакомпании S7 в интеллектуально насыщенный гид по современной культуре (по всей вероятности, материалы о современном театре, искусстве, фестивальном кино — все это примеры эксклюзивной культуры — позволяют соответствующим образом коннотировать услуги самой компании). Другие примеры: сотрудничество с профессиональными кино-критиками сайта телеканала «Кино ТВ» и купленного «Яндексом» «КиноПоиска», долгое время публиковавшего лишь пользовательский контент, и запуск телеканалом «ТВ-3» культурных программ совместно с сайтом «Арзамас» и журналом «Искусство кино». Как нетрудно заметить, кинокритика находится в привилегированном положении — тут можно вспомнить и удачный сбор средств на перезапуск журнала и сайта «Искусство кино» Антоном Долиным, ставший возможным благодаря его медийному капиталу.

Концентрацией экономического капитала объясняется и централизация российского рынка культурных медиа, тяготеющих к Москве с ее насыщенностью культурными событиями и институциями. Появление сайтов о культурной жизни в крупных городах страны (таких как «Селедка» в Нижнем Новгороде и «Инде» в Казани) коренным образом ситуацию не меняет. Но при этом рынок приобретает все более фрагментированный характер: культурные медиа все больше сосредоточиваются в сети, взаимодействуя с узкими, часто не пересекающимися аудиториями. Публикации о культуре «распыляются» среди множества относительно небольших площадок, включающих сайты и аккаунты в социальных медиа самих культурных институций.

Добавим к этому политическую поляризацию: мы можем разделить культурные медиа на условно «патриотические» (или, лучше сказать, про- и околоскремлевские) и условно «либеральные». К первым — со всеми возможными оговорками — я бы отнес телеканал «Культура», радио «Культура», газету «Культура», портал «Культура.рф», «Литературную газету». Ко вторым — «Афишу», еженедельник «Коммерсантъ Weekend», *Colta.ru*, «Арзамас», «Полку», сайт о книгах «Горький», «Сеанс», «Искусство кино» и др. Общность этих изданий определяется не только схожими — в той или иной степени — политическими позициями, но и частично совпадающим перечнем авторов, как правило фрилансеров, конкурирующих друг с другом на одних и тех же площадках. Сказанное не означает, что авторам, работающим в приближенных к государству СМИ, неведомы «радости» прекарного труда. В условиях культурной политики, ориентированной на рентабельность и государственнический характер культурной продукции, под угрозой оказываются и они (Бедерова 2016). Вероятно, поэтому телеканал «Культура» попадал в центр скандала то по случаю цензуры, то в связи с массовыми увольнениями сотрудников.

Как отмечает социолог Александр Бикбов, культурная политика неолиберализма (суть которой он лаконично формулирует как «всеобщая конкуренция минус социальное государство») переводит расходы общественных бюджетов в индивидуальные и семейные траты потребителей культуры. «Это выражается в общем росте платы за вход: билетов в кино, на выставки, в музеи, театры, — и сокращении списка льготных категорий, а также в требованиях к публике поддерживать функционирование самих институций» (Бикбов 2011а).

В поле культурных медиа это приводит к распространению подписки, краудфандинговых кампаний и обращений к аудитории с просьбой поддержать тот или иной проект. Ведущие Telegram-каналов, видеоблогеры, стримеры либо рассчитывают на прямую финансовую помощь читателей и зрителей, либо увеличивают аудиторию в надежде привлечь рекламодателей. При этом «любители», т. е. те, кто формирует свой медийный капитал «с нуля» (например, кинообозреватель *BadComedian*), конкурируют в этом сегменте рынка с «профессионалами», пришедшими с уже накопленным медийным капиталом (подавшие в видеоблогинг журналист Леонид Парфёнов, музыкальный критик Артемий Троицкий, основатель «Открытой библиотеки» Николай Солодников, бывшая ведущая НТВ Юлия Панкратова).

Еще один результат неолиберальной политики: успех в культурном производстве все больше становится привилегией, доступной для тех, у кого нет нужды монетизировать свое время. По наблюдениям Александра Бикбова, выигрывает в этих условиях «либо богатый наследник, либо участник, готовый поступаться своими потребностями в комфорте и быте, либо некий коллективный субъект, который благодаря распределению издержек способен дольше, чем любой индивид, существовать в ситуации достаточно жесткой игры на выбывание» (Бикбов 2011b).

Маркетингизация культуры и неолиберальная культурная политика во многом объясняют описанные выше тенденции и структурные изменения российского рынка культурных медиа. Этот рынок, как уже говорилось, изначально воспроизводил характерное для российской публичной сферы расщепление на «официальный» и «оппозиционный» сегменты. В условиях

политической поляризации поля культурного производства наблюдается реакция, отчасти сглаживающая эти различия, а именно — переключение активности с комментирования актуальной культуры на менее конфликтные практики актуализации культурного канона. Остающийся, тем не менее, расщепленным рынок подвергается дальнейшей фрагментации. Из соображений прибыльности медиаменеджеры жертвуют критикой в пользу маркетинга, вынуждают редакции считаться с культурным потреблением публики, «оптимизируют» отделы и упраздняют неприбыльные активы. Оставшиеся без заработка журналисты и критики примыкают к изданиям, накопившим экономический капитал и готовым оплачивать высокими гонорарами символический капитал, что приводит к изменениям позиций игроков в поле и появлению новых значимых агентов. Из «умирающей» бумажной прессы авторы переходят в онлайн, где «профессионалам» приходится соперничать с «любителями», вовлеченными в культурное комментирование благодаря развитию информационных технологий и распространению культурной продукции. И хотя российский рынок культурных медиа остается сильно централизованным, доступность культурных событий в сети и средств информационного производства приводит к его относительной децентрализации. В результате этот фрагментированный — и все более цифровой — рынок представляет собой поле, в котором за внимание и ограниченные финансовые ресурсы аудитории конкурируют друг с другом индивиды и институционализированные игроки — сайты и аккаунты ранее созданных медиа и культурных учреждений, в том числе платформы, существующие за счет неоплачиваемого труда авторов.

Источники

- Что такое «Афиша Daily». *Афиша Daily*. [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/about/> (дата обращения 31.10.2019).
- Школа культурной журналистики. Описание проекта. *Фонд Михаила Прохорова*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prokhorovfund.ru/projects/contest/102/> (дата обращения 30.10.2019).
- Colta.ru нужна ваша помощь. О чем мы вас просим и почему. (2019) *Colta.ru*, 20 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/22877-kolte-nuzhna-vasha-pomosch> (дата обращения 30.11.2019).

Литература

- Бедерова, Ю. (2016) Искусство сложности капитулирует перед государством простоты. *Контрапункт*, № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/bederova_countepoint4.pdf (дата обращения 31.10.2019).

- Бикбов, А. (2011a) Культурная политика неолиберализма. *Художественный журнал*, № 83. [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/14/article/187> (дата обращения 30.10.2019).
- Бикбов, А. (2011b) По ту сторону «культурной политики неолиберализма». *Художественный журнал*, № 84. [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/13/article/178> (дата обращения 30.10.2019).
- Вокуев, Н. Е. (2017) Культура как «интеллектуальный отбеливатель» и излишек: об особенностях культурной журналистики в постсоветской России. *Человек. Культура. Образование*, № 2 (24), с. 6–20.
- Носова, Н. (2016) Главред «Colta.ru» Мария Степанова — о значении культуры, независимых медиа и екатеринбургском «Острове 90-х». *Znak.com*, 22 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2016-04-22/glavred_colta_ru_mariya_stepanova_o_znachenii_kultury_nezavisimyh_media_i_ekaterinburgskom_ostrove_90_h (дата обращения 31.10.2019).
- Петров, Е. (2015) «Чувак, твою полосу мы закроем все равно, вопрос времени». *Colta.ru*, 2 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/media/6160> (дата обращения 30.10.2019).
- Рассказова, Т. (1995) Александр Тимофеевский: у интеллигенции снова появилась героическая задача. *Сегодня*, 3 ноября, с. 10.
- Ростова, Н. (2013) Максим Ковальский: «Максим, как же так? Мы так в вас верили!». *Деньги*, 11 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://republic.ru/russia/kovalskiy-1016926.xhtml> (дата обращения 31.10.2019).
- Хабермас, Ю. (2016) *Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года*. М.: Весь мир, 344 с.
- Bourdieu, P. (1979) *La distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit, 670 p.
- Gottlieb, J. (2017) Curtains fall on arts critics at newspapers. *Columbia Journalism Review*, 6 January. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cjr.org/the_feature/arts_music_critics.php?CJR (дата обращения 30.10.2019).
- Hellman, H., Jaakkola, M. (2012) From aesthetes to reporters: The paradigm shift in arts journalism in Finland. *Journalism*, vol. 13, no. 6, pp. 783–801.
- Holden, J. (2006) *Cultural value and the crisis of legitimacy: Why culture needs a democratic mandate*. London: Demos, 67 p.
- Jaakkola, M. (2015) Witnesses of a cultural crisis: Representations of media-related metaproceses as professional metacriticism of arts and cultural journalism. *International Journal of Cultural Studies*, vol. 18, no. 5, pp. 537–554.
- Kristensen, N. N., From, U. (2015) Cultural journalism and cultural critique in a changing media landscape. *Journalism Practice*, vol. 9, no. 6, pp. 760–772. DOI: 10.1080/17512786.2015.1051357
- Purhonen, S. O., Heikkilä, R. L. S., Karademir Hazir, I. et al. (2018) *Enter culture, exit arts? The transformation of cultural hierarchies in European newspaper culture sections, 1960–2010*. London: Routledge, 274 p.
- Ross, A. (2017) The fate of the critic in the clickbait age. *The New Yorker*, 13 March. [Online]. Available at: <http://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/the-fate-of-the-critic-in-the-clickbait-age> (accessed 30.10.2019).

Sources

- Chto takoe “Afisha Daily” [What is “Billboard Daily”]. *Afisha Daily*. [Online]. Available at: <https://daily.afisha.ru/about/> (accessed 31.10.2019). (In Russian)
- Colta.ru nuzhna vasha pomoshch. O chem my vas prosim i pochemu [Colta.ru needs your help. What we ask you to do and why]. (2019) *Colta.ru*, 20 November. [Online]. Available at: <https://www.colta.ru/articles/specials/22877-kolte-nuzhna-vasha-pomosch> (accessed 30.11.2019). (In Russian)
- Shkola kul'turnoj zhurnalistiki. Opisanie proekta [School of cultural journalism. Project description]. *Fond Mikhaila Prokhorova [The Mikhail Prokhorov Foundation]*. [Online]. Available at: <http://www.prokhorovfund.ru/projects/contest/102/> (accessed 30.10.2019). (In Russian)

References

- Bederova, Yu. (2016) Iskusstvo slozhnosti kapituliruet pered gosudarstvom prostoty [The art of complexity capitulates to a state of simplicity]. *Kontrapunkt*, no. 4. [Online]. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/bederova_countepoint4.pdf (accessed 31.10.2019). (In Russian)
- Bikbov, A. (2011a) Kul'turnaya politika neoliberalizma [The cultural policy of neoliberalism]. *Khudozhestvennyj zhurnal — Moscow Art Magazine*, no. 83. [Online]. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/14/article/187> (accessed 30.10.2019). (In Russian)
- Bikbov, A. (2011b) Po tu storonu “kul'turnoj politiki neoliberalizma” [Beyond the cultural policy of neoliberalism]. *Khudozhestvennyj zhurnal — Moscow Art Magazine*, no. 84. [Online]. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/13/article/178> (accessed 30.10.2019). (In Russian)
- Bourdieu, P. (1979) *La distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit, 670 p. (In French)
- Gottlieb, J. (2017) Curtains fall on arts critics at newspapers. *Columbia Journalism Review*, 6 January. [Online]. Available at: https://www.cjr.org/the_feature/arts_music_critics.php?CJR (accessed 30.10.2019). (In English)

- Habermas, J. (2016) *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society: With the 1990 Preface*. Moscow: Ves' mir Publ., 344 p. (In Russian)
- Hellman, H., Jaakkola, M. (2012) From aesthetes to reporters: The paradigm shift in arts journalism in Finland. *Journalism*, vol. 13, no. 6, pp. 783–801. (In English)
- Holden, J. (2006) *Cultural value and the crisis of legitimacy: Why culture needs a democratic mandate*. London: Demos, 67 p. (In English)
- Jaakkola, M. (2015) Witnesses of a cultural crisis: Representations of media-related metaproceses as professional metacriticism of arts and cultural journalism. *International Journal of Cultural Studies*, vol. 18, no. 5, pp. 537–554. (In English)
- Kristensen, N. N., From, U. (2015) Cultural journalism and cultural critique in a changing media landscape. *Journalism Practice*, vol. 9, no. 6, pp. 760–772. DOI: 10.1080/17512786.2015.1051357 (In English)
- Nosova, N. (2016) Glavred “Colta.ru” Mariya Stepanova — o znachenii kul'tury, nezavisimyh media i ekaterinburgskom “Ostrove 90-kh” [“Colta.ru” editor-in-chief Maria Stepanova on the importance of culture, independent media and Yekaterinburg’s “Island of the 90s”]. *Znak.com*, 22 April. [Online]. Available at: https://www.znak.com/2016-04-22/glavred_colta_ru_mariya_stepanova_o_znachenii_kul'tury_nezavisimyh_media_i_ekaterinburgskom_ostrove_90_h (accessed 31.10.2019). (In Russian)
- Petrov, E. (2015) “Chuvak, tvoyu polosu my zakroem vse ravno, vopros vremeni” [“Dude, we’ll close your column anyway, a matter of time”]. *Colta.ru*, 2 February. [Online]. Available at: <http://www.colta.ru/articles/media/6160> (accessed 30.10.2019). (In Russian)
- Purhonen, S. O., Heikkilä, R. L. S., Karademir Hazir, I. et al. (2018) *Enter culture, exit arts? The transformation of cultural hierarchies in European newspaper culture sections, 1960–2010*. London: Routledge, 274 p. (In English)
- Rasskazova, T. (1995) Aleksandr Timofeevskij: u intelligentsii snova poyavilas' geroicheskaya zadacha [Alexander Timofeevsky: The intelligentsia again had a heroic task]. *Segodnya*, 3 November, p. 10. (In Russian)
- Ross, A. (2017) The fate of the critic in the clickbait age. *The New Yorker*, 13 March. [Online]. Available at: <http://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/the-fate-of-the-critic-in-the-clickbait-age> (accessed 30.10.2019). (In English)
- Rostova, N. (2013) Maksim Koval'skij: “Maksim, kak zhe tak? My tak v vas verili!” [Maxim Kovalsky: “Maxim, how so? We had so much faith in you!”]. *Den'gi*, 11 November. [Online]. Available at: <https://republic.ru/russia/kovalskiy-1016926.xhtml> (accessed 31.10.2019). (In Russian)
- Vokuev, N. E. (2017) Kul'tura kak “intellektual'nyj otbelivatel” i izlishek: ob osobennostyakh kul'turnoy zhurnalistiki v postsovetskoy Rossii [Culture as “Intellectual Whitener” and surplus: The features of cultural journalism in post-soviet Russia]. *Chelovek. Kultura. Obrazovaniye — Human. Culture. Education*, no. 2 (24), pp. 6–20. (In Russian)

Сведения об авторе

Николай Евгеньевич Вокуюев, e-mail: vne.86@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Author

Nikolai E. Vokuev, e-mail: vne.86@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology, Institute of Culture and Arts, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Компетенции культуролога: возможности и границы применения

Н. С. Галушина^{✉1}

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Для цитирования:

Галушина, Н. С.
(2020) Компетенции культуролога:
возможности и границы
применения. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 2, № 2, с. 98–104.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-98-104

Получена 30 января 2020; прошла
рецензирование 19 апреля 2020;
принята 19 апреля 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Можно выделить три этапа самоопределения культурологии как научной и образовательной дисциплины. Если на первом этапе культурология позиционировалась как общеобразовательная дисциплина «для всех» и «фундаментальная» наука для культурологов, на втором — инструментализировалась в форме не только «знаний», но и «умений» и «навыков», то на третьем этапе в связи с требованиями федерального стандарта о связи профессиональных компетенций с соответствующими профстандартами культурология пытается обрести некоторый профессиональный статус. Характеристиками современного профессионального рынка в России и мире является высокая степень неопределенности, устаревание одних профессий и появление новых. В этой ситуации важен не столько принцип стандартизации, сколько, напротив, высокая степень гибкости и адаптивности. Можно сказать, что культурология ищет свое место в условиях «профессии без вакансий». Среди востребованных качеств на современном рынке труда — гибкие, или «надпрофессиональные» навыки. Рефлексия о профессиональных перспективах культурологического образования идет на разных уровнях. Профорientационные ресурсы и культурологи-практиканты выделяют в качестве плюсов культурологического образования эрудицию и широкий круг возможных мест работы, а в качестве минусов — отсутствие определенной области применения и низкую заработную плату. В академической среде активно обсуждается роль культуролога как эксперта и управленца, однако эти притязания в целом слабо подкреплены реальной практикой. В современных условиях культурология нуждается в развитии «надпрофессиональных» компетенций, позволяющих перемещаться между отраслями. В качестве таковых сегодня, со слов работодателей и самих выпускников-культурологов, выступают широта эрудиции культуролога, адаптивность исследовательских инструментов, быстрая обучаемость — те преимущества культуролога на рынке труда, которые могут быть осмыслены как результат «трансдисциплинарности» образования. Однако со стороны работодателей, независимо от конкретной сферы деятельности, существует запрос на компетенции в области проектной деятельности, управления и маркетинга. Даже будучи формально включенными в перечень профессиональных компетенций, эти знания, умения и навыки нуждаются в ресурсах и поддержке «изнутри» образовательной системы.

Ключевые слова: культуролог, профстандарт, надпрофессиональные компетенции, трансдисциплинарность, экспертиза, проектная деятельность, управление, маркетинг.

Competences of a culturologist: Possibilities and limits of application

N. S. Galushina✉¹

¹ Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, GSP-3 125993, Russia

For citation:

Galushina, N. S. (2020) Competences of a culturologist: Possibilities and limits of application. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 98–104. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-98-104

Received 30 January 2020;
reviewed 19 April 2020;
accepted 19 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. There are three stages of self-determination of cultural science as a scientific and educational discipline. At the first stage, culturology was considered as a general education discipline “for everyone”, on the one hand, and “fundamental” science for culturologists, on the other hand. At the second stage it was instrumentalized in the form of not only “knowledge”, but also “skills”. At the third stage, in connection with the requirements of the federal standard (the relationship between professional competencies and relevant professional standards), cultural studies are trying to gain a certain professional status. The main characteristics of the modern professional market in Russia and in the world are a high degree of uncertainty, the obsolescence of certain professions and the emergence of new ones. We can say that culturology is looking for its place in the context of a “profession without vacancies”. Career guidance resources and practicing culturologists emphasize erudition and a wide range of possible jobs as advantages of culturological education; disadvantages include the absence of a specific area of application and low salaries. In the academic environment, the role of a culturologist as an expert and manager is under debate, however, these claims are generally poorly supported by real practice. In modern conditions, culturology needs the development of “supraprofessional” competencies that allow moving between sectors. According to employers and graduate culturologists, these competences include broad erudition, the adaptability of research tools, and quick learning — these are the advantages of a culturologist in the labor market as a result of the “transdisciplinarity” of education. However, on the part of employers, regardless of the industry, there is a request for competencies in the field of project activity, management and marketing.

Keywords: culturologist, professional standard, supraprofessional competencies, transdisciplinarity, expertise, project activities, management, marketing.

Вопрос о компетенциях культуролога тесно связан с тем, как воспринимается культурологическое образование «изнутри» и «извне» образовательных институций на протяжении существования этого направления подготовки.

Можно выделить несколько этапов рефлексии статуса культурологии в академическом и профессиональном сообществе.

Первый этап — институционализация и «дисциплинарное самоопределение» культурологии в 1990-е гг., реализованное в первых госстандартах 1995–1996 гг. (Зверева 2007, 16). Это самоопределение было основано на поисках «оснований для формирования деидеологизированного научного социально-гуманитарного знания» (Зверева 2007, 17). Можно считать, что в целом эта задача была решена: к настоящему времени культурология не только получила признание как область академического знания, но внутри нее сложились целые направления или даже школы, основывающиеся на той или иной исследовательской традиции или оптике.

Для этого периода в первую очередь важна рефлексия разделения культурологии «для некультурологов» и «для культурологов». В первом случае потенциал культурологии рассматривался как заключающийся в реализации социальной функции культурологии как общеобразовательной дисциплины. Курс культурологии читался на большинстве направлений подготовки, в том числе технической направленности. Следует отметить, что далеко не все образовательные программы, ранее включавшие культурологию в учебный план, сохранили ее в своей структуре. Утрата культурологией своих общеобразовательных позиций и «амбиций», по-видимому, нуждается в отдельном осмыслении.

Для варианта «культурология для культурологов» на первом этапе свойственно представление о культурологии как «фундаментальной» науке. Однако в этот период, как пишет Г. И. Зверева, «сама фундаментальность... трактуется главным образом как энциклопедизм и высокая теоретичность знания, приобретаемого выпуск-

никами» (Зверева 2007, 24–25), что приводит к эффекту оторванности от современных практик и «абстрактности» образования.

Второй этап связан в определенной степени со вступлением России в так называемый «Болонский процесс». Его важнейшее новшество — компетентностный подход. Для компетентностного подхода характерно представление о конечной цели подготовки выпускника — какими профессиональными качествами он должен обладать. В культурологии делается попытка инструментализации знания, которая на формальном уровне выражается в формулировке компетенций не только как «знаний», но и «умений» и «навыков». В этом случае акцент в образовательной системе делается «...не на сам предмет (что именно подлежит изучению), а на возможность применить к нему определенные процедуры социально-культурного анализа (как изучать)» (Зверева 2007, 27). Преимущество такой переориентации подготовки культурологов в том, что полученные студентом познавательные и аналитические инструменты могут быть адаптированы к различным областям деятельности.

Третий этап, как представляется, наступает в настоящее время и определен несколькими факторами. Одни из них носят формальный характер, другие связаны с реалиями трудового рынка наших дней.

К формальным факторам можно отнести появление нового ФГОС (3++) с требованием привязки профессиональных компетенций к профстандарту. При его отсутствии предлагается обращаться к профстандартам смежных областей деятельности — в частности, преподавательской. По сути, ею ограничены представления о профессиональной реализации культуролога, заложенные в стандарте. В этих обстоятельствах самим культурологам придется задумываться о профессиональных компетенциях и, шире, о профессиональном статусе культуролога.

Делать это приходится в то время, когда рынок профессий находится в чрезвычайно подвижном состоянии и обладает неопределенными перспективами. Особенности текущей ситуации очень точно изложили Е. Н. Ивахненко и Л. И. Аттаева в недавней статье «Высшая школа: взгляд за горизонт» (Ивахненко, Аттаева 2019). В условиях, когда одни профессии исчезают, а другие, кажущиеся подчас экзотическими, появляются, прописанные под конкретную профессию компетенции будут быстро устаревать, утверждают авторы. Принцип стандартизации профессиональных навыков,

точное воспроизводство функционала — удел образования индустриальной эпохи, в то время как постиндустриальное образование должно формировать «качества и свойства личности и специалиста, которые технологии и искусственный интеллект заменить не смогут. В их числе — креативность, эмпатия, восприимчивость, творческое воображение, способность нестандартно мыслить, преодолевать запутанность и сложность ситуаций» (Ивахненко, Аттаева 2019, 22).

Образование должно быть ориентировано не столько на конкретную профессию (существующую или предсказанную), сколько на формирование «устойчивой адаптации к неопределенностям» и «надпрофессиональных навыков», позволяющих работнику сохранять эффективность и быть востребованным при переходе из одной отрасли в другую (Ивахненко, Аттаева 2019, 24).

Разработанный в Сколково «Атлас новых профессий» в числе таких навыков называет: системное мышление; навыки межотраслевой коммуникации; умение управлять проектами и процессами; клиентоориентированность; умение работать с запросами потребителя; мультиязычность и мультикультурность; умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми; работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач; способность к художественному творчеству, наличие развитого эстетического вкуса (Атлас новых профессий).

Имея в виду эту аналитическую картину, интересно сопоставить ее с реальным опытом выпускников культурологических факультетов и отделений. О каких тенденциях свидетельствует их репутация и карьерная траектория? За более чем два десятилетия работы университетов, факультетов и отделений культурологии на рынок труда вышло множество культурологов, которые были вынуждены искать себе применение в условиях отсутствия соответствующих вакансий.

Во-первых, любопытно, как репрезентируется профессия «культуролог» на профориентационных сайтах. Эти репрезентации представляют собой результат относительно «стихийной» рефлексии уже имеющегося опыта образования и работы. Некоторые из описаний чрезвычайно поверхностны и малоинформативны, однако другие подходят к задаче профориентации довольно ответственно.

Например, на специализированном сайте «Профгид» культуролог представлен как специалист широкого профиля, многосторонне об-

разованный и эрудированный, что дает ему возможность работать в самых разных областях: «Культурологи хорошо разбираются в истории, филологии, этнографии, философии, религиоведении, искусстве, арт-менеджменте, являясь гуманитарными специалистами широкого профиля... Эта специальность хороша тем, что выпускники получают знания, умения и навыки, позволяющие им работать в широком спектре областей. Если кому-то не хочется работать в музее — он может пойти в коммерческую картинную галерею, если кого-то не радует перспектива устроиться в архив — можно податься в СМИ, и так далее» (Профгид).

Поскольку культуролог, как пишет на другом сайте блогер с культурологическим образованием, — «профессия без вакансий», он может претендовать на самый широкий круг профессиональных позиций: преподаватель; ученый-культуролог или «публичный» культуролог; музейный работник; библиотекарь; журналист; критик/обозреватель кино, музыки, театра, моды; блогер/видеоблогер; консультант в книжном магазине; сотрудник рекламного агентства; переводчик (Rjob — работа в России).

«Выстраивать карьеру специалисты в области культурологии могут в государственных и коммерческих учреждениях культуры: министерствах, центрах современного искусства, музеях, выставках, фестивалях и других культурных проектах. Область применения знаний и умений культуролога весьма обширна: такие специалисты работают в PR-агентствах, преподают в вузах, работают в СМИ», — утверждает сайт для абитуриентов (Абитура).

К плюсам культурологической подготовки относят новизну (несмотря на уже четвертьвековую историю) и перспективность, активное развитие специальности; возможность трудоустройства в близкие по профилю области (журналистику, PR, политику, СМИ, ивент-и рекламные агентства, художественные галереи); креативный характер профессии, возможность творческой самореализации; расширение кругозора (как во время учебы, так и в ходе выполнения рабочих обязанностей) (Профгид). Другие отмечают возможность проведения собственных исследований и их публикации, а также возможность ежедневно соприкасаться с тем, что выпускника «действительно интересует» («для людей, питающих особую любовь к искусству и культуре») (Абитура).

Минусы — недостаточная распространенность профессии, из-за которой поиск работы по специальности может быть проблемным. Поскольку профессионалы данной области не

имеют определенной сферы деятельности, то и вакансии культуролога можно встретить нечасто, поэтому их зарплата может варьироваться в зависимости от места работы и занимаемой должности. При неудачном трудоустройстве заработная плата может оказаться низкой.

Хотя расширение кругозора — сильная сторона профессии, необходимость в освоении близких областей деятельности для нахождения работы может трактоваться как недостаток.

Картина, которую дают профориентационные ресурсы, в целом производит впечатление объективности и нейтральности. Она подтверждается рефлексией студентов-культурологов, прошедших производственную практику в различных учреждениях культуры. В качестве сильных сторон своей подготовки они отмечают главным образом две вещи: во-первых, широкую эрудицию, позволяющую находить общий язык со специалистами в самых разных сферах; во-вторых — высокую обучаемость, адаптивность когнитивного аппарата к различным теориям, методам и практикам¹. По сути, это та инструментальность, которая позволяет быстро осваивать новые инструменты или адаптировать имеющиеся под актуальные задачи. Работодатели отмечают, кроме того, нестандартные решения и контексты, которые практиканты-культурологи используют для решения стоящих перед ними рабочих задач. Это происходит благодаря тому качеству, которое получило название «трансдисциплинарности» (Ивахненко, Атаева 2019, 26–27). Речь идет не о междисциплинарности как умении применять инструментарий одной науки в исследованиях другой, а о некоторой метапозиции, такой перспективы, в которой объединяются различные точки зрения. Это выгодно отличает культуролога от «классического» искусствоведа или даже музейщика, при том что культурологу может не хватать «отраслевых» знаний (например, правил хранения различных артефактов). К тому же этот недостаток восполняется за счет быстрой обучаемости, о которой уже было сказано.

Внутри академического сообщества позиционирование культуролога на рынке труда — тема, относительно недавно ставшая предметом специального осмысления. Вероятно, это отчасти связано с «ценностной» моделью образования (университет Гумбольдта), в которой образование не является утилитарным и ориентированным на сиюминутные задачи. Однако

¹ По результатам круглого стола «Производственная практика студента-культуролога: опыт работы в культурном учреждении» в рамках студенческой конференции «Изучение культуры в современном мире — II» 11–12 октября 2019 г.

Болонский процесс и переход на компетентностную модель образования, с одной стороны, и инструментализация знания в информационном обществе, с другой, побудили университетские круги инициировать дискуссию по поводу статуса культурологии и потенциала культуролога на профессиональном рынке. Пик публикаций на эти темы в профильных журналах (таких как «Вопросы культурологии», «Культурологический журнал», «Обсерватория культуры») приходится на 2010–2012 гг.

Так, в 2010 г. в Московском гуманитарном университете состоялась конференция «Специалист-культуролог на рынке труда», на которой были выделены важные позиции по поводу конкурентных возможностей культуролога. Наряду с распространенными представлениями о востребованности культуролога в научно-исследовательской, преподавательской и культурно-просветительской сферах в ходе обсуждения этой проблемы были высказаны следующие идеи: специалисты-культурологи могут выступать «экспертами, способными выявить и оценить гуманитарные риски в инженерных, экономических, социальных, политических проектах», они востребованы там, где «принимаются управленческие решения, имеющие серьезные социальные последствия», высказывалась идея «обязательности культурологического образования в качестве второго высшего образования для руководителей разных уровней» (Костина 2010, 275). Вопросы культурологической экспертизы ставились и в теоретико-методологическом ключе (Рабош, Никифорова, Кривич 2011). Нетрудно заметить разницу между этими установками и более «приземленной» картиной «с полей». Мало того, в существующем социополитическом контексте сама идея экспертизы (культурологической, лингвистической) оказывается в какой-то степени скомпрометированной в связи с некорректностью и предвзятостью заключений, выдаваемых за «экспертные» в ряде случаев, в том числе резонансных.

Культуролог как эксперт — идея чрезвычайно ценная и, хочется верить, перспективная. Однако она отражает только часть представлений о роли культуролога в современном обществе и на рынке труда. Запрос на эксперта-культуролога со стороны управленческих структур и других социальных и экономических секторов остается гипотетическим.

Для построения более объемного и в то же время реалистического представления о профессиональных возможностях и границах культуролога видится чрезвычайно значимым взаимодействие как минимум трех сторон:

- студента, которому важно понимать сильные стороны университетской подготовки, осознавать конкурентные преимущества профессии и собственные перспективы на рынке труда;
- университета — с точки зрения «настройки» образовательной программы в целом и отдельных дисциплин;
- работодателя, который может рассчитывать на определенные способности, знания и умения принимаемого на стажировку или на работу культуролога — студента или выпускника.

Опыт взаимодействия с работодателями в рамках организации производственной практики и опыт трудоустройства выпускников-культурологов демонстрирует, что наиболее сильными сторонами академической подготовки по направлению «Культурология» являются, как уже упоминалось, широкая эрудиция и высокая обучаемость, позволяющие культурологам быстро и эффективно адаптироваться в разных профессиональных областях.

В то же время современный рынок труда, как показывает отклик работодателей², требует целого ряда знаний, умений и навыков, на сегодняшний день являющихся действительно трансдисциплинарными. Это в первую очередь проектная деятельность. Практически все организации, работающие в сфере культуры, помимо базовой рутинной деятельности, реализуют проекты: выставки, лекции, кинопоказы, другие культурно-просветительские мероприятия, а также медийные проекты. Актуальны вопросы поиска финансирования — грантовая деятельность, краудфандинг и другие. Вторая требуемая компетенция — управленческая. Работа в организации, в особенности проектная, — это работа в коллективе. Навыки менеджмента в той или иной степени упоминаются всеми работодателями. В условиях современной информационной среды, при господстве социальных медиа невероятно актуальны навыки медийного маркетинга (SMM). Без грамотного медийного сопровождения не будет успешным ни один проект. Конкурентоспособность любого продукта в существенной мере определяется его представленностью в медийной среде. Одна из главных задач культуролога сегодня — PR и продвижение продукта. Между тем именно эти компетенции все еще недостаточно подкреплены образовательными ресурсами университетов.

² По материалам круглого стола «Профессия — культуролог» (22 февраля 2019 г., РГГУ).

Если вернуться к проблеме ФГОС 3++ как формальной рамке, в которой сегодня идет обновленная дискуссия о профессиональных компетенциях, то представляется совершенно справедливым замечание Е. Н. Ивахненко и Л. И. Аттаевой о том, что «формально требования (регулирующих инстанций. — Н. Г.) могут быть приняты, а учебные настройки всех уровней при этом могут оставаться прежними. Между директивами и конечным результатом располагается невидимая субстанция — образовательная система — с ее традициями администрирования, инерцией, рекурсией, траекториями интересов различных групп —

участников образовательного процесса (администрации, ППС, студентов), эстафетой инструментальных действий и практик. Именно на этих площадках решаются или не решаются (имитируются) основные задачи высшего образования» (Ивахненко, Аттаева 2019, 24). Таким образом, проблема не сводится к сколь угодно конвенциональной формулировке компетенций. Речь идет скорее о поддержке «изнутри» и ресурсах, которые позволят образовательным структурам развивать «надпрофессиональные» компетенции, опираясь на уже имеющиеся преимущества культурологического образования.

Источники

- Атлас новых профессий*. [Электронный ресурс]. URL: https://skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения 01.11.2019).
- Культуролог. *Абитура*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abitura.pro/directory/professions/kulturolog> (дата обращения 01.11.2019).
- Культуролог. *Профгид*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.profguide.io/professions/kulturolog.html> (дата обращения 01.11.2019).
- Rjob — работа в России*. [Электронный ресурс]. URL: https://rjob.ru/articles/professiya_bez_vakansiy_gde_rabotat_kulturologu/ (дата обращения 01.11.2019).

Литература

- Зверева, Г. И. (2007) Культурология как академическая проблема. *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*, № 10, с. 14–32.
- Ивахненко, Е. Н., Аттаева, Л. И. (2019) Высшая школа: взгляд за горизонт. *Высшее образование в России*, т. 28, № 3, с. 21–34. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-3-21-34
- Костина, А. В. (2010) Специалист-культуролог на рынке труда. *Знание. Понимание. Умение*, № 2, с. 274–276.
- Рабош, В. А., Никифорова, Л. В., Кривич, Н. А. (ред.). (2011) *Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт*. СПб.: Астерион, 383 с.

Sources

- Atlas novykh professij [Atlas of New Professions]*. [Online]. Available at: https://skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (accessed 01.11.2019). (In Russian)
- Kul'turolog [Culturologist]. *Abitura [Enrollement]*. [Online]. Available at: <https://www.abitura.pro/directory/professions/kulturolog> (accessed 01.11.2019). (In Russian)
- Kul'turolog [Culturologist]. *Profgid [Professional guide]*. [Online]. Available at: <https://www.profguide.io/professions/kulturolog.html> (accessed 01.11.2019). (In Russian)
- Rjob — rabota v Rossii [Rjob — Work in Russia]*. [Online]. Available at: https://rjob.ru/articles/professiya_bez_vakansiy_gde_rabotat_kulturologu/ (accessed 01.11.2019). (In Russian)

References

- Ivakhnenko, E. N., Attaeva, L. I. (2019) Vysshaya shkola: vzglyad za gorizont [High school: Looking beyond the horizon]. *Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, vol. 28, no. 3, pp. 21–34. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-3-21-34 (In Russian)
- Kostina, A. V. (2010) Spetsialist-kul'turolog na rynke truda [Specialist in cultural studies on labour market]. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 274–276. (In Russian)
- Rabosh, V. A., Nikiforova, L. V., Krivich, N. A. (eds.). (2011) *Kul'turologicheskaya ekspertiza: teoreticheskie modeli i prakticheskij opyt [Cultural expertise: Theoretical models and practical experience]*. Saint Petersburg: Asterion Publ., 383 p. (In Russian)

Zvereva, G. I. (2007) Kul'turologiya kak akademicheskaya problema [Culturology as an academic problem]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie" — RSUH/RGGU Bulletin. Series "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*, no. 10, pp. 14–32. (In Russian)

Сведения об авторе

Наталья Сергеевна Галушина, e-mail: galushiny@yandex.ru

Кандидат культурологии, заведующая кафедрой социокультурных практик и коммуникаций факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета

Author

Natal'ya S. Galushina, e-mail: galushiny@yandex.ru

of the Department of Social and Cultural Practices and Communications, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities

Профессия культуролога в аспекте «Основ государственной культурной политики»

Л. К. Круглова^{✉1}

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, 198035, Россия, Санкт-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7

Для цитирования:

Круглова, Л. К. (2020) Профессия культуролога в аспекте «Основ государственной культурной политики». *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 105–112. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-105-112

Получена 19 февраля 2020; прошла рецензирование 15 мая 2020; принята 15 мая 2020.

Права: © Автор (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Государственную культурную политику в нашей стране определяют «Основы государственной культурной политики», утвержденные указом Президента РФ 24.12.2014, и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.02.2016 № 326-р. В свете этих документов, где культура названа фактором национальной безопасности, профессия культуролога приобретает первостепенное значение. Это обусловлено необходимостью профессиональной деятельности культуролога по двум направлениям: работа по достижению целей и решению задач государственной культурной политики и экспертная оценка результатов этой работы. Первое направление предполагает востребованность профессиональных культурологов во многих сферах социокультурной жизни, среди которых важнейшими являются образование, руководство учреждениями культуры и туризм. Второе направление предполагает необходимость создания экспертных советов разных уровней для экспертизы образовательных стандартов и учебных планов, различного рода социокультурных проектов, содержания теле- и радиопрограмм и других продуктов культурной деятельности на предмет их соответствия целям и задачам государственной культурной политики. Наиболее продуктивно эти и другие виды экспертной деятельности могут выполняться только профессиональными культурологами. Автор статьи предлагает обсудить возможность принятия ряда практических мер, осуществление которых может позитивно повлиять на состояние отечественной культуры и, соответственно, на статус и востребованность профессиональных культурологов. Среди них: введение дисциплины «культурология» в качестве обязательной в государственные стандарты высшего образования, включение в число критериев оценки эффективности работы учреждений системы образования такого показателя, как соответствие или несоответствие целям и задачам государственной культурной политики, включение в положение о занятии должностей руководителей органов управления культурой, директоров клубов и домов культуры в качестве обязательного квалификационного требования наличие высшего культурологического образования, включение должности методиста-культуролога в штатное расписание туристических фирм и агентств, клубов, домов и дворцов культуры, парков культуры и отдыха. Условием успешного решения поставленных проблем автор считает максимально полную представленность в культурологии человеческого измерения культуры, то есть построение культурологической теории на основе антропологического принципа.

Ключевые слова: государственная культурная политика, культурологическая экспертиза, гармонично развитая личность, профессия культуролога, антропологический принцип в культурологии, руководство учреждениями и организациями культуры, человекотворческий потенциал туризма, культурологические экспертные советы.

Profession of a culturologist in terms of the “Foundations of the state cultural policy”

L. K. Kruglova✉¹

¹ Admiral Makarov State University of Maritime and River Fleet, 5/7 Dvinskaya Str., Saint Petersburg 198035, Russia

For citation:

Kruglova, L. K. (2020) Profession of a culturologist in terms of the “Foundations of the state cultural policy”. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 105–112. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-105-112

Received 19 February 2020; reviewed 15 May 2020; accepted 15 May 2020.

Copyright: © The Author (2020). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The state cultural policy in Russia is defined by the “Foundations of the state cultural policy”, approved by the decree of the President of the Russian Federation, 24 December 2014, and “Strategy of the state cultural policy for the period until 2030” approved by the decree of the Russian Government, 20 February 2016 No. 326-p. In light of these documents, which define culture as a factor of national security, the profession of a culturologist is gaining momentum. In this respect, there are two areas where the contribution of culturologists is of value: working towards the goals and objectives of the state cultural policy and expert evaluation of the results of this work. The first direction dictates the demand for culturologists in many areas of socio-cultural life, high among them, as it seems, is education, management of cultural institutions, and tourism. The second direction implies the need to establish expert councils at different levels for the evaluation of educational standards and curricula, various socio-cultural projects, the content of TV and radio programmes and other cultural products for their compliance with the goals and objectives of the state cultural policy. This and other types of expert work can be performed most productively only by expert culturologists. The author of the article suggests discussing the possibility of taking a number of practical measures, the implementation of which can positively affect national culture and, accordingly, raise the profile and demand for professional cultural scientists. These measures include making the discipline “cultural studies” compulsory in the state standards of higher education; developing the criteria for evaluating the performance of the education system such as compliance or noncompliance with the goals and objectives of the state cultural policy; appointing heads of cultural institutions, clubs and houses of culture from a pool of applicants with a relevant degree in cultural studies; introducing the position of a cultural expert for travel companies and agencies, clubs, houses and palaces of culture, parks of culture and rest. The author considers that the stated challenges may be resolved only if cultural studies embrace the human-centered dimension of culture. This indicates the need to develop a culturological theory based on anthropological principles.

Keywords: state cultural policy, cultural expertise, harmoniously developed personality, culturologist, anthropological principle in cultural studies, management of cultural institutions and organizations, human potential of tourism, cultural expert councils.

Государственную культурную политику в нашей стране определяют «Основы государственной культурной политики», утвержденные указом Президента РФ 24.12.2014 (Указ Президента РФ... 2014), и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.02.2016 № 326-р (Распоряжение Правительства... 2016).

В свете этих документов профессия культуролога приобретает первостепенное значение.

Чтобы доказать это, нужно прежде всего обратиться к преамбуле первого из названных документов, где сказано, что «государственная культурная политика признается неотъемлемой

частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Указ Президента РФ... 2014, 3). Отсюда следует необходимость профессии культуролога, которая, в самых общих чертах, предполагает наличие таких профессиональных компетенций, как, во-первых, знания о том, что такое культура, каковы законы ее структуры, функционирования и развития, и, во-вторых, умение воплощать эти знания в действительность. Эти знания и умения необходимы, потому что без них невозможна деятельность по достижению целей и решению задач государственной культурной политики и, что самое главное, невозможна оценка результатов этой деятельности. При этом важно под-

черкнуть, что речь должна идти именно о профессиональных знаниях и умениях культуролога, что обусловлено сложностью феномена культуры и необъятными масштабами поля культурной деятельности. И самый главный вывод, который следует из содержания преамбулы «Основы государственной культурной политики», заключается в том, что профессия культуролога не просто нужна, но она напрямую связана с проблемой национальной безопасности Российской Федерации, и, соответственно, отсутствие профессиональной деятельности в этом направлении или ее недостаток наносит ущерб национальной безопасности.

Почему же, несмотря на это, профессия культуролога до сих пор мало востребована, а если говорить честно, совсем не востребована на рынке труда? Ответ на этот вопрос очень прост: во-первых, в обществе еще нет понимания связи между культурой (и, соответственно, профессией культуролога) и проблемами национальной безопасности; во-вторых, отсутствует правовое подкрепление профессионального статуса культуролога. Речь идет о том, что в настоящее время профессия культуролога еще не значится в перечне профессий и, кроме того, в положениях о требованиях к занятию различного рода должностей ни в каких случаях не предусмотрено такое требование, как наличие профессионального культурологического образования.

Так в каких же случаях в свете «Основ государственной культурной политики» и «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» профессиональное культурологическое образование является необходимым? Представляется, что здесь можно выделить два основных направления. Это, во-первых, непосредственная деятельность по достижению целей и решению задач государственной культурной политики и, во-вторых, экспертная оценка результатов этой деятельности.

Первое направление предполагает востребованность профессиональных культурологов во многих сферах социокультурной жизни. Представляется, что важнейшими из них являются образование, руководство органами управления и учреждениями культуры и туризм.

Что касается образования, то надо признать, что это в настоящее время единственная сфера, где необходимость профессиональных культурологов официально признается. Однако и здесь положение культурологов очень шатко. Это обусловлено тем, что профессиональные культурологи нужны в сфере образования только в качестве преподавателей дисциплины «куль-

турология», а ее включение в учебные планы полностью зависит от вкуса и уровня развития составителей учебных планов. А поскольку этот вкус и этот уровень, как правило, оказываются невысокими, то культурология из учебных планов исключается, и, соответственно, закрываются кафедры культурологии, сокращаются штаты преподавателей культурологии и т. д. Этот процесс, как известно, происходит почти во всех, если не во всех, вузах.

Таким образом, единственное на сегодня поле приложения и использования профессиональных компетенций культурологов сокращается как шагреновая кожа.

Между тем в свете положений «Основ государственной культурной политики» и «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» становится совершенно очевидным, что знания о культуре, ее роли в обществе и в жизни отдельного индивидуума, о связи культуры с проблемами национальной безопасности необходимы каждому человеку. Культурологическая безграмотность делает людей жертвами враждебной культурной экспансии, культурного колониализма или попросту жертвами нездоровой культурной среды. Это говорит о необходимости ликвидации культурологической безграмотности, то есть о необходимости культурологического ликбеза. В первую очередь это касается сферы образования. Представляется, что в программах общего среднего и среднего специального образования необходимый уровень культурологической грамотности может быть достигнут за счет темы «История культуры» в рамках дисциплины «История» (отечественная и мировая) и за счет включения в учебные программы дисциплин «История мировой художественной культуры», «История религии», «История этических учений».

Что касается высшей школы, то здесь представляется необходимым включение в государственные стандарты высшего профессионального образования дисциплины «Культурология» в качестве обязательной. Как известно, в настоящее время в качестве таковых в стандартах значатся только философия и история. Их явно недостаточно для формирования тех компетенций, которые в свете документов «Основы государственной культурной политики» и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» представляются необходимыми для человека с высшим образованием.

Кроме того, необходимость ликвидации культурологической безграмотности требует просветительской работы широкого спектра:

по линии общества «Знание», телевидения, радио, интернета. Совершенно очевидно, что наиболее плодотворно трудиться на этом поприще могут именно профессиональные культурологи, которые не ограничиваются сообщением различных сведений об отдельных явлениях культуры, а способны давать концептуальное знание о культуре и роли каждого человека как субъекта культуры.

Такого рода деятельность требует, разумеется, не только энтузиазма, хотя без него не обойтись, но и соответствующего финансирования на государственных каналах радио, телевидения, государственной поддержки в сети Интернет, в области книгоиздания и т. д.

Что должно быть первичным? Финансирование или проекты? Вероятно, все-таки проекты, которые затем придется «пробивать», ссылаясь на государственные документы — «Основы государственной культурной политики» и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года».

Сферой деятельности, где необходимость профессиональных культурологов представляется совершенно очевидной, — это органы по управлению культурой всех уровней — от федерального до муниципального. Эта идея не нуждается в подробных доказательствах, однако ей необходимо придать юридическую силу и в соответствии с этим внести в положения о занятии должностей руководителей организаций и органов управления культурой в качестве обязательного квалификационного требования — наличие высшего образования по направлению «культурология». Кроме того, видимо, есть необходимость предъявлять это требование и к занятию ряда других должностей, предусмотренных в штатных расписаниях органов и организаций по управлению культурой.

Другая сфера, где необходимы профессиональные культурологи, — это учреждения культуры.

В этом случае имеются в виду не все учреждения культуры, а учреждения синтетического типа — например, клубы, дома культуры, дворцы культуры. Отдельные направления работы в них могут возглавлять кадры со специальным образованием — хормейстеры, балетмейстеры и т. д. Однако совершенно очевидно, что руководить всеми направлениями работы в учреждениях культуры синтетического типа должны люди со специальным культурологическим образованием, которые понимают, что такое культура вообще, и не сводят ее только к художественной культуре.

В соответствии с этим наличие высшего образования по направлению «Культурология» должно стать обязательным квалификационным требованием для занятия должностей руководителей клубов, домов и дворцов культуры, парков культуры и отдыха. Это же требование, как представляется, необходимо предъявлять и к занятию других должностей, предусмотренных в штатных расписаниях учреждений данного типа: это методисты, организаторы работы с определенными группами населения (детьми, молодежью, женщинами, молодыми родителями, ветеранами и т. д.).

Обширной сферой деятельности, где, как представляется, совершенно необходимы профессиональные культурологи, является туризм. В настоящее время туризм рассматривается в основном как высокодоходный бизнес, каковым он и является в действительности. Кроме того, принимается во внимание, хотя и не в первую очередь, то обстоятельство, что туризм играет определенную роль в оздоровлении международных отношений, поскольку он содействует процессу взаимопонимания между представителями различных культур и цивилизаций. Этот аспект отношения к туризму уже высвечивает необходимость участия в его организации и функционировании профессиональных культурологов. Однако самая важная особенность туризма, и особенно культурно-познавательного туризма как социокультурного феномена, остается до сих пор недостаточно выявленной и, соответственно, недостаточно оцененной. Дело в том, что культурологически грамотно организованный туризм обладает огромным человекотворческим потенциалом, способствует гармоничному развитию личности (Круглова 2018), что особенно важно в аспекте документов, определяющих культурную политику в нашей стране.

Однако мощный человекотворческий потенциал туризма до сих пор реализуется в недостаточной степени. Одна из главных причин этого — почти полное отсутствие в сфере туризма профессиональных культурологов. В настоящее время на этом поприще трудятся в основном искусствоведы, литературоведы, историки. Но вполне понятно, что каждый из представителей этих специальностей обращает внимание в своей деятельности на соответствующую сферу, аспект, фрагмент культуры. И только культуролог в силу своей квалификации способен видеть культуру как целостность в ее историческом развитии и взаимосвязи с человеком, обществом и природой и, соответственно, использовать свои профессиональ-

ные знания и при разработке маршрутов, и при их представлении, и в работе с туристами (Круглова 2009).

О том, насколько полезен и необходим профессиональный культуролог в сфере туризма, убедительно свидетельствует уже имеющийся практический опыт. Как известно, в течение 15 лет — с 2000 по 2014 год — в Санкт-Петербургском государственном университете водных коммуникаций (с 2016 года — Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова) велась подготовка культурологов по специальности, а затем по направлению (бакалавриат и магистратура) «Культурология» со специализацией «Культурологическое обеспечение международного туризма». К этому нужно добавить, что с 1995 по 2018 год в этом вузе велась и подготовка аспирантов по специальности «24.00.01 — Теория и история культуры». Значительная часть выпускников этого вуза успешно работают именно в направлении своей специализации, причем многие из них в ранге руководителей турфирм и турагентств. Особенно востребованы культурологи при разработке индивидуальных туров, на которые сейчас предьявляется все больший спрос. Кроме того, культурологи незаменимы при разработке новых, оригинальных, нестандартных маршрутов. И здесь очень важна культурологическая грамотность, дабы стремление к новизне не превратилось в пустое оригинальничанье, имеющее негативный результат в плане личностного развития потребителей такого рода туристического продукта. Представляется также, что культурологи должны быть главными действующими лицами и в такой сфере деятельности, как составление путеводителей и подготовка других справочных материалов для туристов. Однако в 2014 году подготовка культурологов в ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова не ведется в связи с общей кампанией прекращения обучения студентов по непрофильным для вузов специальностям и направлениям.

Насколько известно, в настоящее время кадры для туризма готовит целый ряд вузов по направлению бакалавриата и магистратуры «Туризм». Однако в программах ВПО этих специальностей и направлений культурологическая составляющая представлена слабо (Круглова 2009).

Чтобы исправить эту ситуацию, необходимы, как представляется, следующие шаги: во-первых, надо возобновить подготовку культурологов (бакалавриат и магистратура) по профилю «Культурологическое обеспечение туризма» и,

во-вторых, предусмотреть на законодательном уровне включение в штатное расписание турагентств и турфирм должности «методист-культуролог».

Чрезвычайно важным является такое направление деятельности профессиональных культурологов, как экспертная оценка результатов работы по достижению целей и решению задач государственной культурной политики.

Необходимость этого направления деятельности предусмотрена в «Основах государственной культурной политики», где сказано, что «для разработки и реализации государственной культурной политики необходимо сформировать структуры (институты) по выработке, обеспечению реализации и мониторингу достижений целей государственной культурной политики» (Указ Президента РФ... 2014, 19).

Представляется, что одной из важнейших форм такого рода работы должна стать культурологическая экспертиза различного рода продуктов культурной деятельности, предназначенных для массового потребления и, соответственно, создание культурологических экспертных советов разного уровня.

Прежде всего это касается образовательных стандартов общего среднего, среднего специального и высшего образования, для чего, как представляется, при соответствующих министерствах необходимо создать культурологические экспертные советы, которые должны будут выносить свои решения о соответствии или несоответствии образовательных стандартов целям и задачам государственной культурной политики. Культурологическую экспертизу должны проходить и учебные планы, в составлении которых образовательным учреждениям, особенно вузам, сейчас предоставлена очень большая свобода действий. В некоторых вузах эту свободу используют отнюдь не принимая во внимание главную цель государственной культурной политики, каковой является гармоничное развитие личности (Указ Президента РФ... 2014, 9). В соответствии с этим одной из задач государственной культурной политики является, как это сформулировано в «Основах государственной культурной политики», «гуманизация общего и профессионального образования» (Указ Президента... РФ 2014, 17).

Представляется также необходимой культурологическая экспертиза на предмет соответствия целям и задачам государственной культурной политики деятельности образовательных учреждений в ходе их государственной аттестации и аккредитации.

Столь же необходима и культурологическая экспертиза деятельности СМИ. Для государственных СМИ и СМИ с государственным участием культурологическая экспертиза должна стать, как представляется, обязательной. Что же касается негосударственных СМИ, то, вероятно, юридические основания для введения обязательной культурологической экспертизы для них вряд ли возможны, но это не означает, что их деятельности нельзя давать профессиональную культурологическую оценку, в том числе и в государственных СМИ.

В равной мере это относится и к продукции киностудий, издательств, музейной и выставочной деятельности. Для государственных учреждений и продукции, созданной на государственные деньги, культурологическая экспертиза должна стать обязательной; деятельность негосударственных учреждений и продукция, созданная без финансовой поддержки государства, должны непременно оцениваться профессиональным культурологическим сообществом, и эта оценка должна быть достоянием широкой общественности.

И, наконец, быть может, самое главное, о чем следует сказать в связи с проблемой востребованности культурологов и их роли в современном российском обществе.

Представляется, что необходимым условием успешного решения всех вопросов, о которых речь шла ранее, является состояние, уровень, содержание культурологии как науки. Есть основания полагать, что до сих пор слабым звеном культурологической науки является недостаточная представленность в ней человеческого измерения культуры, то есть, иначе говоря, недостаточное раскрытие смысла, содержащегося в аксиоматическом для культурологии положении «Человек есть творец и творение культуры». Более того, представляется, что антропологическая тематика не просто должна быть расширена, но всё здание культурологической науки может и должно быть выстроено на основе антропологического принципа (Круглова 2017; Круглова 2018). При этом нелишне напомнить, что ученый, первым заговоривший о необходимости культурологии — Вильгельм Оствальд, — именно так ее и задумывал — не просто как науку о культуре, но именно как науку о человеке и культуре (Круглова 2017).

Построение культурологии на основе антропологического принципа, который, кстати говоря, не только не отрицает всех остальных подходов к изучению культуры, но органично включает их в себя, позволяет решить важнейшую проблему, которая ставится в «Основах

государственной культурной политики», — «переход на качественные критерии при оценке эффективности деятельности организации культуры» (Указ Президента РФ... 2014, 13).

Представляется очевидным, что решение этой проблемы на основе доминирующих сейчас подходов к изучению культуры — деятельностного, аксиологического и семиотического — хотя и возможно, но весьма затруднительно. Более четкие критерии дает антропологический принцип, т. е. оценка результатов деятельности организаций культуры, содержания различного рода продуктов культурной деятельности с точки зрения того, что это дает человеку, какие человеческие черты и свойства они формируют, и, если говорить обобщенно, — насколько объемы, подлежащие экспертной оценке, соответствуют главным целям государственной культурной политики, сформулированным в «Основах государственной культурной политики» и «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» — «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития» (Указ Президента РФ... 2014, 9).

Оценивая с этих позиций, то есть с позиций человеческого измерения культуры, современное состояние российской культуры, нельзя не вспомнить лозунг тревожных военных лет — «Отечество в опасности!».

Выводы

В заключение есть смысл напомнить о тех практических мерах, о которых речь шла ранее и которые, как представляется, могут повлиять на состояние культуры и, соответственно, на статус и востребованность профессиональных культурологов:

- 1) Ввести дисциплину «Культурология» в качестве обязательной в государственные стандарты высшего образования.
- 2) Ввести процедуру обязательной культурологической экспертизы на предмет соответствия целям и задачам государственной культурной политики следующих нормативных документов:
  - государственных стандартов общего среднего, общего специального и высшего образования,
  - учебных планов и учебных программ, составление и осуществление которых является прерогативой учреждений

- и организаций общего среднего, среднего специального и высшего образования.
- 3) При проведении процедуры государственной аттестации и аккредитации учреждений и организаций системы образования включить в число критериев оценки эффективности их работы такой показатель, как соответствие или несоответствие целям и задачам государственной культурной политики.
  - 4) Ввести процедуру обязательной культурологической экспертизы деятельности учреждений и организаций культуры.
  - 5) С целью выполнения работы, предусмотренной в п. п. 2, 3, 4, создать экспертные культурологические советы разных уровней:
    - при министерствах культуры, просвещения, науки и высшего образования,
    - при учреждениях и организациях образования всех уровней,
    - при органах управления культурой всех уровней,
    - при учреждениях и организациях культуры.
  - 6) Внести в положение о занятии должностей руководителей организаций и органов управления культурой, директоров клубов и домов культуры в качестве обязательного квалификационного требования наличие высшего культурологического образования.
  - 7) Предусмотреть должность методиста-культуролога в штатном расписании следующих учреждений и организаций:
    - туристических фирм и агентств,
    - клубов,
    - домов и дворцов культуры,
    - парков культуры и отдыха.
  - 8) Внести в положения о занятии должностей, названных в пункте 7, в качестве обязательного квалификационного требования наличие высшего культурологического образования.
- Представляется целесообразным направить сформулированные выше предложения в качестве материала для обсуждения в Комиссию по подготовке закона Российской Федерации о культуре.

Источники

- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р о «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».* (2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения 29.11.2019).
- Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».* (2014) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения 29.11.2019).

Литература

- Круглова, Л. К. (2009) Человекотворческие функции культуры и туризм. *Журнал университета водных коммуникаций*, № 1, с. 199–206.
- Круглова, Л. К. (2017) *Человек и культура*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 397 с.
- Круглова, Л. К. (2018) *Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 448 с.

Sources

- Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 29 fevralya 2016 g. № 326-r o "Strategii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda"* [Order of the Government of the Russian Federation 29 February 2016 No. 326-r "On the strategy of the state cultural policy for the period up to 2030"]. (2016) [Online]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (accessed 29.11.2019). (In Russian)
- Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808 "Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki"* [Decree of the President of the Russian Federation of 24 December 2014 No. 808 "On approving the Foundations of the state cultural policy"]. (2014) [Online]. Available at: <https://base.garant.ru/70828330/> (accessed 29.11.2019). (In Russian)

References

- Kruglova, L. K. (2009) Chelovekotvorcheskie funktsii kul'tury i turizm [Human-making functions of culture and tourism]. *Zhurnal universiteta vodnykh kommunikatsij*, no. 1, pp. 199–206. (In Russian)
- Kruglova, L. K. (2017) *Chelovek i kul'tura [People and culture]*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 397 p. (In Russian)
- Kruglova, L. K. (2018) *Izbrannoe. Antropologicheskij printsip v kul'turologii: teoriya i praktika [Selected works. Anthropological principle in cultural studies: Theory and practice]*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 448 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Лариса Константиновна Круглова, e-mail: kkruglova@gmail.com

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, психологии и культурологии
Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова

Author

Larisa K. Kruglova, e-mail: kkruglova@gmail.com

Doctor of Sciences (Philosophy), Full Professor, Department of Philosophy, Psychology and Cultural Studies, Admiral
Makarov State University of Maritime and River Fleet

Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы

Ю. В. Лобанова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Лобанова, Ю. В.
(2020) Востребованность культурологического образования: современное состояние и перспективы. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 113–118.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-113-118

Получена 13 апреля 2020; прошла рецензирование 13 мая 2020; принята 13 мая 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В данной статье автор говорит о причинах кризиса культурологического образования и возможностях преодоления данного кризиса в условиях формирующегося постиндустриального общества. В частности, подчеркивается, что «золотым веком» в развитии культурологии и культурологического образования стала так называемая перестройка и первое постперестроечное десятилетие. Высказывается предположение, что необходимость в мировоззренческих дисциплинах, формирующих у человека потребность в целостном, системном видении явлений и процессов, возникает в периоды, отличающиеся иррациональностью, переходностью. Когда в культуре утверждается идея порядка, то на смену попыткам обобщить, синтезировать представления о мире приходит тенденция узкой специализации, которая, в свою очередь, связана с преувеличением роли научно-технического прогресса в ущерб установке на гуманитаризацию общества и культуры. Эта опасная тенденция существует и сейчас. Поэтому профессия культуролога в настоящее время не имеет высокого статуса в общественном сознании. Между тем опыт XX века показывает, что узкое, ограниченное, позитивистское сознание людей может привести к глобальным катастрофам. Высказывается предположение, что в обозримом будущем отношение к культурологии может измениться в связи со становлением постиндустриального общества, огромное значение в котором будет иметь широта и эвристичность суждений, способность мыслить стратегически, выстраивать диалог между разными сферами, осознавать специфику культуры. Всеми этими способностями уже сейчас обладают люди, получившие культурологическое образование. Утверждается, что присутствие специалиста-культуролога в образовательной, языковой, экскурсионной, гостиничной, музейной, библиотечной и других сферах может благотворно сказаться на их развитии. Приводится пример того, как при активном участии одной из выпускниц кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена изменился статус одной из библиотек Санкт-Петербурга: из читального зала она превратилась в центр, где происходит «общение с культурой», реализуются многочисленные литературные и художественные проекты. Культурологу присуща способность мыслить на качественно ином уровне, действовать на стыке разных видов деятельности. В постиндустриальном «знаниевом» обществе подобный тип специалиста будет востребован в первую очередь. Выражается надежда на то, что по мере перехода в постиндустриальную фазу отношение к гуманитарной сфере и культурологии неизбежно будет меняться к лучшему.

Ключевые слова: культура, культурология, тенденции, система образования, воспитание, мировоззрение, рынок труда.

The necessity of cultural education: Current state and prospects

Ju. V. Lobanova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Lobanova, Ju. V. (2020) The necessity of cultural education: Current state and prospects. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 113–118. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-113-118

Received 13 April 2020;
reviewed 13 May 2020;
accepted 13 May 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article explores the reasons for the crisis of cultural studies and the possibilities of overcoming this crisis in the context of the emerging post-industrial society. In particular, it is emphasized that the so-called perestroika and the first post-perestroika decade became the “golden age” in the development of cultural studies. It is suggested that the need for worldview-based disciplines that form a person’s need for a holistic, systemic vision of phenomena and processes arises in periods characterized by irrationality and transition. When culture approves the idea of order, attempts to generalize and synthesize ideas about the world are replaced by a narrow trend which exaggerates the role of scientific and technological progress to the detriment of humanization of society and culture. This is the dangerous trend we are facing now. Therefore, the profession of a culturologist has lost its profile in public consciousness. Meanwhile, the experience of the 20th century shows that a narrow, limited, positivist consciousness of people can lead to global catastrophes. It is suggested that in the foreseeable future the attitude towards cultural science may change due to the formation of a post-industrial society, in which the breadth and heuristic of judgments, the ability to think strategically and build a dialogue between different spheres as well as developing awareness of the specifics of culture will be of value. All these abilities may now be found in people who have a cultural education. It is argued that educational, linguistic, sightseeing, hotel, museum, library and other fields may benefit from hiring a cultural expert. The hope is expressed that with the transition to the post-industrial phase, the attitude towards the humanities and cultural studies in particular will inevitably change for the better.

Keywords: culture, cultural studies, trends, education system, upbringing, worldview, labor market.

Цель данной статьи — исследовать причины, по которым статус специалиста-культуролога на современном рынке труда остается в значительной степени неопределенным, и обозначить перспективы востребованности культурологического образования с учетом движения современного российского общества от индустриального к постиндустриальному состоянию.

В условиях рыночной экономики, базовые механизмы которой были сформулированы еще в XVIII столетии, достижение человеком «собственной выгоды» в виде успешной карьеры, самореализации неизбежно определяется тем, насколько его деятельность отвечает запросам других людей. Казалось бы, это общее, не вызывающее сомнений положение. Однако в России, вовлеченной в систему рыночных отношений сравнительно недавно, не утихает полемика по поводу пределов действия данных принципов: все ли явления вписываются в систему спроса и предложения, каждая ли деятельность может быть трактована как услуга? Пожалуй, наиболее болезненно утвердительный ответ на эти и подобные вопросы сказался

на сфере образования, и прежде всего — на той ее составляющей, которую можно назвать мировоззренческой.

Есть виды деятельности, спрос на которые имеет «витальный» и, следовательно, непреходящий характер. Однако в большинстве случаев степень востребованности того или иного ресурса зависит от особенностей социокультурного контекста, от представлений об успешности и статусности, опирающихся на разнообразные статистические данные и тиражируемые средствами массовой информации. Эффективность того или иного труда в настоящее время оценивается в сугубо прикладном ключе, определяется в количественных показателях, прежде всего — связанных с немедленной экономической отдачей (Лобанова 2017, 68). Сказанное позволяет понять причины того кризиса, в котором находится современное гуманитарное знание, ценность которого проявляется гораздо более сложным, опосредованным образом.

Последнее десятилетие стало драматичным для культурологии: и она сама, и конкретные дисциплины культурологической направлен-

ности неуклонно либо «вымывались» из программ школ и вузов, либо претерпевали существенные сокращения. Примечательна в этом отношении судьба двух школьных предметов, содержащих в своих названиях понятие «культура» и относящихся к мировоззренческим, — «Мировая художественная культура» и «История и культура Санкт-Петербурга»: первая в большинстве учебных заведений если и сохранилась, то была низведена до статуса факультативной, а вторая приобрела выраженный краеведческий характер.

Невозможно не задаваться вопросом, почему такая перспективная, со своей методологией, проблематикой, своим взглядом на мир и безусловным воспитательным значением наука о культуре вдруг оказалась востребованной в меньшей степени, чем в перестроечное или раннее постперестроечное время. Попытаемся дать ответ на данный вопрос также в культурологическом ракурсе, т. е. через поиск параллелей, взаимосвязей, закономерностей. И в мировой культуре, и в культуре отдельных стран периоды относительного порядка, «рацио», сменяются — в силу разных причин — периодами, характеризующимися иррациональностью, хаотичностью, подвижностью. В отечественной истории подобной «энтропийностью» и драматизмом были окрашены, к примеру, 1985–1990-е годы. И именно они стали моментом подъема и расцвета культурологии, поскольку в такие — кризисные — моменты потребность в обобщении представлений о мире, в создании чего-то концептуального, что способно в условиях хаоса сформировать в сознании человека целостную картину мироустройства, — обнажается особенно остро. Культурология с ее установкой на анализ, а не описание, с изначальным допущением наличия связей между многочисленными фактами и явлениями как раз и предлагает такое концептуальное видение процессов.

Особая «ниша» культурологии, ее значение для формирования панорамно-целостного представления о мире во многом обусловлены предлагаемым этой наукой медиальным, срединным уровнем рассуждений, на котором органично стыкуются конкретные факты, памятники и представления о тенденциях, закономерностях, в которые эти факты и памятники укладываются, и плоскостях, в которых они взаимодействуют.

Мировоззренческое значение науки о культуре огромно: можно предположить, что человек, в котором заложена потребность видеть явления во взаимосвязи, перенесет эту потреб-

ность на себя и свою профессиональную деятельность, научится просчитывать последствия собственных действий, будет готов воспринимать национальные и иные отличия как конкретно-исторические проявления масштабного целого — мировой культуры. К тому же нельзя не отметить, что культурология изначально была нацелена на развитие *творческого начала* в человеке, высоко оценивала роль искусства в формировании нравственно-мировоззренческих основ. Неслучайно первые опыты этой науки как элемента системы образования были связаны с развитием именно *художественно-культурологического* направления.

Несмотря на все достоинства культурологии и заложенный в ней образовательно-воспитательный потенциал (еще сравнительно недавно, в начале нынешнего столетия, обсуждались перспективы развития культуроцентричного школьного образования, основанного на привязке содержания различных дисциплин — как гуманитарных, так и точных — к особенностям культуры того времени, когда создавались конкретные литературные тексты или совершались те или иные научные открытия), в последние годы, как уже было отмечено, ее возможности не востребуются в должной мере.

Следует подчеркнуть, что вместе с ослаблением позиций культурологии в системе образования на второй план отошла и идея его гуманитаризации, которая в энциклопедии постперестроечного времени определялась как «система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и т. о. на формирование личностной зрелости обучаемых» (Зинченко 1993, 239–240).

Конечно, можно было бы объяснить столь неблагоприятную для науки о культуре тенденцию какими-то «прикладными» вещами, например необходимостью распределять ограниченное количество часов между разными предметами, отсекая те из них, которые кажутся избыточными, не имеющими прямого отношения к получаемой специальности (если речь идет о вузе). Однако за этими внешними проявлениями скрываются более глубокие основания, связанные с наличием в культуре тех ритмов, о которых шла речь выше: за периодами кризиса и структурной перестройки неизбежно наступает этап, характеризующийся доминированием идеи порядка. В начале XXI века отечественный социокультурный контекст существенно рационализировался, обрел более внятные очертания, а в такие периоды научная, и не только научная, мысль начинает

демонстрировать склонность не к обобщениям, а к систематизации, конкретизированию, исповедовать принцип узкой специализации, прямо противоположный базовым установкам культурологии.

В отечественной истории уже встречались периоды проявления ярко выраженных установок на рациональность. Такой была, к примеру, вторая половина XIX века, когда в нашей стране, так же как в Западной Европе и США, сформировалась тенденция к отождествлению прогресса с достижениями прежде всего в научно-технической сфере. Подобный технократический, узко-прикладной взгляд на культуру, навязывавшийся людям той эпохи, имел, как известно, трагические последствия, главные из которых — две мировые войны, отделенные друг от друга двадцатилетием, на протяжении которого так и не произошло смены научно-технической парадигмы на гуманитарную.

Вероятно, нельзя сказать, что последствия недооценки гуманитарной составляющей всегда имеют столь фатальный характер, но нельзя вместе с тем не отметить, что судьба человечества во многом будет зависеть от того, насколько люди научатся осознавать мир в его целостности, воспринимая многообразие как одно из ее проявлений. Кроме того, узкоспециализированное научное знание предполагает соответствующий — функционально опосредованный — взгляд на человека, тогда как общество может гармонично развиваться, только если оно базируется на интересе ко всем аспектам человеческого бытия: повседневности, праздникам, ценностям, нравственным ориентирам и т. д.

Если тринадцать лет назад у одного из ведущих культурологов России А. М. Мосоловой были основания ссылаться во введении к изданию работы «Культурологические основы современного образования» на Концепцию модернизации российского образования, утвержденную в декабре 2001 года, и подчеркивать ее личностно-ориентированную направленность (Мосолова, Черва, Безгрешнова 2006, 5), то уже в 2015 году тот же автор вынужден был констатировать, что при смене федеральных государственных образовательных стандартов ранее базовая и обязательная для вузов дисциплина «Мировая художественная культура» была заменена более узкой «Всеобщей историей искусств» — «крайне дезинтегрированной дисциплиной, формирующей у студентов фрагментарные представления об истории художественно-образного человекознания и об искусстве как самосознании культуры. Общеобразовательные курсы МХК для разных

гуманитарных и негуманитарных специальностей пошли на убыль» (Бабияк, Мосолова 2015, 131).

В определенной степени культурология и связанный с ней комплекс учебных дисциплин незаменимы. Только эта наука дает панорамное, широкое понимание культуры как «второй природы», включающей в себя взаимодополняющие пласты: материальный, духовный, художественный, социальный, тем самым расширяя горизонты сознания формирующейся личности. Это понимание, присущее лишь тем, у кого была возможность приобщиться к методологии, теории и истории культуры, тем не менее никогда не перестанет быть востребованным хотя бы потому, что, согласно закону РФ «Об образовании», «содержание образования должно обеспечивать: адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры общества; формирование у обучающихся адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы картины мира; интеграцию личности в национальную и мировую культуру (статья 14)» (цит. по: Мосолова, Черва, Безгрешнова 2006, 7).

Культурологическое образование, прививающее потребность к обнаружению взаимосвязей между явлениями, можно назвать фундаментальным. Оно позволяет выпускникам реализовывать свои возможности в разных сферах и, что, пожалуй, еще важнее, — *на стыках* разных сфер. Культуролог — оптимальная кандидатура для работы в музее, библиотеке, туризме, во всех областях, связанных с межкультурной, межнациональной коммуникацией. Как показывает опыт, приобщение к гуманитарному знанию в его культурологической версии создает стратегов, которым тесно в границах узкой специализации, и поэтому они стремятся превратить и музей, и библиотеку в «очаг культуры» в полном смысле этого слова.

В качестве примера подобного опыта можно привести деятельность Юлии Мартинкенайте, работающей в Центральной районной библиотеке им. Н. В. Гоголя. Изменения в библиотеке, начавшиеся в 2013 году и, таким образом, совпавшие с приходом на работу новой сотрудницы (по образованию — культуролога-скандинависта, выпускницы факультета философии человека РГПУ им. А. И. Герцена), очевидны и многократно освещались в средствах массовой информации. При осуществлении реконструкции был использован опыт Финляндии — одной из стран, чью культуру Ю. Мартинкенайте глубоко освоила во время обучения: «Мы ориентировались на Финляндию — благо, она совсем рядом. Там прекрасная библиотечная культура,

много вдохновляющих инициатив. И сотрудники библиотеки, и наши дизайнеры-архитекторы (бюро KIDZ) специально изучали финский опыт» (Рапопорт 2016).

Вместо понятия «библиотека» по отношению к данному месту все чаще используются обозначения «просветительское арт-пространство» или «культурный центр». При этом необычайно важно, что само слово «культура» в устах человека, обучавшегося на кафедре теории и истории культуры, отнюдь не является синонимом сферы досуга. В одном из интервью Ю. Мартинке-найте подчеркивала: «Главная задача — привлечь в библиотеку молодых людей, не потеряв при этом более зрелого читателя. Стать местом, куда люди хотят прийти, чтобы провести свое свободное время *в общении с культурой* (курсив мой. — Ю. Л.)» (Рапопорт 2016).

Культурологический взгляд на мир, противопоставляющий традиционной описательности разговор на качественном уровне, звучит и в следующих словах: «Да, количественные показатели — посещаемость, выдача книг — после обновления увеличились, но не это главное. Мне важнее всего качественные перемены» (Рапопорт 2016).

Приведенный пример — один из многих, свидетельствующих о предрасположенности людей с культурологическим мышлением к проектной, эвристичной деятельности. Как известно, для постиндустриального общества, складывающегося на наших глазах, особое значение имеет «индустрия» идей, знаний, которую невозможно внедрить без участия высокоэрудированных людей, способных к широкому, панорамному, системному мышлению, в полной мере осознающих, что развитие и человека, и отдельного учреждения, и города в целом не только может, но и должно иметь культуроцентричный характер.

В какой бы области ни работал культуролог — образовательной, языковой, экскурсионной, музейной, издательской, — он неизбежно будет стремиться выйти за ее рамки, вписать предмет своей деятельности в контекст взаимосвязанных явлений, выстроить диалог с ними. Эта особенность, в совокупности с рядом дру-

гих, позволяет отнести культурологов к тому типу специалистов, роль которых в ближайшем будущем будет возрастать.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что современное состояние культурологии является кризисным, что объясняется многими причинами, но в первую очередь — недооценкой роли гуманитарной компоненты в развитии современной российской экономики и ориентацией общества на решение предельно конкретных задач, которые воспринимаются как приоритетные в рамках той или иной сферы деятельности. Однако представляется, что путь узкой специализации, уже не раз демонстрировавший свою несостоятельность и даже опасность, будет преодолен тенденцией постепенного перехода к новой — постиндустриальной — цивилизации, когда наиболее эффективными и востребованными будут специалисты, способные действовать на медиальном уровне, соединяя эмпирическую данность с широким контекстом, наблюдение — с обобщением, единичное — с целостным. Данный уровень мышления отвечает базовым для данной фазы развития требованиям инновационности, конкурентоспособности, знаниевости, и он же в полной мере соответствует взгляду на мир, формируемому культурологическим образованием. Главные находки и достижения будут возникать на стыке разных видов человеческой активности, на пересечении информационных потоков и непрерывающегося диалога культур, т. е. на платформе, которую на данный момент освоила, сделала своей только культурология.

Таким образом, есть основания полагать, что значение культурологической мысли, культурологического образования под влиянием постиндустриальных тенденций будет переосмыслено. Культурология с ее сосредоточенностью на человеке, его взаимоотношениях с природой, обществом, самим собой (Мосолова, Черва, Безгрешнова 2006), с ее мощным мировоззренческим потенциалом подтвердит свое право считаться одним из важнейших ресурсов, сопричастность которому будет восприниматься как залог профессиональной и личностной состоятельности.

Литература

- Бабияк, В. В., Мосолова, Л. М. (2015) Мировая художественная культура в российском образовании (от периода «оттепели» до современности). *Общество. Среда. Развитие*, № 4, с. 128–131.
- Зинченко, В. П. (1993) Гуманитаризация образования. В кн.: В. В. Давыдов (ред.). *Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–М*. М.: Большая Российская энциклопедия, с. 239–240.

- Лобанова, Ю. В. (2017) Мировоззренческое значение науки о культуре. В кн.: *Культурологическое просветительство в современной России: Сборник научных статей участников круглого стола X Кагановские чтения (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 18 мая 2016 г.)*. СПб.: Астерион, с. 64–70.
- Мосолова, Л. М., Черва, В. Е., Безгрешнова, А. М. и др. (2006) *Культурологические основы современного образования. Элективные курсы в профильном обучении. Учебно-методические комплексы для социально-экономического, филологического, социально-гуманитарного, художественно-эстетического профилей*. СПб.: «СМИО Пресс», 264 с.
- Рапопорт, А. (2013) «Третье место», или Новое лицо старой библиотеки: интервью с Ю. Мартинкенайте. *Папмамбук*, 23 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2019/> (дата обращения 31.03.2020).

References

- Babiyak, V. V., Mosolova, L. M. (2015) *Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura v rossijskom obrazovanii (ot perioda "otpepli" do sovremennosti)* [World art culture in the Russian education (from the "thaw" period to the present day)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie — Society. Environment. Development*, no. 4, pp. 128–131. (In Russian)
- Lobanova, Yu. V. (2017) *Mirovozzrencheskoe znachenie nauki o kul'ture* [Worldview significance of the science of culture]. In: *Kul'turologicheskoe prosvetitel'stvo v sovremennoj Rossii: Sbornik nauchnykh statej uchastnikov kruglogo stola X Kaganovskie chteniya (Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 18 maya 2016 g.)* [Cultural enlightenment in modern Russia: Collection of scientific articles by participants of the roundtable 10th Kaganovsky readings (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 18 May 2016)]. Saint Petersburg: Asterion Publ., pp. 64–70. (In Russian)
- Mosolova, L. M., Cherva, V. E., Bezgreshnova, A. M. et al. (2006) *Kul'turologicheskie osnovy sovremennogo obrazovaniya. Elektivnye kursy v profil'nom obuchenii. Uchebno-metodicheskie komplekсы dlya sotsial'no-ekonomicheskogo, filologicheskogo, sotsial'no-gumanitarnogo, khudozhestvenno-esteticheskogo profilej* [Cultural foundations of modern education. Elective courses in specialized training. Educational and methodological complexes for socio-economic, philological, socio-humanitarian, artistic and aesthetic profiles]. Saint Petersburg: "SMIO Press" Publ., 264 p. (In Russian)
- Rapoport, A. (2013) "Tret'e mesto", ili Novoe litso staroj biblioteki: interv'y u s Yu. Martinkenajte ["Third place", or the New face of the old library: An interview with Yu. Martinkenajte]. *Papmambook — Papmambook*, 23 March. [Online]. Available at: <https://www.papmambook.ru/articles/2019/> (accessed 31.03.2020). (In Russian)
- Zinchenko, V. P. (1993) *Gumanitarizatsiya obrazovaniya* [Humanitarization of education]. In: V. V. Davydov (ed.). *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya* [Russian pedagogical encyclopedia]: In 2 vols. Vol. 1. A–M. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., pp. 239–240. (In Russian)

Сведения об авторе

Юлия Владимировна Лобанова, e-mail: yuliya_lobanova@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Julia V. Lobanova, e-mail: yuliya_lobanova@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

УДК 304.44

DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-119-125

Проблемы позиционирования и продвижения на рынке труда молодых специалистов-культурологов

А. В. Мартыненко^{✉1}

¹ Ульяновский государственный университет, 432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42

Для цитирования:

Мартыненко, А. В. (2020) Проблемы позиционирования и продвижения на рынке труда молодых специалистов-культурологов. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 119–125. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-119-125

Получена 30 января 2020; прошла рецензирование 15 мая 2020; принята 15 мая 2020.

Права: © Автор (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается идея культурологии как профессии в условиях современности, требующей конкретики, максимально узкой специализации и прикладных возможностей. В потребительской современности сложилось двойственное восприятие культурологии как профессии: либо как призвание, либо как «культурпросвет» массовиков-затейников. Проблема востребованности культурологии на рынке труда рассматривается в рамках данной статьи с трех позиций: глазами абитуриента, работодателя и выпускающих специалистов вузов.

С позиций абитуриента культурология подвергается оценке как минимум по четырем критериям: высокая зарплата, возможность карьерного роста, престижность, интересная и разнообразная деятельность. В итоге культурология как будущая профессия не выдерживает конкуренции с другими востребованными специальностями, такими как юриспруденция, IT, экономика, финансы и т. п. Позиция работодателей по отношению к культурологам прослеживается через анализ вакансий на запрос «культуролог» по России, что по факту оказывается также не оптимистично. С позиций подготовки специалистов-культурологов вузами отмечается разноплановость подхода к культурологии: с одной стороны, широта профессионального горизонта, с другой — эклектичность и размытость, неадекватная для современного рынка труда, тяготеющего к узкой специализации. Далее рассматриваются факты трудоустройства и профессиональной реализации специалистов-культурологов в г. Ульяновске на материале выпускников Ульяновского государственного университета. В итоге, несмотря на традиционно мрачный скепсис выпускников-культурологов, понимание широких возможностей этой специальности приходит в ходе практической деятельности. На основе обзора трех различных позиций и анализа фактов трудоустройства культурологов по специальности в статье формулируются основные проблемы позиционирования и продвижения на рынке труда молодых специалистов-культурологов, в частности проблема новизны профессии и ее последствия, проблема широты профессиональных компетенций, проблема «авторских» профилей специальности в разных вузах страны, проблема, лежащая за рамками культурологии как профессии, а именно существенное отставание отечественного культурного кластера экономики. Также анализируются конкурентные преимущества культуролога в теории и на практике; обосновывается необходимость культурологов как специалистов на отечественном рынке труда в контексте экономических возможностей сферы культуры. В итоге предлагаются направления решения вопроса о продвижении культурологии как перспективной и востребованной профессии.

Ключевые слова: культуролог, профессиональная ориентация, профстандарт, профиль специальности, рынок труда, культура.

Challenges of positioning and promotion of young culturologists in the labor market

A. V. Martynenko✉¹

¹ Ulyanovsk State University, 42 Leo Tostoy Str., Ulyanovsk 432017, Russia

Abstract. The article considers cultural studies as a profession that, in modern conditions, requires specificity, the narrowest possible specialization and applied capabilities. In consumer modernity, there is a dual perception of cultural studies as a profession: either as a vocation or as cultural education of the masses delivered by entertainers. The article deals with the issue of demand for cultural studies in the labor market from three angles: from an applicant's, employer's and a university graduate's perspective. From the point of view of the applicant, cultural studies are evaluated according to at least four criteria: high salary, career opportunities, prestige, interesting and diverse activities. As a result, culturology as a future profession does not stand up to competition with other popular fields, such as law, AI, economics, finance, etc. The position of employers in relation to culturologists can be traced through the analysis of vacancies for the search request "culturologist" in Russia, which, in fact, is not optimistic either. From the point of view of training young professionals in cultural studies, universities acknowledge that the approach lacks consistency: on the one hand, a degree in cultural studies offers a broad knowledge, on the other hand, the education is eclectic and blurred, inadequate for the modern labor market, which tends to narrow specialization. Next, we consider cases of employment and professional development of culturologists in Ulyanovsk. The evidence is taken from the pool of graduates of the Ulyanovsk State University. As a result, despite the traditionally gloomy skepticism of graduates with a degree in cultural studies, the understanding of the broad possibilities that this education offers comes later, once they enter the labour market. Based on the review of three different positions and analysis of employment cases of graduates with a degree in cultural studies, the article identifies basic issues in positioning and promotion in the labour market of young professionals. In particular, the article focuses on the newness of the profession and its consequences, the issue of broad professional competence, the tailor-made approach to the course that Russian universities take across the country as well as the challenges that lie beyond cultural studies as a profession, namely, a significant lagging behind of Russia's cultural economic cluster. The article also analyzes the competitive advantages of a culturologist in theory and practice. It also justifies the need for culturologists in the domestic labor market in the context of economic opportunities in the cultural sphere. As a result, we propose ways to address the issue of promoting cultural studies as a promising and popular profession.

For citation:

Martynenko, A. V. (2020) Challenges of positioning and promotion of young culturologists in the labor market. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 119–125. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-119-125

Received 30 January 2020;
reviewed 15 May 2020;
accepted 15 May 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Keywords: cultural studies, career guidance, professional standards, profile of the main field of study, labor market, culture.

«Культуролог» — звучит красиво. Действительно: классическое высшее гуманитарное образование, сфера культуры, которая прочно ассоциируется у обывателя с прекрасным и одухотворенным. «Несмотря на недавнее становление отечественной науки, отечественное культурологическое образование считается одним из наиболее фундаментальных и перспективных в мире. Молодая, развивающаяся наука привлекает к себе будущих абитуриентов, умеющих ценить прекрасное, стремящихся к обогащению культурного наследия собственной страны и человечества в целом, готовых при-

ложить усилия для того, чтобы повысить уровень духовной и материальной культуры государства» (Специальность «Культурология»...).

Известный культуролог В. М. Межуев в стремлении осмыслить феномен культурологии обращает внимание на синкретичность данной профессии: «Культуролог, это в одном лице — и этнолог, или культурный антрополог, и историк, и филолог, и социолог» (Межуев 2011, 7). «Интеллектуальной тенденцией нашего времени» называет культурологию А. Я. Флиер (Флиер 2000, 7). «Культурология занимает все более заметное место в корпусе гуманитарных наук,

которое ранее делили сразу несколько наук: антропология, этнология, этнография, искусствоведение, история, социология и, конечно, философия культуры», по мнению В. И. Грачева (Грачев 2018).

Научная культурология вообще напоминает «игру в бисер» из одноименного романа Г. Гессе — высокоинтеллектуальную игру, требующую отрешенности и сосредоточения в рафинированном пространстве касталийски изолированных от повседневности университетов.

Но красоты для профессии недостаточно. Современный мир требует конкретики, максимально узкой специализации и прикладных возможностей (в особенности в плане привлечения прибыли). В приземленной и потребительской современности культурология воспринимается двойственно: либо как элитарная область знаний, больше являющаяся призванием, чем профессией («образование для души, для просвещенного досуга» (Профессия в вопросах и ответах...)), либо как «культпросвет» массовиков-затейников в домах культуры и отдыха.

Отвлечемся от красоты и посмотрим на проблему востребованности культурологии глазами обывателя — абитуриента, родителей абитуриента, работодателя, которому нужны конкретные специалисты.

У каждого современного молодого человека, стоящего перед выбором профессии, имеется некое идеализированное представление о своей будущей работе после получения диплома. Оно, как правило, включает непременно высокую зарплату, возможность карьерного роста, престижность, интересную и разнообразную деятельность, приносящую моральное удовлетворение и самореализацию. Это минимум самых приоритетных критериев, которыми руководствуются абитуриенты при выборе «на кого пойти учиться».

Обратимся к культурологии, насколько она соответствует данным критериям на рынке труда. Высокими доходами могут похвастаться разве что выдающиеся культурологи-ученые либо культурологи-шоумены; в целом же сфера культуры никогда не отличалась большими зарплатами, в первую очередь потому, что остается преимущественно бюджетной (по крайней мере, в нашей стране). Второй критерий также не особенно приложим к культурологии: «Культурологи имеют минимальные карьерные возможности. Это не зависит от самого человека, просто профессия культуролога не имеет схемы карьерного роста» (Культуролог. Описание). Критерий престижности двойственен и зависит

прежде всего от самого человека: станет ли он непревзойденным культурологом-экспертом или останется рядовым низкооплачиваемым блюстителем-энтузиастом очага культуры с ярлыком блаженного среди населения. И только по последнему критерию культурология могла бы дать фору многим профессиям. Но это лишь один из четырех главных критериев. Поэтому в вузах неизменные конкурсы на менеджмент, экономику, финансы, IT, юриспруденцию, медицину и т. п. — широко известные, понятные и нужные сегодня профессии. Только никто особенно не берет в расчет, что эти сферы уже очень плотно укомплектованы специалистами, и дипломами по ним многие заурядные выпускники могут так и не воспользоваться. Культуролог же — профессия редкая, с точки зрения обывателя экзотическая, пугающая абитуриентов и их родителей своей излишней широтой перспективы и неопределенностью в плане трудоустройства. Редкие творческие и дальновидные абитуриенты видят в этих «недостатках» преимущество.

Позицию работодателей по отношению к культурологам можно легко проследить через анализ вакансий по запросу «культуролог» по России. Даже не вдаваясь глубоко в статистику (для примера были рассмотрены два сайта — «Фильтр работ» (Работа: культуролог в России) и «Труд.com» (Работа «культурология» в России)), приходим к выводу, что под наименованием «культуролог» требуются аниматоры, организаторы досуговых и культурно-массовых мероприятий, педагоги дополнительного образования для работы с детьми и взрослыми, гиды-экскурсоводы, реже — исследователи для научных проектов, выставочные и галерейные менеджеры, аналитики по культурному наследию. Часто требуется дополнительная квалификация переводчика, музыканта, психолога. При этом большинство вакансий представлено в столицах.

Таким образом, на российском рынке труда профессия «культуролог»:

- во-первых, понимается достаточно узко (работодателей естественно интересует только конкретный прикладной аспект деятельности культуролога);
- во-вторых, деятельность культуролога в представлениях работодателей не отличается от туроперейтинга, СКД, выставочного менеджмента, искусствоведения, музееведения, педагогики дополнительного образования (в описаниях вакансий редко указывается квалификация «культуролог», чаще она встре-

чается в ходе перечислений смежных желаемых квалификаций);

- в-третьих, специальность практически не востребована как таковая (чистых вакансий единицы);
- в-четвертых, зарплатный фонд в среднем от 15 000 до 40 000 рублей (есть редкие прецеденты более высокой зарплаты в столицах).

Рассмотрим проблему с третьей стороны, а именно с позиций подготовки специалистов-культурологов вузами. До начала века культурология представляла собой классическое гуманитарное образование, подразумевающее изучение широкого спектра исторических и теоретических дисциплин (например, в УлГУ культурологам преподавали даже латынь, старославянский, логику, археологию и другую подобную экзотику). В современных учебных планах классические теоретические дисциплины успешно заменяются множеством прикладных предметов, которые, по мнению руководителей ОПОП, могут «пригодиться» культурологам (многочисленные менеджменты, пиар, СКД, коммуникации). Такой разноплановый подход к культурологии демонстрирует, с одной стороны, широту профессионального горизонта (что принципиально для данной специальности), но с другой стороны, эклектичность и размытость, неадекватную для современного рынка труда, тяготеющего к узкой специализации.

Рассмотрим вариант профессиональной реализации культурологов на материале выпускников Ульяновского государственного университета. За период работы кафедры культурологии УлГУ с 1996 по 2018 годы было выпущено около 400 специалистов-культурологов. До половины из них нашли работу по специальности. В частности, ульяновские культурологи (выпуски 2001–2018 годов) работают научными сотрудниками (они же в современных условиях одновременно и «массовики-затейники») в библиотеках и музеях города, методистами и организаторами культурно-массовых мероприятий в Центрах творчества и Дворцах культуры, специалистами (есть уже и начальники отделов) по связям с общественностью и рекламе в городских театрах, журналистами, SMM-специалистами в крупных торговых сетях, ведущими специалистами в министерстве искусства и культурной политики Ульяновской области, туроператорами (имеется один директор турфирмы), концертмейстерами, выставочными менеджерами (имелся начальник отдела выставок в медиахолдинге «Мозаика») и,

конечно, преподавателями в вузах и ссузах; два выпускника переквалифицировались в социологов.

Отзывы о своей профессии у выпускников, которым удалось реализоваться на рынке труда по своей специальности, самые положительные. Несмотря на мрачный скепсис, традиционно одолевающий студентов-культурологов на последнем курсе, понимание возможностей этой специальности приходит в ходе практической деятельности. Так, выпускница 2012 года, успешно работающая более 6 лет в сфере SMM (social media marketing), отмечает, что культурологическое образование позволяет мыслить шире, чем экономическое, с которым обычно приходят в маркетинг, что освоить специфичные экономические аспекты деятельности проще, чем, к примеру, увидеть глубину рекламного посыла и спрогнозировать реакцию аудитории на тот или иной инфоповод. Она же отмечает трудности, с которыми столкнулась в процессе поиска работы по своей специальности. Среди них непонимание сути профессии со стороны работодателей и неумение дать четкий ответ на закономерный вопрос «Кто такой культуролог?» самих выпускников. Указанные выпускницей преимущества и проблемы отмечает большинство трудоустроенных культурологов. При этом речь идет о тех, кто хорошо учился и действительно стал культурологом не по диплому, но по освоенным компетенциям.

Исходя из обзора трех различных позиций (абитуриентов, работодателей и вузов — поставщиков специалистов), анализа фактов трудоустройства культурологов по специальности, сформулируем основные, на наш взгляд, проблемы позиционирования и продвижения на рынке труда молодых специалистов-культурологов.

1) *Проблема определения профессиональной специфики культурологов, то есть того, чем конкретно они занимаются.* На множестве сайтов по карьере, профориентации, образованию сущность профессии культуролога описывается довольно размыто. В частности, отмечается, что культурологи «описывают и анализируют культурные процессы в разных культурных сферах от древности до наших дней, рассматривают символические порядки, гендерные роли, мифы и религиозные культы, а также искусство, музыку и литературу. Их деятельность происходит, например, в управлении искусством, культурой или выставками, в медиа и культурном образовании, в области редакции или науки и обучения» (Профессия культуролог). Профессор Отделения культуроло-

логии ГУ-ВШЭ, доктор философских наук А. Л. Доброхотов характеризует прикладной аспект данной профессии следующим образом: «Хороший культуролог сможет наладить разговор с элитой, со средним классом или с любой другой группой, специфика которой и культурные установки, может быть, только ему и известны. В политике культурологи востребованы тоже, потому что политикам нужен анализ культурного контекста, где они собираются выдвигаться и продвигать свои идеи. Особенно это необходимо, когда идет диалог разных групп и религий. Чтобы идти в политику, надо знать ситуацию, знать, в чем состоит конфликтное поле современности, на языке какой культуры говорят люди. Во всем этом поможет разобраться культуролог» (Профессия в вопросах и ответах...).

Все подобные определения культурологии либо слишком наукоемки (непонятны простому абитуриенту), либо аморфны (без четких границ и форм).

2) *Проблема новизны и редкости профессии и, как следствие, отсутствие информации у широких масс населения о факте ее существования.* «Представители профессии культуролога действительно редки в наше время. Не каждый решится стать культурологом» (Культуролог. Описание).

3) *Проблема широты профессиональных компетенций:* деятельность культуролога пересекается с компетенциями других уже известных специалистов. Так, «культуролог — эксперт, искусствовед, преподаватель, филолог, журналист, специалист по рекламе (PR), обозреватель, критик в сфере искусства и литературы» (Культуролог). В особенности много пересечений у культурологии с социально-культурной деятельностью (у которой, к слову, имеется профстандарт), что порождает закономерный вопрос о различении этих сфер.

4) *Проблема отсутствия профстандарта специальности.* Эта проблема является следствием трех вышеназванных.

5) *Проблема «авторских» профилей специальности в разных вузах страны.* Каждый вуз, где готовят культурологов, сам решает, какому профилю обучать. При этом, как правило, исходят из собственных соображений по поводу необходимости именно такого рода специалистов в регионе и собственных представлений о прикладном значении культурологии (самые распространенные профили — менеджмент в сфере культуры, межкультурные коммуникации, краеведение, выставочная деятельность, научная

деятельность, педагогика дополнительного образования).

б) Наконец, *проблема*, лежащая за рамками культурологии как профессии, — *существенное отставание отечественного культурного кластера экономики.* Деятели культуры, в особенности в регионах, консервативно не видят коммерческих возможностей сферы культуры во многом вследствие стереотипов, сложившихся еще в советское время. Отсюда востребованность культурологов на рынке труда оставляет желать лучшего.

Для чего стоит найти решение указанных проблем и реанимировать в отечественных условиях профессию культуролога?

Необходимость культурологов для современного отечественного рынка труда станет очевидной в том случае, если в регионах придет понимание, что сфера культуры способна вносить реальный вклад в развитие городов и регионов (как минимум, рабочие места, вливания в госбюджет, имидж региона). Богатая культурная жизнь улучшает атмосферу в регионе, привлекает жителей (молодежь не уезжает из города с богатой культурной жизнью). Проведение крупных культурных мероприятий, выставок, концертов, фестивалей, форумов работает на улучшение инфраструктуры города. Культура вполне способна и должна быть рентабельной, она не только может сама себя «прокормить», но и работать на развитие экономики в целом (в частности, через имиджевые стратегии).

Культура — это сфера услуг, и именно благополучие в этой сфере является показателем уровня жизни страны, региона, города. Культура способна дать и рабочие места, и зарплаты как косвенно стратегически, так и вполне сиюминутно (это доказывает опыт западных стран (Тульчинский, Шекова 2009)). Коммерческий сектор культуры также развивается и имеет прочные перспективы. Дальновидные бизнесмены, не имеющие отношения к культуре, сегодня понимают, что без грамотного сотрудничества с этой сферой не выжить и бизнесу, и производству (яркий показатель этого — организационная и корпоративная культура, имидж фирмы, связи с общественностью на основе партнерских отношений, где культура может быть великолепным посредником) (Тульчинский, Шекова 2009). Не будем далеко ходить за образцами: Санкт-Петербург — это первый город в нашей стране, сделавший культуру своей специализацией, своим имиджем, своим тактическим и стратегическим ресурсом.

Для развития культурного кластера экономики необходимы, прежде всего, культу-

рологи — менеджеры сферы культуры, специалисты по межкультурным коммуникациям, теоретики и практики, стратеги и аналитики.

Эта профессия обладает определенными конкурентными преимуществами перед узкими специалистами из смежных сфер. Не секрет, что культуролог на рынке труда является конкурентом других специалистов (журналистов, пиарщиков, музейщиков, искусствоведов и др.); при этом очевидно конкурентное преимущество с точки зрения работодателя у обладателей специального диплома для конкретной вакансии, несмотря на то, что культуролог часто справляется с обязанностями гораздо качественнее узких специалистов уже в силу своей универсальности. В любой практической деятельности постоянно возникают внештатные задания и проблемы, решение которых часто зависит от широты мышления и кругозора, нестандартности подхода, которыми обладает культуролог.

Это главное преимущество культурологов можно определить как «культурологическое мышление», которое формируется у выпускника (при условии качественной учебы) постепенно в ходе освоения многочисленных теоретических, исторических и прикладных дисциплин культурологического круга. Способность культурологически мыслить на практике означает в любом проявлении культуры (даже на бытовом уровне) видеть отдаленные глубинные связи и взаимозависимости там, где другие специалисты не просто не увидят их, но и не обратят внимания. Культурологическое мышление и формируется в результате того, что культуролог осваивает и впоследствии имеет дело с таким сложнейшим и многоуровневым явлением, каковым является культура, что подразумевает широкий диапазон знаний и эрудиции, социо-

гуманитарную универсальность (правда, часто на уровне дилетанта), развитое воображение, креативность, аналитичность.

В заключение нашего небольшого обзора проблем позиционирования и продвижения на рынке труда специалистов-культурологов целесообразно наметить пути их решения.

Со стороны вузов, на наш взгляд, необходимо более тщательно подходить к вопросу прохождения производственной практики студентов, которой, как правило, не уделяется должного внимания ни со стороны преподавателей, ни со стороны самих студентов. Между тем именно практика часто является стартовой площадкой для будущей карьеры. Поэтому если выпускающие кафедры выстраивают программы практик таким образом, что они будут максимально соответствовать прикладному профилю культурологов, и будут заключать договоры с профильными предприятиями и учреждениями, проведя предварительную разъяснительную работу с их руководителями по поводу необходимости культурологов в их сфере деятельности, это может помочь решить проблему трудоустройства выпускников-культурологов на местах хотя бы частично.

При создании авторской образовательной программы и выборе профиля в каждом вузе следует исходить из реальных нужд в данных специалистах в конкретном регионе.

Для рынка труда стоит сформулировать четкое отличие профессиональной деятельности культурологов от близких к ним сфер (типа СКД), в этом смысле профстандарт специальности просто необходим.

И наконец, когда культура в регионах прочно войдет в сферу интересов бизнеса, тогда работодатели — предприниматели и бизнесмены — «вспомнят» о культурологах и не пожалеют.

Источники

- Культуролог. Описание. *Мое образование*. [Электронный ресурс]. URL: https://moeobrazovanie.ru/professions_kulturolog.html (дата обращения 25.10.2019).
- Культуролог. *Профориентир*. [Электронный ресурс]. URL: http://proforientir42.ru/dt_profession/kulturolog/ (дата обращения 24.10.2019).
- Профессия в вопросах и ответах. Культурология. *Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/27872895> (дата обращения 24.10.2019).
- Профессия культуролог (Kulturwissenschaftler/in). *Study in Focus: Высшее образование в Германии*. [Электронный ресурс]. URL: <https://studyinfocus.ru/profession/kulturolog/> (дата обращения 24.10.2019).
- Работа «культурология» в России. *Труд*. [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.trud.com/jobs/kulturologiya> (дата обращения 28.10.2019).
- Работа: культуролог в России. *Фильтр работ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://jobfilter.ru/работа/культуролог> (дата обращения 28.10.2019).
- Специальность «Культурология» (академический бакалавриат, прикладной бакалавриат). *Edunews*. [Электронный ресурс]. URL: <https://edunews.ru/entrants/okso/iskusstvo-i-kultura/kulturovedenie-i-sociokulturnye-proekty/kulturologija-bakalavriat.html> (дата обращения 24.10.2019).

Литература

- Грачев, В. И. (2018) Современный статус культурологии как интегральной науки о культуре. *Культура культуры*, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cult-cult.ru/contemporary-status-of-culturology-as-an-integrated-science-of-culture/> (дата обращения 15.02.2020).
- Межуев, В. М. (2011) Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 2). *Культурологический журнал*, № 1, с. 1–8.
- Тулъчинский, Г. Л., Шекова, Е. Л. (2009) *Менеджмент в сфере культуры*. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «Планета Музыки», 528 с.
- Флиер, А. Я. (2000) *Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии*. М.: Академический Проект, 496 с.

Sources

- Kul'turolog. Opisaniye [Culturologist. Description]. *Moe obrazovanie [My education]*. [Online]. Available at: https://moeobrazovanie.ru/professions_kulturolog.html (accessed 25.10.2019). (In Russian)
- Kul'turolog [Culturologist]. *Proforientir [Career guidance]*. [Online]. Available at: http://proforientir42.ru/dt_profession/kulturolog/ (accessed 24.10.2019). (In Russian)
- Professiya v voprosakh i otvetakh. Kul'turologiya [Profession in questions and answers. Culturology]. *Federal'nyy obrazovatel'nyy portal "Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment" [Federal educational portal "Economy. Sociology. Management"]*. [Online]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/27872895> (accessed 24.10.2019). (In Russian)
- Professiya kul'turolog (Kulturwissenschaftler/in) [Profession culturologist (Kulturwissenschaftler/in)]. *Study in Focus: Vysshee obrazovanie v Germanii [Study in Focus: Higher education in Germany]*. [Online]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/27872895> (accessed 24.10.2019). (In Russian)
- Rabota "kul'turologiya" v Rossii [Job "cultural studies" in Russia]. *Trud*. [Online]. Available at: <https://russia.trud.com/jobs/kulturologiya> (accessed 28.10.2019). (In Russian)
- Rabota: kul'turolog v Rossii [Job: Culturologist in Russia]. *Fil'tr rabot [Job Filter]*. [Online]. Available at: <https://jobfilter.ru/работа/культуролог> (accessed 28.10.2019). (In Russian)
- Spetsial'nost' "Kul'turologiya" (akademicheskij bakalavriat, prikladnoj bakalavriat) [Specialty "Culturology" (Academic bachelor's degree, applied bachelor's degree)]. *Edunews*. [Online]. Available at: <https://edunews.ru/entrants/okso/iskusstvo-i-kultura/kulturovedenie-i-sociokulturnye-proekty/kulturologija-bakalavriat.html> (accessed 24.10.2019). (In Russian)

References

- Flier, A. Ya. (2000) *Kul'turologiya dlya kul'turologov: Uchebnoe posobie dlya magistrantov i aspirantov, doktorantov i soiskatelej, a takzhe prepodavatelej kul'turologii [Cultural studies for cultural scientists: A textbook for undergraduates and postgraduates, doctoral students and applicants, as well as teachers of Cultural studies]*. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 496 p. (In Russian)
- Grachev, V. I. (2018) Sovremennyy status kul'turologii kak integral'noj nauki o kul'ture [Contemporary status of culturology as an integrated science of culture]. *Kul'tura kul'tury — Culture of Culture*, no. 2. [Online]. Available at: <http://cult-cult.ru/contemporary-status-of-culturology-as-an-integrated-science-of-culture/> (accessed 15.02.2020). (In Russian)
- Mezhuev, V. M. (2011) Razmyshleniya o kul'ture i kul'turologii: kul'turologiya v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya (Stat'ya 2) [Reflections on culture and cultural research: Cultural research within the contemporary system of the humanities disciplines (Article 2)]. *Kul'turologicheskij zhurnal — Journal of Cultural Research*, no. 1, pp. 1–8. (In Russian)
- Tul'chinskij, G. L., Shekova, E. L. (2009) *Menedzhment v sfere kul'tury [Cultural management]*. 4th ed. Saint Petersburg: "Lan" Publ.; Izdatel'stvo "Planeta Muzyki" Publ., 528 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Алла Валентиновна Мартыненко, e-mail: avalmart@list.ru
Кандидат культурологии, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии Ульяновского государственного университета

Author

Alla V. Martynenko, e-mail: avalmart@list.ru
Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Public Relations, Advertising and Cultural Studies, Ulyanovsk State University

УДК 008(009)

DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-126-131

Культурология как специальность, привычка и стиль жизни

Л. А. Якушева^{✉1}

¹ Вологодский государственный университет, 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

Для цитирования:

Якушева, Л. А.
(2020) Культурология как специальность, привычка и стиль жизни. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 126–131. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-126-131

Получена 31 января 2020; прошла рецензирование 19 апреля 2020; принята 19 апреля 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Культурология: научное направление или стиль жизни, феноменология или дискурс? В данной публикации автор, приняв позицию наблюдателя со стороны, рассматривает культурологию как интеллектуальную процедуру со своими особенностями, задачами и кругом проблем, следуя за парадоксальным заявлением В. М. Розина о том, что он понял, что такое культурология, когда написал учебник по этой дисциплине. В центре внимания автора публикации оказываются основные исходные позиции и потенциал культуролога. Также определена специфика отбора материалов и текстов, отличающая культурологов от литературоведов, историков, журналистов и других гуманитариев, в поле зрения которых оказываются феномены культуры; заявлен методологический каркас, который использует исследователь, определены границы проблемного поля культурологии как научного знания и инновационного ресурса.

На примере «вологодского текста» автор определяет, из чего складывается описание культурного ландшафта современной провинции. В статье названы бренды, которые официально используются для маркирования Вологодчины как территории («Душа Русского Севера», родина Деда Мороза, вологодского масла и кружева), а также культурные проекты, находящиеся на стадии разработки. Особое внимание уделено персоналистской позиции культуролога — рефлексизирующего, откликающегося, воспроизводящего и созидającego субъекта. Поэтому город предстает как череда лиц и судеб, мифов актуальных и исторических, реальных историй и их интерпретаций. Тем самым вырисовывается один из основных принципов исследователя современной эпохи итогов и эпилогии — рассмотрение фона и фигуры, текста и его контекста.

Одним из опытов реализации такой позиции, представленным в статье, является присутствие культуролога в сети Интернет и ведение собственного блога. Наступает время короткого, емкого высказывания и моментального отклика. Автор статьи настаивает, что только постоянно анализируя культурные проекты, откликаясь на вызовы времени, можно стать настоящим культурологом.

Статья ориентирована на тех, кто преподает основы культурологии, сталкивается с проблемой краткого обоснования проблемного поля культурологии как учебной дисциплины, делает первые шаги в науку.

Ключевые слова: культурология, культурологическое исследование, вологодский текст, провинциальная культура.

The cultural studies: A profession, a habit and a lifestyle

L. A. Yakusheva✉¹

¹ Vologda State University, 15 Lenin Str., Vologda 160000, Russia

For citation:

Yakusheva, L. A.
(2020) The cultural studies:
A profession, a habit and a lifestyle.
*Journal of Integrative Cultural
Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 126–131.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-126-131

Received 31 January 2020;
reviewed 19 April 2020;
accepted 19 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. Culturology: is this a science or a lifestyle, a phenomenology or a discourse? The author of this article takes a role of a distant observer and considers cultural studies as an intellectual process with its own features, tasks and a range of issues. The author shares the paradoxical view of V. M. Rosin who realized the meaning of this science after writing a book on this discipline. The article focuses on the main aspects of cultural studies and the scope of capabilities of cultural scientists. The article explains the selection of materials and texts that distinguish a culturologist from literary critics, historians, journalists, and other liberal arts professionals who deal with cultural phenomena. The article also explains the methodology used in the study and sets out the framework for cultural studies.

The analysis of the “Vologda text” allowed to identify the structure of the description of a provincial cultural landscape. The article focuses on some potential cultural projects as well as the brands officially used as a marker of the Vologda region, such as “The Russian North’s Soul”, the homeland of the Father Frost, Vologda’s butter and lace. Special attention is given to the personalistic view on the culturologist as a reflecting, responsive and creative actor. The city is presented as a set of persons and their fates, contemporary and past myths, real stories and their interpretations. Thus, we see the most important principles for the researchers of the “modern age of outcomes”, i. e. attention to the figures and the background, the text and the context.

In practice, culturologists implement these principals through the use of Internet and blogging. The author insists that today, in the age of concise and pithy texts, the top priority of a culturologist is to analyze cultural projects and respond to the challenges of our time. This is the only way one can become a true culturologist.

The article focuses on those who teach the basics of cultural studies and face the challenge of explaining a range of issues in cultural studies as an educational subject to those who are making their first steps in this field.

Keywords: cultural studies, cultural research, culturology, Vologda text, provincial culture.

Еще несколько лет назад меня часто спрашивали о том, кто такой культуролог и чем он занимается. Казалось бы, споры о культурологии как научном направлении улеглись еще в начале нулевых, однако, встречаясь с новыми поколениями студентов, начиная семестр или статью, я возвращаюсь к этому вопросу снова и снова. Существует 5 основных точек зрения на верификацию культурологии как научного направления. Это — 1) часть философии; 2) междисциплинарная наука (комплексное знание); 3) свалка гуманитаристики (нет такой науки); 4) самостоятельная дисциплина; 5) дискурс рассмотрения явлений и феноменов культуры. На практике же получается, что, только попробовав осмыслить явление или написав текст, можно ощутить неуловимую грань между разными научными направлениями, которые изучают мир человеческой культуры. Целепо-

лагание культурологических дисциплин в этом случае видится как возможность «погрузиться в реальность культурологической работы (почувствовать эту реальность) и вооружить его (преподавателя, студента. — Л. Я.) средствами для ориентации и деятельности в этой реальности» (Розин 2003, 3).

Литературоведы, прежде всего, обращаются к ценностным вершинам, отождествляемым с классикой, историки — к задокументированной реальности, журналисты и вовсе мультиверсивны (априори существуют в разнородных информационных полях). Культуролог стремится зафиксировать феномен в его бытовании и контекстных перипетиях. Подобные интеллектуальные задачи могут ставить и другие гуманитарии, но в этом случае они имеют дело с культурологической проблематизацией материала.

В целом же культурологии свойственны следующие качества: антропоцентричность, междисциплинарный плюрализм, гипотетичность, тяготение к моделированию, реконструированию и экспертированию явлений и текстов культуры.

Культуролог отражает и аккумулирует основные тенденции современной гуманитаристики, направленные на изучение мира человека с позиции онтологических оснований его жизнедеятельности — свободы, выбора, ответственности, страха, любви, смерти и т. п. Ответы на вызовы времени и обстоятельств, личностно-мотивационный выбор поступков и деяний становятся условиями существования культуры и мерой человеческого в человеке. Поэтому один из посылов культурологического исследования — рассмотрение тех проектов, которые не просто стоят в ряду прочих, но преобразуют вокруг себя креативное творческое пространство, которые запускают механизмы, актуализируют наиболее важное и значимое, меняя восприятие и отношение к происходящему.

Второе исходное положение исследователя определяется горизонтами персоналистской парадигмы, поскольку в центре внимания культуролога, как правило, оказывается творческая личность (писателя, режиссера, учителя, художника), призванная к бытию в конкретных социокультурных условиях, существующая в культуре и культуру созидаящая.

Третья позиция, как правило, направлена на выявление кросскультурного взаимодействия и взаимопроникновения провинциального и столичного, элитарного и массового, частного и общего. В целом же можно констатировать, что «энтелехия культуры реализуется как опережающая исторические и социальные возможности воля к глобальному синтезу. Но реализуется этот синтез прежде всего сугубо персонально, в личностном опыте и ментальном, интеллектуальном становлении» (цит. по: Якушева 2019, 154).

Например, живя в провинции и откликаясь на происходящие в ее мире современные события, исследуя (реконструируя, моделируя) культурный ландшафт, культуролог основывается на трех основных методологических подходах: историко-типологическом, семиотическом и герменевтическом. Историко-типологический подход становится почвой для обстоятельного разговора о провинции как историческом феномене, выявления тенденций в сфере ее социокультурной, художественной и повседневной жизни. Все это интересно и само по себе, и как

часть физиогномики города и его среды. Физиогномический метод к рассмотрению текстов культуры предложил когда-то немецкий философ О. Шпенглер, считавший, что восприятие типа культуры зависит от понимания конкретных символов культуры, восприятия пространства и времени культуры: «По разбросанным деталям орнаментики, архитектурного стиля, письма, по отдельным данным политического, хозяйственного, религиозного характера можно восстановить органические основные черты исторической картины целых столетий» (Шпенглер 1993, 272).

О «культурном лице» города рассуждал некогда и известный вологодский искусствовед М. Ш. Бонфельд, утверждая, что оно «формируется благодаря совокупности всех факторов и событий городского поселения». Это лицо «служит показателем общего состояния культуры; его изменения чутко реагируют на перемены в общественной жизни; всматриваясь в его черты, можно многое понять в тектонических сдвигах, которые происходят в почвенном и подпочвенном слое нашего бытия» (Бонфельд 2002, 197).

Тем самым при сопоставлении явлений прошлого и настоящего актуализируются ресурсы мифокритики и истории памяти, посредством которых раскрывается мифообраз провинциального города, закладывается база понимания *места* как специфического места памяти (Злотникова, Дидковская 2010).

Современный человек живет в мире знаков, символов и мифов, которые в определенных условиях становятся реальностью. Отечественные философы-персоналисты — М. М. Бахтин, А. Н. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, В. П. Зинченко — писали о «встрече» реальности в знаке, о мире, раскрывающемся через человека самому себе; о выстраивании внешнего посредством феноменологического, символического. Эта взаимообусловленность субъектно-объектных отношений была зафиксирована современным философом Г. Тульчинским в виде парадоксального вопроса: «Готовы ли мы жить в мире, где реальность имеет множественное число; в мире, который, чтобы выжить, должен себя придумать?» (Тульчинский 2012, 26).

Так, например, в современном информационном пространстве Вологда имеет несколько официальных статусных характеристик. Например, это один из самых древних городов Северо-Запада России, крупный транспортный узел в европейской части России. Есть «маркеры», которые находятся в разработке: Вологодчина — родина Деда Мороза, Вологда — культурная

столица Русского Севера, «душа Русского Севера». В эпоху модернизма рубежа XIX–XX вв. в Вологде были успешно реализованы как минимум три проекта: Вологда — место производства вологодского масла и кружева (в настоящее время это — основные брендовые продукты Вологодчины), она же — «несостоявшаяся столица». Каждый вологжанин знает фольклорную легенду, что при строительстве Софийского собора в XVI веке на Ивана Грозного упал не то кусок плинфы, не то часть штукатурки — условный кирпич, — и царь уехал, благодаря чему Вологда не стала столицей опричнины. Любопытно, что при входе в храмовой росписи действительно зияет черное пятно. По утверждению известного реставратора собора, доктора искусствоведения А. А. Рыбакова, роспись там отсутствовала изначально. То есть уже через 100 лет после закладки собора, в XVII веке, эта легенда бытовала, была зафиксирована, художественно осмыслена и воспроизводилась с каждым последующим поколением.

К наиболее очевидным и уже состоявшимся неомодернистским художественным проектам нового рубежа, периода XX–XXI вв., можно отнести:

- «палисадниковость» Вологды (Палисадники являются ландшафтной деталью южных городов, но благодаря известности песни «Вологда» Б. Мокроусова и М. Матусовского в городе начали создавать и культивировать палисадники);
- реализацию мифологемы «Вологда — дипломатическая столица» (речь идет о событиях первой половины 1918 года, когда из Петрограда в Вологду переместился дипломатический корпус. Автор проекта «Дипломатический корпус», частного музея, коллекции экспонатов того времени и серии романов на данную тематику — историк А. В. Быков);
- ландшафтный театральный фестиваль «Голоса истории» (театральный фестиваль проводится с 1991 года по настоящее время, а его главной сценой является Вологодский Кремль);
- организацию в Печаткино (город Сокол, 46 км от Вологды) «Цветавских костров» как части всероссийской акции (с 2015 года), вместе с усилиями инициативной группы (возглавляет ее к. ф. н. Е. В. Титова) по созданию дома-музея Анастасии Цветаевой;
- некоторые другие брендинговые акции, как, например, провозглашение академиком живописи В. Корбакова (1922–2013)

«вологодским Ван Гогом» (экспрессивность манеры исполнения работ и мотивы французского импрессионизма второй половины XIX века неоднократно отмечались профессионалами и любителями живописи в творчестве вологжанина).

Успешность продвижения и трансляция этих текстов культуры (где «*текст культуры* — это любой по форме, технологиям и целям исполнения результат креативного акта (акта творчества), имеющий отождествляемые социально-культурные последствия своего проявления — использование, распространение, обсуждение, подражание и т. д.» (Фадеева, Сулимов 2011, 425)), становятся импульсом поиска идей, которые могли бы стать основанием социокультурного семиозиса современной Вологды. Как отмечает литературный критик и известный блогер Е. А. Ермолин, «было бы странно, если б современная, сугубо рефлексивная эпоха, эпоха итогов и эпилогической меланхолии, не предъявляла бы опытов научного осмысления и изъяснения того ментального парадокса, который образовал самобытную культурную матрицу и в каком-то смысле обернулся пароксизмом исторической судьбы» (цит. по: Якушева 2019, 154).

Со временем для исследователя-гуманитария культурология становится привычкой, являя собой результат интеллектуального экзистенциального опыта человека, живущего в культуре, изучающего ее феномены и создающего новые культурные смыслы в режиме нон-стоп. Поэтому к текстам, «воспитывающим» культуролога, создающим культурологический дискурс, мы относим формат интернет-блогинга, ведение дневниковых записей в виде постов в социальных сетях. «Лет десять тому назад в социальных сетях интернета открылось для литератора новое окно творческих возможностей. С тех пор его авторский проект все более очевидно тяготеет к тому, чтобы принять форму блогинга» (Ермолин 2018, 6).

В таких текстах могут отражаться факты конкретной биографии отдельных людей — вот прочитан роман, вот состоялась какая-то встреча, отозвался событием фильм или спектакль; этакое путешествие, в том числе и интеллектуальные — во времени и пространстве. Поэтому фиксация объективных особенностей произведений и арт-акций в данном случае может соседствовать с непрерывным потоком субъективного означивания ситуаций, фактов, обстоятельств, проживаемых событий.

С другой стороны, в таких зарисовках вологжан легко можно усмотреть некий преце-

дентный «вологодский текст», создаваемый и определяемый самими жителями. Сюда входят обыденные названия памятников, районов, старые названия улиц, бывшие предназначения домов. Увидеть такие примеры можно в группах социальной сети «ВКонтакте» «Хранители Вологды» (Хранители Вологды), «Старая Вологда» (Старая Вологда ***), на интернет-страницах музейных объединений.

Важной составляющей блогинга является и фиксация событий самими вологжанами. Так, в текстах френдлент, обсуждениях и постах остаются зафиксированными взгляды, вкусы, предпочтения горожан, их реакции на происходящее. Подобного рода интернет-дневник является частью и представленной в списке литературы монографии (Якушева 2019). Нужен ли в этом случае читатель? И да, и нет. В лучшем случае, такие тексты могут послужить провокаций для порождения новых/других текстов

или изучения уже состоявшихся. Такими высказываниями нельзя пресытиться, их не может быть слишком много — например, провинциальный житель и так слишком робок. Он осторожен, неспешен и апассионарен, а жизнь — тороплива и изменчива. Мне часто приходилось слышать, что в Вологде нет художественной критики, нет тех, кто пишет о театре, нет науки... Когда-то на кандидатском экзамене член комиссии удивился и резюмировал: «Вы хотите писать о театре? Но ведь у вас там, поди, и театров-то нет...» Оставляю за скобками культурный уровень подобных высказываний, отметив их как пример внешних препятствий подобной творческой работе. Бесспорно, что внутренних сомнений, преодолений всегда в разы больше. Но ведь с чего-то нужно начинать? И тогда, быть может, состоится — разговор, исследование, книга. А в конечном итоге и сам культуролог — как личность в горизонте своего времени.

Источники

Старая Вологда ***. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club17191997> (дата обращения 30.01.2020).
Хранители Вологды. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/gdepalisad> (дата обращения 30.01.2020).

Литература

- Бонфельд, М. Ш. (2002) Музыкальная журналистика в контексте городской культуры. В кн.: Г. В. Судаков (ред.). *Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен: сборник статей*. Вологда: Книжное наследие, с. 197–200.
- Ермолин, Е. А. (2018) *Экзистанс и мультиавторство: Происхождение и сущность литературного блогинга*. Б. м.: Издательские решения, 202 с.
- Злотникова, Т. С., Дидковская, Н. А. (ред.). (2010) *Исторический город в аспекте национальной ментальности: научный ситком (сборник научных трудов)*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 173 с.
- Розин, В. М. (2003) *Культурология*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 462 с.
- Тульчинский, Г. Л. (2012) Вещь, тело и смысл: семиозис как онтофания свободы. В кн.: И. Е. Фадеева, В. А. Сулимов (ред.). *Семиозис и культура: лабиринты смысла*. Сыктывкар: Коми пединститут, с. 9–27.
- Фадеева, И. Е., Сулимов, В. А. (2011) Национальный семиозис и современная русская культура. *Международный литературно-культурологический альманах «История совести»*, № 3–4, с. 425–428.
- Шпенглер, О. (1993) *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. М.: Мысль, 666 с.
- Якушева, Л. А. (2019) *Фон и фигура: провинциальные сюжеты*. Вологда: ВоГУ, 159 с.

Sources

- Khraniteli Vologdy [Guardians of Vologda]*. [Online]. Available at: <https://vk.com/gdepalisad> (accessed 30.01.2020). (In Russian)
- Staraya Vologda *** [Old Vologda ***]*. [Online]. Available at: <https://vk.com/club17191997> (accessed 30.01.2020). (In Russian)

References

- Bonfel'd, M. Sh. (2002) Muzykal'naya zhurnalistika v kontekste gorodskoj kul'tury [Music journalism in the context of urban culture]. In: G. V. Sudakov (ed.). *Russkaya kul'tura na rubezhe vekov: Russkoe poselenie kak sotsiokul'turnyj fenomen: sbornik statej [Russian culture at the turn of the century: Russian settlement as a socio-cultural phenomenon: Collection of articles]*. Vologda: Knizhnoe nasledie Publ., pp. 197–200. (In Russian)
- Ermolin, E. A. (2018) *Ekzistans i mul'tiavtorstvo: Proiskhozhdenie i sushchnost' literaturnogo bloginga [Existence and multi-authorship: The origin and essence of literary blogging]*. S. p.: Izdatel'skie resheniya Publ., 202 p. (In Russian)

- Fadeeva, I. E., Sulimov, V. A. (2011) Natsional'nyj semiozis i sovremennaya russkaya kul'tura [National semiosis and modern Russian culture]. *Mezhdunarodnyj literaturno-kul'turologicheskij al'manakh "Istoriya sovesti" — International Miscellaneous Anthology of Literature and Culture "History of Conscience"*, no. 3–4, pp. 425–428. (In Russian)
- Rozin, V. M. (2003) *Kul'turologiya [Cultural studies]*. 2nd ed. Moscow: Gardariki Publ., 462 p. (In Russian)
- Spengler, O. (1993) *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Moscow: Mysl' Publ., 666 p. (In Russian)
- Tul'chinskij, G. L. (2012) Veshch', telo i smysl: semiozis kak ontofaniya svobody [Thing, body, and meaning: Semiosis as the ontophany of freedom]. In: I. E. Fadeeva, V. A. Sulimov (eds.). *Semiozis i kul'tura: labirinty smysla [Semiosis and culture: Mazers of meaning]*. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute Publ., pp. 9–27. (In Russian)
- Yakusheva, L. A. (2019) *Fon i figura: provintsial'nye syuzhety [Background and figure: Provincial subjects]*. Vologda: Vologda State University Publ., 159 p. (In Russian)
- Zlotnikova, T. S., Didkovskaya, N. A. (eds.). (2010) *Istoricheskij gorod v aspekte natsional'noj mental'nosti: nauchnyj sitkom (sbornik nauchnykh trudov) [Historical city in the aspect of national mentality: Scientific sitcom (collection of scientific works)]*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., 170 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Людмила Алентиновна Якушева, e-mail: yla03@yandex.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета

Author

Liudmila A. Yakusheva, e-mail: yla03@yandex.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Theory, History of Culture and Ethnology, Vologda State University

Реалистическая живопись как культурный феномен: научная рефлексия, музейные практики, культурные индустрии

Н. А. Малинина^{✉1}

¹ Дальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8

Аннотация. Статья посвящена динамике культурной парадигмы феномена реализма в изобразительном искусстве России. Интеллектуальное объяснение социальных процессов научными построениями происходит на основе рациональных структур. В художественной культуре социальные процессы являются подвижным предметом интереса; наблюдаются периоды, когда искусство открыто и целенаправленно осваивает социальную проблематику, затем происходит затухание явного интереса к социальной проблематике. Стили искусства выстраивают дистанцию по отношению к социальной проблематике. Реалистическая живопись прошла свой исторический путь развития через освоение социальных проблем, что является одной из причин интереса к феномену реалистической живописи. В силу целостности художественной картины мира социальная проблематика приобретает сущностные, глубинные характеристики. Визуальное освоение социальных проблем художественными средствами реалистического направления не гарантирует правдивого изображения социальных противоречий. Реализм в изобразительном искусстве России является пульсирующим явлением в культурном поле современности. Обозначена корреляция исследовательского интереса к проблеме феномена реализма в изобразительном искусстве с социальным контекстом. Выделены формы представления феномена реализма в изобразительном искусстве в музейном пространстве. Коллекции реалистической живописи представлены повсеместно в столичных и региональных музеях России. Реалистическая живопись является значительной частью культурного наследия, которое хранится, выстраивает визуальный ряд выставочного пространства и объединяет музеи страны тематически. Представлены маркетинговые тенденции феномена реализма в изобразительном искусстве. Произведения реалистического искусства являются устойчивым сегментом рынка живописи. Произведения реалистической живописи являются предметом рыночных отношений как элитарного, так и массового рынка произведений искусства. Обоснованы причины популярности феномена реализма в изобразительном искусстве в современной массовой культуре, фактически в культурных индустриях. В массовой культуре активно используется потенциал произведений реалистической живописи — популярность имени художника, понятность визуального образа, насыщенность отсылками к опыту человека — воспоминания детства, иллюстративный материал школьного учебника, воспоминания о музейных экспозициях ведущих музеев страны. Выявлены наиболее устойчивые направления в отечественных исследованиях феномена реализма в изобразительном искусстве России (искусствознание, эстетика, социология культуры, культурология). Предметом дискуссий является определение реализма в искусстве. К базовому термину «реализм» теории искусства добавляют определения, которые смещают акцент и добавляют нюансировку в трактовку реализма. Отмечено расширение поля научных исследований в гуманитаристике.

Ключевые слова: культурная парадигма, модификации реализма, научный анализ, музейное пространство, рынок искусства, массовая культура, изобразительное искусство России.

Для цитирования:

Малинина, Н. А. (2020) Реалистическая живопись как культурный феномен: научная рефлексия, музейные практики, культурные индустрии. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 132–138. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-132-138

Получена 2 марта 2020; прошла рецензирование 17 мая 2020; принята 17 мая 2020.

Права: © Автор (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Realistic painting as a cultural phenomenon: academic reflection, museum practices, cultural industries

N. L. Malinina✉¹

¹ Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova Str., Vladivostok 690091, Russia

For citation:

Malinina, N. L. (2020) Realistic painting as a cultural phenomenon: Academic reflection, museum practices, cultural industries. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 132–138. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-132-138

Received 2 March 2020; reviewed 17 May 2020; accepted 17 May 2020.

Copyright: © The Author (2020). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article is devoted to the dynamics of realism as a cultural paradigm in Russia's visual arts. Realism in Russian visual arts is a vibrant phenomenon of contemporary culture. The study indicates a correlation between a research interest in realism in visual arts and social context. The article explores the forms of realism in fine art in the museum space. A realistic painting is a significant part of the cultural heritage. It creates the visual range of the exhibition space and unites the country's museums thematically. The article discusses the marketing trends in realism in visual arts. Realistic paintings are part of both the elite and mass art market. The article provides reasons for the popularity of realism in visual arts in modern popular culture, namely, in cultural industries. Popular culture actively exploits the potential of the realistic painting — the popularity of the artist's name, the clarity of the visual image, the richness of references to human experience, i. e. childhood memories, illustrations in school textbook, memories of expositions in the country's leading museums. The study identified the most stable trends in domestic research of realism in Russia's visual arts (art history, aesthetics, sociology of culture, cultural studies). The subject of discussion is the definition of realism in art. Theorists of art tend to supplement the basic term "realism" with definitions that shift the emphasis and add nuances to the interpretation of realism. The article also highlights the expansion of the field of research in humanities.

Keywords: cultural paradigm, modifications of realism, scientific analysis, museum space, art market, mass culture, Russian fine arts.

Введение

Культурологическое осмысление феномена реализма в изобразительном искусстве России возможно через обращение к понятию «культурная парадигма» — модель постановки и решения проблем, которые задает развитие культуры. Попытка интеллектуального объяснения времени предпринимается как научными способами, так и художественными средствами. Научная традиция выстраивает рациональное объяснение прошлого и настоящего, художественная картина мира более целостна благодаря эмоциональности и отсылкам к бессознательному. Художественное пространство получает своеобразие и уникальность благодаря тому, что в пределах художественной культуры определенного времени существуют разные стилистические направления, маркирующие время не только эстетически, но и социально. Социальное пространство связано с политикой и экономикой. Существует пограничная полоса взаимодействия художественного и социального. Формы взаимовлияния художественного и социального разнообразны, от полярности

и потери интереса друг к другу до активных форм взаимодействия, когда искусство стремится ставить социальные проблемы и предлагает их решение. Социальное через идеологический заказ может диктовать тематику, стилистические решения и подавлять художественное. К XXI столетию оформились переживания, связанные с невозможностью создать такие художественные образы, которые помогли бы не только решению, но даже постановке возникающих социальных проблем. Наблюдались периоды, когда социальная проблематика в художественном пространстве выдвигалась на первый план, становилась концентрированным ядром в целостном произведении искусства. Отчетливо осознаваемой направленностью на социальные проблемы отличается реализм. Для художественной культуры России реализм выступает структурообразующим элементом определенных сегментов. Произведения реалистического искусства в живописи являются частью художественных достижений, классического художественного наследия. Реализм в изобразительном искусстве востребован в разных измерениях (Малинина 2010). Пред-

ставления о реалистическом произведении меняются. Произведения реалистической направленности становятся весомой частью музейных коллекций. На реалистических произведениях искусства основаны программы обучения художников, дизайнеров. Произведения реалистической направленности являются частью художественного рынка — от регионального до международного. Произведения реалистического искусства находятся в герменевтическом круге исследований, подходы меняются, и появляются все новые и новые трактовки смыслов произведений.

Изменение границ реализма в живописи России

Реалистический принцип изображения постоянно присутствует в художественной культуре в большей или меньшей степени. Во времени и пространстве художественного поля интерес к реальному воплотился в использовании реалистического принципа изображения в качестве метода.

Путь реализма в живописи долог и полон коллизий. Развитие реалистических тенденций в живописи противоречиво, наполнено как достижениями, так и разочарованиями в возможностях постижения смысла бытия. Живопись осваивает смыслы бытия через визуальную составляющую. Люди живут, действуют, не обладая полным пониманием социальных процессов. Социальные процессы носят принудительный характер. Онтологические основания приводят к пульсации реалистического воспроизведения действительности в живописи. Живопись выработала арсенал средств, технологий для визуального воспроизведения реальности. Поиск выразительных средств для воспроизведения реальной формы привел к появлению технологий в области цвета, структуры, контура. Для того чтобы создать произведение, воспроизводящее реальность, требуется овладение сложной техникой. Видимая реальность осваивается живописью постоянно и упорно. Первоначальный этап воспроизведения реальности пронизан наивной уверенностью, что визуальное воспроизведение реальности дает прикосновение к смыслу реальности. Видимый элемент, момент, сгусток реальности дает возможность поставить вопрос о том, что скрывается за этой видимостью, какой процесс. Живопись освоила технику показа видимой реальности. Эффект воздействия индивидуальных смыслов сказался на взаимоотношениях художника и зрителя. Для живописи, как

и для других видов искусства, поиск смысла бытия оказался структурообразующим моментом. Воспроизведение реальности нашло воплощение в произведении искусства, в искусстве складывается художественный образ как минимальная смысловая единица. Увидеть и показать драматический момент социальной жизни — и это смогла живопись. Сложился метод творчества, в котором внимание фокусировалось на социальных проблемах, — критический реализм. Эффекты воздействия коллективных смыслов оказались в поле зрения художников.

Понятие «реальность» используется для охвата всего существующего в действительности. Реализм в живописи прошел свой путь освоения уровней реальности — видимая реальность есть базовый элемент развития живописи. Видимый мир привлекал человека издревле для создания визуальных копий. Изобразительное сходство предмета изображения и произведения — творческий путь многих художников. За внешним уровнем скрывались переживания, эмоции. Важным открытием становится динамика восприятия мира художником, которую он показывает зрителю, следующий уровень освоения реальности — акцент на реальности впечатления. Человек прямо или косвенно является основным предметом изображения для искусства. Каждый человек является уникальной вселенной. Внутренний мир личности представлен в сознании и бессознательном. Живопись приходит к изображению реальности подсознательного. Игровое начало культуры получает воплощение в живописи через утрированный показ элементов реальности. Живопись последовательно осваивала и давала визуальные версии разных уровней реальности. Изобразительное искусство искало визуальные формы, эквивалентные реальности. Этот путь отмечен достижением нового уровня визуального освоения реальности и разочарованием в неточности этого постижения. Быстрые темпы социальной жизни заставляют художников устремляться в поиске новых форм визуального показа меняющегося социума. Перечислением модификаций реализма занимались многие теоретики. Ю. Б. Боров, в частности, делал акцент на двух пульсирующих точках реализма в русской культуре — критическом реализме передвижников и социалистическом реализме периода 60-х гг. XX в. (Боров 2005). Реализм в живописи получил развитие на разных уровнях культуры; важным является охват движения реализма с точки зрения существенных культурных процессов. Одним из измерений культурных процессов является восприятие феномена реализма в трех потоках

рефлексии: как научного дискурса, как предмета музейной рефлексии, как объекта освоения культурными индустриями.

Реализм живописи как предмет научной рефлексии

С 50-х гг. в России идет дискуссия о реализме в изобразительном искусстве, как отмечает В. В. Ванслов: «Конкретно-историческая форма реализма в XX в. изменилась, искусство стало другим, реализм XIX века оказался преходящим, но это не значит, что надо отменить понятие реализма как правды жизни в художественной форме и что реализм не может развиваться дальше» (Ванслов 2003, 31).

Реализм меняет форму, содержание, но используется в творчестве ряда художников. Критик выделяет художников-реалистов современной России — Г. М. Коржев, Д. Д. Жилинский, В. И. Иванов, П. П. Оссовский. Художественный поиск новой формы предопределен развитием реальности, реалистические устремления художников плодотворны, уверен критик. Реалистическое творчество направлено на решение проблем познания, просвещения, нравственного воспитания. Реалистической живописи России посвящено много фундаментальных исследований, и будут появляться новые трактовки работ художников. Можно выделить авторов, определивших основные направления исследований в данной области для представителей всего своего поколения: И. М. Иоффе (Иоффе 1933), А. Д. Чегодаев (Чегодаев 1974), Д. В. Сарабьянов (Сарабьянов 1998), А. И. Морозов (Морозов 2007).

Обращение к прошлому художественному опыту социального звучания искусства поможет преодолеть сомнения в возможностях искусства способствовать решению проблем общества, направит внимание художников, теоретиков искусства и культуры на различные аспекты социальной проблематики в художественной культуре. Размышления о значении смыслов в культуре представлены в работах как российских авторов (Витель 2009), так и зарубежных. Свой взгляд на культуру предлагает американский социолог Дж. Александер. В основе предложенной им программы исследований находятся культурные смыслы, которые не вписываются в рациональные построения (Александер 2013). Культура понимается как сфера смыслов. Сформировавшиеся смыслы оказывают влияние на течение социальной жизни.

Реалистическая живопись вызывает разочарование у некоторых теоретиков; сомнения

в возможностях выработки смыслов высказала, например, Е. Б. Витель (Витель 2009). Автор отстаивает тезис, что до авангардных построек живописи в восприятии преобладала ситуация узнавания реальности. Следование по заданному реальностью пути предопределяло однозначное понимание произведения искусства. Логика изменений интерпретаций художественных текстов, например, «Товарищества передвижников» зависит не только от индивидуального видения теоретика, но находится также под влиянием идеологии, смены социальных ориентиров.

Через изучение визуальных источников возможно делать выводы о динамике реальности в различных сферах — политической, экономической, религиозной, нравственной. Общественно-политическое развитие страны в XXI в. связано с развитием рыночных отношений, рыночные критерии приобретают значение шкалы успеха. Появляются исследования реалистической живописи с точки зрения рыночных отношений. Если в советском искусствознании в деятельности «Товарищества передвижников» выделялась прежде всего социальная направленность, то в современной России А. Е. Шабанов выделяет и исследует коммерческую составляющую деятельности художественного объединения, видит особое значение опыта арт-менеджмента (Шабанов 2015). Проблемное поле влияния духовного на искусство очертила в своих исследованиях Л. А. Шумихина (Шумихина 2005). Эту тенденцию конкретизировала И. В. Шахова, которая отметила, что изменения в вопросах веры и церкви нашли отражение в художественном творчестве В. Г. Перова, И. Е. Репина и других художников конца XIX в. Соотнесение влияний религиозного сознания и творчества русских художников-реалистов убедительно показано в современном исследовании И. В. Шаховой (Шахова 2017).

Музейное пространство реалистической живописи

В 2011 г. в Москве на базе коллекции русского реалистического искусства конца XIX — XX вв., собранной предпринимателем А. Ананьевым, был открыт музей соцреализма «Институт русского реалистического искусства». Музей просуществовал до 2019 г. и был закрыт в связи с арестом имущества банкира. Коллекция насчитывала более 500 работ в экспозиции и более 6 000 в хранилище; коллекционером двигала идея собрать коллекцию мирового уровня. Восемь лет коллекция произведений, в том числе

«Спортсменка, завязывающая ленту» А. Дейнеки, существовала в современном музейном пространстве. Выставочный центр плодотворно сотрудничал с Третьяковской галереей, Мультимедиа Арт Музеем, региональными музеями (Качанова, Воробьева 2019). Этот этап существования коллекции показывает, что реалистическое искусство стало предметом коллекционирования, и музей данного стилевого направления востребован в музейном пространстве страны.

Исторически сложились коллекции реалистического искусства в столичных и региональных музеях. В любом художественном музее страны часть экспозиции отведена произведениям реалистической направленности. Такие экспозиции, музейные практики призваны показать художественные достижения своего времени, являются примерами уважительного отношения к художественному наследию.

Реалистическая живопись России в культурных индустриях

Музейные институции выступают организаторами выставок. Выставки живописи реалистического направления пользуются популярностью у зрителей. В 2017 г. выставка работ И. К. Айвазовского, приуроченная к 200-летию со дня рождения художника и проходившая в Государственном Русском музее, принимала 4 000 посетителей в день. Всего в Санкт-Петербурге ее посетили 300 000 человек. Эта выставка по числу посетителей в день заняла 4-е место, на 5-м месте оказалась выставка работ В. В. Верещагина, на которую приходили в день 3 157 зрителей, а всего в этот же музей на выставку пришли 262 000 посетителей (Алексеев 2018).

Произведения Айвазовского имеют высокую рыночную стоимость, в том числе на мировых аукционах; средняя цена составляет миллион долларов. Высокий спрос породил иронический комментарий — сам художник насчитал 6 000 своих произведений, а сейчас в мире художнику приписывается 60 000 картин. Одна из картин Верещагина «Тадж Махал. Вечер» продана за 2,28 млн. фунтов (Пономарева 2012). По результатам аукционных продаж в 2012 г. эти художники заняли 14-е и 15-е места.

Произведения соцреализма представлены на площадках международных аукционов живописи. Произведения художников XIX–XX вв. количественно ограничены. На аукционы с 2008 г. стали активно выставлять произведения соцреализма. Полотна А. Дейнеки, воплотившего

телесный идеал своей эпохи, Ю. Пименова, показавшего счастливых людей нового общества, уже в начале 1990-х гг. имели стоимость от 5 000 до 50 000 долларов, а после 2000-х гг. подорожали до нескольких миллионов.

Кроме аукционных домов, которые предоставляют свои площадки для продажи-покупки произведений, ставших классикой, существуют и региональные рынки произведений живописи — региональные аукционы, выставки-продажи, салоны-магазины, уличная торговля. Одним из вариантов сувенирной продукции региона являются реалистические пейзажи. Создаются массовые произведения в невысоком ценовом диапазоне, которые востребованы туристами. Такие реалистические пейзажи приобретают региональный колорит: например, в Великом Новгороде Кремль изображают на бересте — такой сувенир стоит несколько тысяч рублей. В любом регионе России складывается характерный пейзаж местности, и он воспроизводится определенными сериями. Массовый покупатель получает то, что нравится, что узнаваемо. В демократичном пространстве уличного сувенирного рынка реалистические пейзажи занимают свою устойчивую нишу.

В интернете происходит расширение поля существования живописи. Иллюстрации переходят из бумажного существования в цифровое. Живопись приобретает все более демократичные, массовые формы существования. В Интернете существуют локальные группы репрезентаций пейзажей региональных городов. Живопись в виртуальной среде представлена хаотично. Такая задача, как создание собрания произведений живописца в виртуальной среде, решается не профессионально, а стихийно. Коллекционирование полотен художников в интернете не получило своего развития.

Долгая и счастливая судьба была у конфет «Мишка косолапый», которые получили свое оформление благодаря художнику Э. Андрееву на основе репродукции картины И. Шишкина «Утро в сосновом бору». Конфеты были представлены на художественно-промышленной ярмарке в Нижнем Новгороде в конце XIX в. и в неизменном оформлении и рецептуре существуют по сей день. Это уникально долгое существование востребованной обертки конфет; такой успех связан с возможностями реалистического пейзажа — показать природное своеобразие, уникальность животного мира.

В дизайне, рекламе утрированно используются элементы реальности, используется прием гиперреализма.

В целом отечественная реалистическая живопись находится в поле научной рефлексии, музейных практик. Например, российские исследования одного из ярких этапов реалистического освоения визуального — творчества представителей «Товарищества передвижников» — строятся с использованием новых методологических подходов. Теоретические подходы зависят как от смены философских оснований, так и от этапа социального развития общества. Исследования российских и зарубежных ученых приводят к новым научным результатам.

Реалистическая живопись является частью передачи культурного кода: произведения, представленные на массовых артефактах — сувенирах, обертках конфет, элитарные произведения реалистической направленности существуют в музейном и выставочном пространстве.

Музеи используют возможности интернета как технологию знакомства с коллекцией, в информационно-рекламных целях. Появился новый формат музея — виртуальный музей.

Искусство встраивается в социальные отношения в начале XXI века на разных уровнях. Живопись конкурирует в показе визуальной стороны реальности с рядом видов искусства — кинематографом, телевидением, фотографией. У реалистической живописи есть востребованность, свое уникальное место на разных уровнях

культуры. Культурная парадигма задает вектор развития изменению бытования и принципов оценки произведений живописи.

Выводы

Отечественный реализм — развивающееся явление в культуре. Культурные процессы видоизменяют сам реализм, отношение к реализму, восприятие реализма. Свои устойчивые позиции в российской современной культуре имеет критический реализм передвижников, реализм 60-х гг. XX в. как квинтэссенция осмысления социального. Всесторонне, правдиво выразить социальные проблемы не всегда по силам реалистическим вариациям живописи. Реалистические произведения искусства этих периодов получают четко выраженную рефлексию в научном дискурсе, в музейном пространстве, в культурных индустриях. Выделение трех уровней восприятия таких модификаций реализма в живописи, как критический реализм и социалистический реализм в современной культуре, показывает точки пульсации рефлексии, которые получили четкие очертания. Социальная проблематика осваивается сознательно на уровне научной рефлексии, получает свою мифологическую составляющую в музейных практиках. На неосознанном уровне социальная практика входит в поле массового сознания посредством культурных практик.

Литература

- Александр, Дж. (2013) *Смысл социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Праксис, 630 с.
- Алексеев, А. (2018) И вновь продолжается бум: самые посещаемые выставки России. *The Art Newspaper Russia*, № 63. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/5617/> (дата обращения 27.02.2020).
- Борев, Ю. Б. (2005) *Эстетика: Отношение к действительности. Творчество. Произведения. Природа. Природа и виды искусства. Художественный процесс. Обращение с искусством*. М.: Русь-Олимп, 829 с.
- Ванслов, В. В. (2003) *В мире искусства. Эстетические и художественно-критические эссе*. М.: Знание, 280 с.
- Витель, Е. Б. (2009) *Художественная культура XX века: от антропоцентризма к «новой художественной реальности»*. Кострома: КГУ, 295 с.
- Иоффе, И. М. (1933) *Синтетическая история искусств: введение в историю художественного мышления*. Л.: ОГИЗ: Ленизгиз, 568 с.
- Качанова, Ю., Воробьева, А. (2019) Почему закрыли Институт русского реалистического искусства. *Сноб*, 4 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/177948/> (дата обращения 28.02.2020).
- Малинина, Н. А. (2010) Реалистический художественный образ в живописи: прошлое и настоящее. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, № 9, с. 175–180.
- Морозов, А. И. (2007) *Соцреализм и реализм*. М.: Галарт, 272 с.
- Пономарева, С. (2012) 33 самые дорогие картины русских художников. *Ваш досуг*, 27 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vashdosug.ru/msk/exhibition/article/68156/> (дата обращения 27.02.2020).
- Сарабьянов, Д. В. (1998) *Русская живопись. Пробуждение памяти*. М.: Журнал «Искусствознание», 431 с.
- Чегодаев, А. Д. (1974) *Мои художники. Избранные статьи об искусстве от времени Древней Греции до двадцатого века. Художники Запада. Советские мастера. Из истории искусствознания*. М.: Советский художник, 335 с.

- Шабанов, А. Е. (2015) *Передвижники: между коммерческим товариществом и художественным движением*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 336 с.
- Шахова, И. В. (2017) *Отражение трансформации религиозного сознания в русской живописи XIX — начала XX века. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата культурологии*. Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева, 22 с.
- Шумихина, Л. А. (2005) Искусство как бытие духовного. *Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*, № 35, с. 5–14.

References

- Alekseev, A. (2018) I vnov' prodolzhaetsya bum: samye poseshchaemye vystavki Rossii [And again the boom continues: The most visited exhibitions in Russia]. *The Art Newspaper Russia*, no. 63. [Online]. Available at: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/5617/> (accessed 27.02.2020). (In Russian)
- Alexander, J. (2013) *The meanings of social life. A cultural sociology*. Moscow: Praksis Publ., 630 p. (In Russian)
- Borev, Yu. B. (2005) *Estetika: Otnoshenie k dejstvitel'nosti. Tvorchestvo. Proizvedeniya. Priroda. Priroda i vidy iskusstva. Khudozhestvennyj process. Obrashchenie s iskusstvom [Aesthetics: Relation to reality. Creation. Compositions. Nature. Nature and art forms. Artistic process. Treatment with art]*. Moscow: Rus'-Olimp: Rus.-Olimp Publ., 829 p. (In Russian)
- Chegodaev, A. D. (1974) *Moi khudozhniki: izbrannye stat'i ob iskusstve ot vremeni Drevnej Gretsii do dvadcatogo veka. Khudozhniki Zapada. Sovetskie мастера. Iz istorii iskusstvoznaniya [My artists: Selected articles on art from the time of Ancient Greece to the twentieth century. Artists of the West. Soviet masters. From the history of art studies]*. Moscow: Sovetskij khudozhnik Publ., 331 p. (In Russian)
- Ioffe, I. M. (1933) *Sinteticheskaya istoriya iskusstv: vvedenie v istoriyu khudozhestvennogo myshleniya [Synthetic art history: An introduction to the history of artistic thinking]*. Leningrad: OGIZ: Lenizogiz Publ., 568 p. (In Russian)
- Kachanova, Yu., Vorob'eva, A. (2019). Pochemu zakryli Institut russkogo realisticheskogo iskusstva [Why the Institute of Russian realistic art was closed]. *Snob*, 4 June. [Online]. Available at: <https://snob.ru/entry/177948/> (accessed 27.02.2020). (In Russian)
- Malinina, N. L. (2010) Realisticheskij khudozhestvennyj obraz v zhivopisi: proshloe i nastoyashchee [Realistic artistic image in painting: Past and present]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 9, pp. 175–180. (In Russian)
- Morozov, A. I. (2007) *Sotsrealizm i realism [Social realism and realism]*. Moscow: Galart Publ., 272 p. (In Russian)
- Ponomareva, S. (2012) 33 samye dorigie kartiny russkikh khudozhnikov [33 most expensive paintings by Russian artists]. *Vash dosug*, 27 January. [Online]. Available at: <https://www.vashdosug.ru/msk/exhibition/article/68156/> (accessed 27.02.2020). (In Russian)
- Sarab'yanov, D. V. (1998) *Russkaya zhivopis'. Probuzhdenie pamyati [Russian painting. Memory awakening]*. Moscow: Zhurnal "Iskusstvoznanie" Publ., 431 p. (In Russian)
- Shabanov, A. E. (2015) *Peredvizhniki: mezhdru kommercheskim tovarishchestvom i khudozhestvennym dvizheniem [Peredvizhniki: Between a commercial partnership and an art movement]*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Publ., 336 p. (In Russian)
- Shakhova, I. V. (2017) *Otrazhenie transformatsii religioznogo soznaniya v russkoj zhivopisi XIX — nachala XX veka [Reflection of the transformation of religious consciousness in Russian painting of the 19th — early 20th century]. Extend abstract of the PhD dissertation (Cultural studies)*. Saransk, Ogarev Mordovia State University, 22 p. (In Russian)
- Shumikhina, L. A. (2005) *Iskusstvo kak bytie dukhovnogo [Art as the existence of a spiritual]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki — Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 35, pp. 5–14. (In Russian)
- Vanslov, V. V. (2003) *V mire iskusstva. Esteticheskie i khudozhestvenno-kriticheskie esse [In the art world. Aesthetic and art-critical essays]*. Moscow: Znanie Publ., 290 p. (In Russian)
- Vitel', E. B. (2009) *Khudozhestvennaya kul'tura XX veka: ot antropotsentrizma k "novoj khudozhestvennoj real'nosti" [Art culture of the 20th century: From anthropocentrism to the "new artistic reality"]*. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University Publ., 295 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Нина Львовна Малинина, e-mail: malin57@mail.ru

Доктор философских наук, доцент департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета

Author

Nina L. Malinina, e-mail: malin57@mail.ru

Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Art and Design, Federal State Autonomous Educational Institution of FEFU (Far Eastern Federal University)

Особенности передачи и восприятия культурно-коммуникативного пространства мордовской народной медицины

С. Д. Трибушина^{✉1}

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3

Для цитирования:

Трибушина, С. Д. (2020) Особенности передачи и восприятия культурно-коммуникативного пространства мордовской народной медицины. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 139–146. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-139-146

Получена 19 февраля 2020; прошла рецензирование 13 мая 2020; принята 13 мая 2020.

Права: © Автор (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Автор вводит понятие «культурно-коммуникативное пространство народной медицины» на материале культуры мордовского этноса. Структура культурно-коммуникативного пространства включает народные знания и умения, коммуникативные навыки (вербальные и невербальные), ряд культурных символов и кодов, способствующих грамотной передаче и интерпретации информации в области сохранения жизни и здоровья представителей этнического сообщества. Представлено влияние этнопсихолингвистических особенностей этноса на транслирование, восприятие и сохранение информации в изучаемой сфере. Трансляция знаний происходит через компоненты материальной и духовной культуры, обладающие семиотической нагрузкой в соответствии с мировоззрениями мордвы. Материальная культура (жилище, пища, домашняя утварь и одежда) рассматривается как аналоговая коммуникация. Представлены взаимопересечения народной медицины и семиотического пространства мордовского жилища, наполненного различной атрибутикой, в том числе и невербальной. Духовная культура мордовского народа рассматривается как система знаний и мировоззренческих идей, отражающих менталитет, культуру и языковую специфику, воздействует на восприятие и интерпретацию культурных кодов этномедицины. К сфере духовной культуры автор относит также этномедицинскую терминологическую базу и фольклорные тексты (в данном случае — мордовские народные сказки и заговоры). Автор делает вывод, что в культурно-коммуникативном пространстве народной медицины мордвы разграничение роли материальной и духовной культуры затруднено ввиду неразрывной связи смыслового значения предметов первой в контексте второй. В статье изучены и проанализированы: 1) трансформации культурно-коммуникативного пространства народной медицины мордвы, произошедшие под влиянием межкультурной коммуникации (взаимодействие с соседними этносами); 2) популяризация народной медицины в средствах массовой информации; 3) список специальной литературы, связанной с теоретическими проблемами этномедицины; 4) цифровые технологии (всемирная информационная сеть и т. д.) как информационный канал для усвоения и популяризации культурологических знаний. В заключение автор делает вывод, что современные источники информации и качественное изменение компонентов материальной и духовной культуры в сторону унификации в соответствии с современными социально-экономическими тенденциями приводят к трансформации культурно-коммуникативного пространства народной медицины.

Ключевые слова: культурно-коммуникативное пространство, материальная культура, духовная культура, трансформация культуры, культурный код, народная медицина, мордва, менталитет, язык.

Features of transmission and perception of cultural and communicative space of Mordovian folk medicine

S. D. Tribushinina✉¹

¹ Research Institute of Humanities of the Mordovia Republic, 3 L. Tolstoy Str., Saransk 430005, Russia

For citation:

Tribushinina, S. D.
(2020) Features of transmission and perception of cultural and communicative space of Mordovian folk medicine. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 139–146.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-139-146

Received 19 February 2020;
reviewed 13 May 2020;
accepted 13 May 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The author introduces the concept of “cultural and communicative space of folk medicine” based on the cultural practices of the Mordovian ethnic group. The structure of the cultural and communicative space includes folk knowledge and skills, communication skills (verbal and non-verbal), a number of cultural symbols and codes that contribute to the effective transmission and interpretation of information to preserve life and health of the ethnic community. The article analyzes the influence of ethnopsycholinguistic features of people on the translation, perception and preservation of information in the area under study. Knowledge is translated through the components of material and spiritual culture, which are semiotically loaded in accordance with the ideological foundations of the Mordvins. Material culture (housing, food, household utensils and clothing) is considered as an analog communication, where the elements are analyzed in terms of their semiotic content as a message. Spiritual culture in the context of the study is considered as a system of knowledge and beliefs. It influences the perception and interpretation of cultural codes of ethnomedicine. The author also regards terminology and folklore texts (in this case, Mordovian folk tales and incantations) as part of spiritual culture. The author concludes that in the cultural and communicative space of traditional medicine of the Mordvins, the differentiation of the role of material and spiritual culture is difficult due to the inseparable connection of their semantic meanings. The article analyzes: 1) the transformations of the cultural and communicative space of traditional medicine of the Mordvins that occurred under the influence of intercultural communication (interaction with neighboring ethnic groups); 2) popularization of traditional medicine through mass media; 3) special literature on ethnomedicine; 4) digital technologies as an information channel for the acquisition and popularization of cultural knowledge. Finally, the author concludes that modern sources of information and qualitative changes in material and spiritual culture in the direction of unification in accordance with modern socio-economic trends lead to the transformation of the cultural and communicative space of folk medicine.

Keywords: cultural and communicative space, material culture, spiritual culture, cultural transformation, cultural code, folk medicine, Mordvins, mentality, language.

Введение

Каждая область культуры обладает собственным культурно-коммуникативным пространством, которое представляет собой совокупность народных знаний, умений и коммуникативной практики и включает в себя ряд элементов, способствующих передаче и интерпретации культурных символов и кодов. Коммуникация предполагает передачу сообщения, обмен мыслями и информацией, т. е. общение коммуникантов. В этнической среде она основана на этнической и общекультурной составляющей, включающей элементы материальной и духовной культуры. При этом этнический компонент включает этнопсихолингвистические данные,

опирающиеся на менталитет и язык, традиции, характерные компоненты материально-вещного мира и духовных основ конкретного этнического сообщества. Одним из ключевых моментов единого восприятия информационного потока в области народной культуры является обеспечение преемственности поколений, которая, по мнению отечественного философа Д. В. Михеля, «превращает культурно доступное знание в знание личностное» (Михель 2010, 9) и позволяет применять это знание на практике в соответствующих сферах жизнедеятельности. Так, британский исследователь Б. К. Малиновский анализирует «инструментальный аппарат» культуры, позволяющий человеку справляться с проблемами при взаимодействии с природной

средой в процессе удовлетворения своих потребностей (Малиновский 1997, 683).

К области культуры можно отнести все сферы жизни человека. Английский этнолог и культуролог Э. Б. Тайлор рассматривает культуру как «комплекс, включающий знания, верования, искусство, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества» (Тайлор 1989, 18). Все эти аспекты являются компонентами коммуникативного пространства, включающего также процессы социального взаимодействия, выработанные и зафиксированные в этнокультуре мордвы, представляющие собой знаковые системы (язык, фольклорные тексты, традиции, обычаи, ритуальные акты и т. д.), обеспечивающие преемственность поколений и являющиеся основой общения в сфере народной медицины.

Народная медицина как культурно-коммуникативное пространство

В данной статье рассматривается такая область традиционной культуры этноса, как народная медицина. Она формирует собственное культурно-коммуникативное пространство, в рамках которого происходит накопление и транслирование народного опыта в области сохранения жизни и здоровья. Мордовская этномедицина, как и любая другая, создается за счет объектов материальной и духовной культуры, составляющих этнокультуру (Никонова, Кандрина, Щанкина 2010, 13). Опираясь на мнение русского философа А. С. Изгоева о культуре личности как об одном из компонентов культуры (Изгоев 1991, 369), можно сделать вывод о ее роли и в формировании и трансляции знаний. Менталитет как важный элемент личности становится одним из ключевых понятий культурно-коммуникативного пространства и оказывает значительное влияние на особенности восприятия, сохранения и передачи этномедицинской информации в конкретном этническом сообществе. От психологических особенностей этноса зависит также степень сохранности накопленных знаний и проникновения в эту область заимствований от соседних этносов и уровень сопротивляемости официальным нововведениям, вводимым на государственном уровне. Эти особенности финно-угорских народов, в том числе мордвы, в научной литературе описаны отечественным специалистом по этнопсихологии В. Г. Крысько, который подчеркивал простоту и добродушность в общении, ум, трудолюбие, рассудительность и чест-

ность этого народа (Крысько 2016, 188). Он отмечал, что мордва отличается постоянным и стабильным поведением, что может свидетельствовать о ее консервативности, выражающейся в области народной медицины в устойчивости веры в сверхъестественное происхождение ряда заболеваний, приверженности традиционным методам их лечения, веры в силу знахарей, костоправов, колдунов и др.

Материальная культура в культурно-коммуникативном пространстве народной медицины соотносится с ее утилитарным значением лишь частично, в качестве важного жизненного пространства мордвы, в коммуникативном же плане преимущественно выступает в качестве элемента, роль которого определяется семиотическим знаковым наполнением, продиктованным мировоззренческими постулатами конкретного этноса — мордвы. Так как материальная культура представляет собой искусственно сотворенный человеком предметный мир, называемый иногда «второй природой», направленный на удовлетворение «витальных» потребностей и включающий в первую очередь жилище, домашнюю утварь, пищу и одежду, она выступает в роли своеобразной арены для осуществления коммуникации в области жизнедеятельности мордвы наряду с первой природой — экологической средой. Экологические особенности среды обитания этноса воздействуют на его здоровье, возникновение и распространение болезней. У мордвы это подтверждал своими исследованиями этнограф В. И. Козлов (Козлов 1983, 12). Сам предметный мир рассматривается, в соответствии с теорией зарубежных ученых П. Вацлавика, Д. Бивин, Д. Джексона, в качестве аналоговой коммуникации, где суть сообщения соотносится с предметом, который его символизирует (Вацлавик, Бивин, Джексон 2000, 58). В традиционной культуре материально-вещественная составляющая несет в себе важную семиотическую нагрузку в ритуальной части, так как играет большую роль при осуществлении календарных и семейных обрядов, являясь частью коммуникативного пространства мордвы.

Вопросы коммуникативного пространства жилья касаются способов обустройства бытового пространства и ведения хозяйства, где большую роль играет обеспечение преемственности. Жилище мордвы представляло собой особое семиотическое пространство. Коммуникативная среда мордовской (мокшанской и эрзянской) народной медицины применительно к особенностям жилища также соотносится со смысловым наполнением самого понятия «жилье, дом». Традиционно жилье представля-

ется как личное пространство, противопоставленное «чужому» внешнему и опасному миру, способному причинить вред жизни и здоровью его обитателей. Границами этого пространства считаются двери, окна, дымоход и т. д. В данном случае на первый план выходит защита жилья от проникновения отрицательно настроенных людей или колдунов и иной негативной энергии путем оставления своеобразного невербального сообщения о том, что дом защищен: например, вывешивание ношенных лаптей перед входной дверью, установка метлы комлем вверх и др. (НА НИИГН И — 221/257 1955, 130). В настоящее время жилищные условия представителей мордовского этноса унифицированы в связи с изменением социально-экономической ситуации в государстве и в соответствии с современными нормами.

В культурно-коммуникативном пространстве народной медицины большое значение имеют и пищевые предпочтения мордвы, оказывающие влияние на ее здоровье. Еда является важным элементом культуры как в утилитарном плане, так и в обрядовом. В первом случае коммуникативная составляющая имеет значение при передаче традиционных рецептов от старшего поколения младшему. Так, до настоящего времени в семьях принято готовить традиционные пшеничные блины *пача* (м. (мокша)), *пачат* (э. (эрзя)), варить свекольный напиток *позу* (м.), *бозу* (э.) и т. д. Во втором случае обрядовая пища сама по себе является коммуникативным средством при обращении к высшим силам, своеобразной просьбой о выздоровлении и сохранении здоровья членов сообщества. Аналогичное значение имеют предметы домашней утвари. В народной медицине они обретают апотропеические свойства в соответствии со своими характеристиками: например, ножницы, иглы, топоры и т. д. являются материальным сообщением сверхъестественным силам о том, что человек защищен за счет остроты указанных предметов (Никонова 1995, 48). Так, нож или топор клали под кровать младенца для защиты его от колдуна. До настоящего времени в одежду жениху и невесте вкалывают иголки и булавки, защищая их от негативного влияния.

Важным коммуникативным пространством является национальная одежда. Элементы традиционного женского костюма сообщают о возрастном и семейном положении хозяйки, готовности женщины к продолжению рода. Так, ношение эрзянкой *пулая*, *пулагая* (сложное набедренное украшение, состоящее из широкого валика с длинной бахромой из черных или темно-синих нитей) свидетельствовало о со-

вершеннолетия девушки (Беляева 2001, 87); в бывшем Саранском уезде Пензенской губернии (ныне городской округ Саранск Республики Мордовия) о замужнем положении женщины сообщало ношение головного убора *панго*, представлявшего собой полуцилиндр высотой около 30 см, сужающийся кверху (Белицер 1973, 149). Сегодня знания о семантической роли традиционного костюма утрачиваются ввиду унификации одежды. Однако иногда женщины надевают традиционный костюм в исключительных случаях. Например, Т. И. Янгайкина пишет, что в настоящее время в с. Адашево Кадошкинского района Республики Мордовия молодые мокшанки наряжаются в костюмы своих бабушек на свадебные гуляния. В этом случае использование наряда играет коммуникативную роль с целью связи поколений, сохранения культурного кода предыдущего поколения (Куршева 2019, 17; Янгайкина 2013, 98).

В культурно-коммуникативном пространстве народной медицины разграничение роли материальной и духовной культуры затруднено ввиду неразрывной связи смыслового значения предметов первой в контексте второй. Духовная культура представляет собой область человеческой деятельности, охватывающую различные стороны духовной жизни человека и общества, систему знаний и мировоззренческих идей, присущих конкретному этническому сообществу. В сфере народной медицины мировоззрение и религиозные представления мордвы оказывали влияние на представления об источниках заболеваний. В контексте мифологической системы воззрений (на языческом этапе) виновниками болезней считались божественные существа — покровители природных стихий: например, Модава, покровительница земли, Ведава, покровительница воды, и др., недовольные предки. Соответственно с целью излечения к ним было направлено ритуально обставленное обращение. Ритуал представляет собой коммуникативный акт, являющийся органичным синтезом предметов материальной культуры и компонентов культуры духовной, и включает вербальную и невербальную составляющую.

Духовная культура обладает коммуникативным кодом, который транслируется через языковые средства (Чернов 2016), и представляет собой совокупность моделей коммуникативного поведения (Филиппова 2018, 42). Языковые средства воспроизведения информации в области народной медицины включают терминологическую базу, устные и письменные источники информации, такие как фольклорные произведения, содержащие медицинскую ин-

формацию, тексты заговоров, пословицы и поговорки данной тематики, современные источники информации, такие как литература, интернет-источники и др. Терминология этномедицины предоставляет информацию напрямую в качестве непосредственного источника. В мордовском языке (мокшанском и эрзянском) это наиболее ярко проявляется в названиях лекарственных растений — фитонимах, которые могут содержать их внешние характеристики (цвет, запах, размер, вкус), информировать коммуникантов о сфере применения (в качестве хозяйственного или лекарственного средства), аналогии с другими растениями, мифологических представлениях, характерных для локальной этнической культуры. Большая часть растений имеет целый ряд названий, представляющих собой совокупность всех коммуникативных кодов, объединенных одним предметом. Так, названия одного и того же растения в разных местностях могут информировать о различных его свойствах и субэтническом (эрзянском или мокшанском) взгляде на конкретное растительное средство и его использование. Рассмотрим это явление на примере растения чемерица в мордовских языках, имеющего более 3 вариантов названий: первый тип свидетельствует о форме цветка в виде звезды — *теште* (букв. звезда) (э.), *атя-теште* (букв. старик-звезда) (э.); второе основано на применении растения в быту — *куд ваны тише* (букв. дом + охранять + трава) (м.), *куд тише* (букв. дом + трава) (м.); третье основано на свойстве чемерицы как лекарства от заболеваний женской половой системы — *ава теште* (женская + трава) (э.).

Фольклорные формы выступают в роли вербального канала, служащего для трансляции ценностных ориентиров, народных знаний и др. Это наиболее присуще народным сказкам, пословицам, поговоркам, загадкам и др. В мордовских народных сказках содержится информация о применении лекарственных средств животного происхождения: например, об использовании молока и его производных рассказывается в сказке «Равжа тракс» («Черная корова»), где брат добывает медвежье (*офтонь лофца* (м.)) и львиное (*лефонь лофца* (м.)) молоко, чтобы вылечить сестру (Евсеев 1966, 141). Описание лекарственных свойств воды содержится во всех видах фольклорных произведений. В мокшанских и эрзянских сказках лечение происходит родниковой (в сказке «Вардыне» у Анюты вырастают кисти рук после ее воздействия) (Евсеев 1967, 271), «живой», «мертвой» и «свежай» водой (в сказках «Вирьбаба» («Лесная старуха»), «Оцяронь цера-богатырь» («Царевич-богатырь»

(Евсеев 1967, 66) и «Алешка ды Ванюшка» («Алешка и Ванюшка») оживляются и излечиваются главные герои) (Евсеев 1967, 241). Особый интерес представляют заговоры. Они выполняют функцию источника информации о лекарственных средствах, например о воде как о средстве для уничтожения негативных последствий сглаза и порчи, металлических предметах — для защиты от них, и непосредственного сообщения в риторическом варианте, не требующего вербального ответа в силу того, что он невозможен ввиду мифологичности реципиента (Трибушина 2018).

Трансформация культурно-коммуникативного пространства этномедицины мордвы

Культурно-коммуникативное пространство народной медицины мордвы, несмотря на видимую консервативность представителей этнического сообщества, подвержено трансформации в связи с кардинальной сменой изначальных базовых этнических данных ввиду изменения социально-экономических условий проживания, увеличения унифицирующей роли русской культуры, активного воздействия религиозных догм и др. Смена культурного кода с истинно этнического на общенародный происходит под влиянием внешних источников информации. Народная медицина в процессе формирования своего культурно-коммуникативного пространства подвергалась влиянию межкультурной коммуникации, так как данная область знаний является одной из наиболее подвижных и способных к диффузии в культуре этноса. Процесс заимствования народных знаний у соседних этносов, например, у русских, татар обусловлен территориальной близостью (проживание в одном природно-климатическом поясе, использование аналогичных природных ресурсов), языковым взаимодействием (русский язык — государственный язык для всех народов, проживающих на территории Российской Федерации, и основной язык общения, мордовский язык содержит большое количество заимствований из русского языка, особенно в этномедицинской области). С русскими соседями унифицирующими свойствами обладает религия (на сегодняшний день большинство представителей обоих этносов являются последователями православной церкви).

В настоящее время происходит качественное изменение специфики культурно-коммуникативного пространства народной медицины мордвы за счет фоновых изменений. О влиянии

коммуникативного пространства государства на санитарно-гигиеническую ситуацию у мордвы было отмечено выше. В целом же в коммуникативной сфере постепенно утрачивается значение старшего поколения как основного источника этномедицинской информации в связи с изменением социальных и экономических условий жизни. Так, миграция сельского населения в города и изменение условий проживания влияют на то, что опыт, накопленный с годами, не соответствует городским реалиям: например, отсутствие возможности заготавливать травы для приготовления лекарственных средств приводит к постепенной утрате этой части знаний. Это не влияет на употребление трав при осуществлении лечения, так как необходимое сырье приобретает в аптеке.

При расширении коммуникативного пространства этномедицины за счет появления в печати большого количества специальной литературы, транслирования в средствах массовой информации (периодическая печать, телевидение) соответствующей информации приводит, с одной стороны, к расширению народных знаний, с другой, к утрате собственно этнического компонента народной медицины, изменению культурного кода в сторону глобализации.

Широкое распространение данных из интернет-источников привело к проникновению в коммуникативное пространство народной медицины традиционных знаний из восточной медицины (индийской, тайской, китайской и др.), этномедицины народов России и др.

Заключение

Таким образом, культурно-коммуникативное пространство народной медицины мордвы рассматривается нами как довольно подвижная и трансформирующаяся коммуникативная система. Исторически коммуникативная среда выстраивалась и трансформировалась в соответствии с этапами развития мировоззрения мордовского сообщества. Проникновение в культурно-коммуникативное пространство народной медицины современных источников информации и качественное изменение компонентов материальной и духовной культуры в сторону унификации в соответствии с современными социально-экономическими тенденциями привело к трансформации культурного кода в этой области. В языковом эквиваленте изменение культурного кода приводит к частичной утрате смыслового наполнения.

Источники

- Евсеев, В. Я. (ред.). (1966) *Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3. Ч. 1: Мокшанские сказки.* Саранск: Мордовское книжное издательство, 383 с.
- Евсеев, В. Я. (ред.). (1967) *Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3. Ч. 2: Эзянские сказки.* Саранск: Мордовское книжное издательство, 382 с.
- Отчет о работе этнографической экспедиции 1955 года и этнографические карточки, составленные Макушиным и Глухой. (1955) *НА НИИГН. И — 221/257. Оп. 1.*

Литература

- Белицер, В. Н. (1973) *Народная одежда мордвы: Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3.* М.: Наука, 218 с.
- Беляева, Н. Ф. (2001) *Традиционное воспитание детей у мордвы.* Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, 260 с.
- Вацлавик, П., Бивин, Д. Б., Джексон, Д. Д. (2000) *Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия.* М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 320 с.
- Изгоев, А. С. (1991) Социализм, культура, большевизм. В кн.: А. А. Яковлев (ред.). *Вехи. Из глубины.* М.: Правда, с. 361–387.
- Козлов, В. И. (1983) Основные проблемы этнической экологии. *Советская этнография*, № 1, с. 3–16.
- Крысько, В. Г. (2016) *Этническая психология.* 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 359 с.
- Куршева, Г. А. (2019) Историческая память как основа сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эзянского) народа. *Центр и периферия*, № 3, с. 17–21.
- Малиновский, Б. К. (1997) Функциональный анализ. В кн.: С. Я. Левит (ред.). *Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры.* СПб.: Университетская книга, с. 681–703.
- Михель, Д. В. (2010) *Социальная антропология медицинских систем: медицинская антропология.* Саратов: Новый проект, 80 с.
- Новикова, Л. И. (1995) *Тайны мордовского целительства.* Саранск: Мордовское книжное издательство, 168 с.

- Никонова, Л. И., Кандрина, И. А., Щанкина, Л. Н. (2010) *Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект*. Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 528 с.
- Тайлор, Э. Б. (1989) *Первобытная культура*. М.: Политиздат, 573 с.
- Трибушинина, С. Д. (2018) *Народное врачевание как фактор этнической культуры мордвы: культурологическое измерение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии*. Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева, 198 с.
- Филиппова, О. В. (2018) Модели коммуникативного поведения в мордовских поговорках: лингвопрагматический и лингвокультурологический аспекты. *Финно-угорский мир*, т. 10, № 1, с. 41–51. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.041-051
- Чернов, А. В. (2016) Национально-языковые вопросы в контексте событий российской истории начала XX в. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*, № 1 (37), с. 19–27.
- Янгайкина, Т. И. (2013) «Вот бы замуж выйти, да мокшень панар не найти»; Мокшанский наряд: былое и настоящее. *Центр и периферия*, № 4, с. 92–99.

Sources

- Evseev, V. Ya. (ed.). (1966) *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 3. Ch. 1: Mokshanskije skazki [Oral and poetic creativity of the Mordovian people. Vol. 3. Pt 1: Folk tales of Moksha people]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 384 p. (In Russian)
- Evseev, V. Ya. (ed.). (1967) *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 3. Ch. 2: Erzyanskije skazki [Oral and poetic work of the Mordovian people. Vol. 3. Pt 2: Folk tales of Erzya people]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 384 p. (In Russian)
- Otchet o rabote etnograficheskoj ekspeditsii 1955 goda i etnograficheskie kartochki, sostavlennye Makushinym i Glukhovoju [Report on the work of the ethnographic expedition of 1955 and ethnographic cards compiled by Makushin and Glukhova]. (1955) *NA NIIGN [Research report of Research Institute of Humanities of the Mordovia Republic]*. No. 1 — 221/257. Inventory no. 1. (In Russian)

References

- Belitser, V. N. (1973) *Narodnaya odezhda mordvy: Trudy mordovskoj etnograficheskoj ekspeditsii [Mordovian folk clothes: Proceedings of the Mordovian ethnographic expedition]*. Vol. 3. Moscow: Nauka Publ., 218 p. (In Russian)
- Belyaeva, N. F. (2001) *Traditsionnoe vospitanie detej u mordvy [Mordovian traditional parenting]*. Saransk: Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evsev'ev Publ., 260 p. (In Russian)
- Chernov, A. V. (2016) Natsional'no-yazykovye voprosy v kontekste sobytij rossijskoj istorii nachala XX v. [National and linguistic issues in the context of events of Russian history in the early XX century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, no. 1 (37), pp. 19–27. (In Russian)
- Filippova, O. V. (2018) Modeli kommunikativnogo povedeniya v mordovskikh paremiyakh: lingvopragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty [Models of communicative conduct in Mordovian proverbs: Linguistic-pragmatic and linguistic-cultural aspects]. *Finno-ugorskij mir — Finno-Ugric World*, vol. 10, no. 1, pp. 41–51. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.041-051 (In Russian)
- Izgoev, A. S. (1991) Sotsializm, kul'tura, bol'shevizm [Socialism, culture, bolshevism]. In: A. A. Yakovlev (ed.). *Vekhi. Iz glubiny [Historical moment. From deep]*. Moscow: Pravda Publ., pp. 361–387 (In Russian)
- Kozlov, V. I. (1983) Osnovnye problemy etnicheskoj ekologii [The main problems of ethnic ecology]. *Sovetskaya etnografiya — Soviet Ethnography*, no. 1, pp. 3–16. (In Russian)
- Krys'ko, V. G. (2016) *Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic psychology]*. 10th ed. Moscow: Yurait Publ., 359 p. (In Russian)
- Kursheva, G. A. (2019) Istoricheskaya pamyat' kak osnova sokhraneniya kul'turnogo koda mordovskogo (mokshanskogo i erzyanskogo) naroda [Historical memory as a basis of cultural code of Mordovian (Moksha and Erzya) people preservation]. *Tsentr i periferiya — Center and Periphery*, no. 3, pp. 17–21. (In Russian)
- Malinowskij, B. K. (1997) Funktsional'nyj analiz [The Functional theory]. In: S. Ya. Levit (ed.). *Antologiya issledovanij kul'tury. T. 1. Interpretatsiya kul'tury [Anthology of culture research. Vol. 1. Interpretation of culture]*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 728 p. (In Russian)
- Mikhel', D. V. (2010) *Sotsial'naya antropologiya meditsinskikh sistem: meditsinskaya antropologiya [Social anthropology of medical systems: Medical anthropology]*. Saratov: Novyj proekt Publ., 80 p. (In Russian)
- Nikonova, L. I. (1995) *Tajny mordovskogo tselitel'stva [Secrets of Mordovian healing]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 168 p. (In Russian)
- Nikonova, L. I., Kandrina, I. A., Shchankina, L. N. (2010) *Traditsionnaya kul'tura sokhraneniya zdorov'ya narodov, prozhivayushchikh v Respublike Mordoviya: istoriko-etnograficheskiy aspekt [The traditional culture of preserving the health of peoples living in the Republic of Mordovia: Historical and ethnographic aspect]*. Penza: Nauchno-izdatel'skij tsentr "Sotsiosfera" Publ., 528 p. (In Russian)

- Tylor, E. B. (1989) *Primitive culture*. Moscow: Politizdat Publ., 573 p. (In Russian)
- Tribushinina, S. D. (2018) *Narodnoe vrachevanie kak faktor etnicheskoy kul'tury mordvy: kul'turologicheskoe izmerenie [Indigenous healing as a factor of Mordovian ethnic culture: Cultural dimension]*. PhD dissertation (Cultural studies). Saransk, Ogarev Mordovia State University, 198 p. (In Russian)
- Watzlawick, P., Beavin, J. B., Jackson, D. D. (2000) *Pragmatics of human communication: A study of interactional patterns, pathologies and paradoxes*. Moscow: Aprel'-Press Publ.: EKSMO-Press Publ., 320 p. (In Russian)
- Yangajkina, T. I. (2013) "Vot by zamuzh vyjti, da mokshen' panar ne najti"; Mokshanskij naryad: byloe i nastoyashchee ["I wish to get married, but can't find moksha panar". Moksha dress: The past and the present]. *Tsentri i periferiya*, no. 4, pp. 92–99. (In Russian)

Сведения об авторе

Светлана Дмитриевна Трибушина, e-mail: tribushinina85@mail.ru

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Author

Svetlana D. Tribushinina, e-mail: tribushinina85@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Senior Researcher, Research Institute of Humanities of the Mordovia Republic

Культура насилия в Колумбии? (К постановке проблемы)

А. И. Донченко^{✉1}

¹ Благовещенский государственный педагогический университет,
675000, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104

Для цитирования:

Донченко, А. И.
(2020) Культура насилия
в Колумбии? (К постановке
проблемы). *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 2, № 2, с. 147–160.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-147-160

Получена 16 марта 2020; прошла
рецензирование 29 апреля 2020;
принята 29 апреля 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. При объяснении феномена политического насилия исследователи обычно делают акцент на общественно-экономических факторах данного явления. По мнению автора, пример Колумбии показывает, что указанный феномен повсеместного характера насилия в данной стране может быть объяснен прежде всего в контексте социально-культурной предрасположенности к насилию. Автор пытается выявить структурные причины и условия, при которых возникает такая культура. Предпринята попытка определить понятие культуры насилия, характерные и типичные ее формы и проявления в современной Колумбии. В целях проведения эвристического анализа проблемы автор предлагает выделить три структурных индикатора культуры насилия, которые должны помочь охарактеризовать данную культуру. К ним относятся: 1) повсеместность распространения насилия; 2) множественность коллективных насильственных субъектов и их рутинный образ действий и 3) частота и легкость, с которой происходит переход от «простых», рационально понятных актов насилия к насильственным эксцессам, вопиющее несоответствие между жестокостью средств и скромностью преследуемых целей. Отдельно в статье анализируются проявления крайних форм насилия, под которыми подразумеваются убийства массовые и заказные. Автор статьи приходит к выводу о том, что колумбийское общество в целом терпимо относится к подобного рода проявлениям насилия потому, что, во-первых, уверено хотя бы в частичной виновности самих жертв, и, во-вторых, потому, что при появлении малейшей возможности достижения мирного компромисса готово идти на широкую амнистию и забвение преступлений. Далее автор кратко останавливается на основных подходах и работах современных исследователей, пытающихся разобраться в проблеме. В итоге автор приходит к выводу, что масштабное насилие в Колумбии не может быть объяснено без учета социокультурных факторов, имеющих место в стране, а перспективы изживания указанной культуры или ее трансформации в более гуманистическом направлении вряд ли возможны в ближайшее время.

Ключевые слова: культура насилия, «вертикальное» и «горизонтальное» насилие, Колумбия, массовое сознание, толерантность.

A culture of violence in Colombia? (A first-time overview)

A. I. Donchenko^{✉1}

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin Str., Blagoveshchensk 675000, Russia

For citation:

Donchenko, A. I.
(2020) A culture of violence
in Colombia? (A first-time
overview). *Journal of Integrative
Cultural Studies*, vol. 2, no. 2,
pp. 147–160.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-147-160

Received 16 March 2020;
reviewed 29 April 2020;
accepted 29 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. When explaining the phenomenon of political violence, researchers usually focus on the socio-economic factors of this phenomenon. According to the author, the evidence from Colombia shows that the reason for the widespread violence in the country lies, primarily, in the socio-cultural predisposition to violence. The author tries to identify structural causes and conditions under which such cultures emerge. The study attempts to define the concept of the culture of violence, its characteristic and typical forms and manifestations in modern Colombia. In order to conduct a heuristic analysis of the issue, the author proposes to identify three structural indicators of the culture of violence, which should help to characterize this phenomenon. They include: (1) the ubiquity of violence; (2) the multiplicity of collective violent actors and their routines; and (3) the frequency and ease with which the transition from “simple”, rationally understandable acts of violence to violent excesses occurs, and the glaring discrepancy between the brutality of the means and the modesty of the ends pursued. The article also analyzes the manifestations of extreme forms of violence, which include mass and contract killings. The author of the article concludes that the Colombian society as a whole tolerates this kind of violence because, firstly, it is confident in at least partial guilt of the victims themselves, and, secondly, because if there is the slightest possibility of reaching a peaceful compromise, it is ready to accept a wide amnesty and neglect of crimes. The author then briefly discusses the main approaches and works of modern researchers focusing on the same issue. As a result, the author concludes that large-scale violence in Colombia cannot be explained without taking into account the socio-cultural factors that take place in the country, and the prospects for the elimination of this culture or its transformation in a more humanistic direction are unlikely in the near future.

Keywords: culture of violence, “vertical” and “horizontal” violence, Colombia, mass consciousness, tolerance.

Предисловие

В современном мире Колумбия остается своего рода «заповедником массового и выборочного насилия». Помимо вялотекущей партизанской войны, которая длится вот уже более 60 лет, сюда добавляются настоящие войны между наркобаронами и иное криминальное насилие, государственные и негосударственные репрессии против политических, профсоюзных и общественных деятелей и пр. Надо отметить, что при обсуждении исходных причин этого насилия в большинстве случаев преобладают политико-экономические подходы. Перед читателями уже давно находятся интригующие фигуры главарей, которые без колебаний используют насилие в целях личного обогащения. Идет речь о «приватизации» насилия и появлении «рынков насилия», о «теневой глобализации»,

в которой видят главную движущую силу многих вооруженных конфликтов. Безусловно, никто не намеривается оспаривать оправданность всех этих утверждений. Конечно же, во всё более секуляризованном мире материальные мотивы социальных действий имеют всё более возрастающее значение, когда речь идет о применении насилия. И всё же остается вопрос, является ли стремление к экономической выгоде и власти само по себе достаточным объяснением феномена насилия.

Когда насильственные конфликты и преступления становятся постоянной характеристикой общества, есть много оснований предположить, что они укоренены в культуре этого общества. Для проверки этой гипотезы будет использован пример Колумбии. Есть по крайней мере две причины полагать, что Колумбия является подходящим испытательным случаем для доказательства существования культуры насилия.

Первая — это постоянно высокий уровень насилия в этой стране. Не в последнюю очередь благодаря активной политике безопасности, проводимой бывшим президентом страны Альваро Урибе, ежегодный уровень убийств с начала 1990-х годов заметно снизился и составил более 70 смертей на 100 000 жителей. Тем не менее он остается довольно высоким по международным меркам — более 50 смертей на 100 000 жителей (см., напр.: Sánchez, Alvarez 2004). Вторая причина выбора Колумбии состоит в том, что гипотеза о существовании культуры насилия и существование других, особенно материальных, мотивов для применения принуждения и насилия не обязательно являются взаимоисключающими. Все эксперты сходятся во мнении, что последний всплеск насилия в Колумбии, начавшийся в 1980-х годах, в значительной степени был связан с торговлей наркотиками (Richani 1997). Таким образом, можно утверждать, что если культура насилия может быть определена как дополнительный причинно-следственный фактор распространения насилия в Колумбии, где значимость экономических мотивов его распространения не вызывает сомнений, это будет серьезным основанием для утверждения о том, что такая культура насилия является важным фактором и в других насильственных конфликтах, где материальные интересы имеют меньшее значение.

Для получения достоверных результатов необходимо было бы провести сравнительный анализ опросов общественного мнения и провести обширный анализ колумбийских электронных СМИ, газет и журналов. Скажем честно, у автора нет ни времени, ни средств для этого. Поэтому то, что предлагается ниже, — это просто несколько предварительных идей и выводов, которые могут помочь начать разработку этой темы, которая до сих пор была мало исследована. При этом в дополнение к своим собственным наблюдениям и опыту он опирается на чтение некоторых работ (в основном колумбийских) исследователей, которые десятилетиями занимались проблемой насилия в Колумбии и поэтому гораздо лучше знакомы с основополагающими нормами, табу и невысказанными предположениями, чем это возможно для «стороннего» наблюдателя.

Когда мы говорим о культуре насилия в некоей стране, мы должны прежде всего прояснить, что мы подразумеваем под этим термином. Поэтому данная статья начинается с рассмотрения вопроса о том, можно ли и как можно определить концепцию «культуры насилия в обществе».

Далее следует исследование некоторых эмпирических данных, свидетельствующих о том, что элементы культуры насилия действительно существуют в Колумбии.

Наконец, более подробно рассматриваются две крайние формы насилия — массовые убийства и убийства по найму. За этим следует попытка выявить некоторые структурные условия, в результате которых возникает культура насилия. Краткий комментарий, оценивающий важность культурных факторов в контексте других факторов, объясняющих насилие, завершает данную статью.

Краткий вывод заключается в том, что, хотя культура насилия играет важную роль в качестве основополагающего условия для наблюдаемых в настоящее время проявлений насилия, она также является феноменом, который сам по себе зависит от исторических и социальных факторов.

О понятии «культура насилия»

Грубо говоря, мы можем использовать относительно широкое понятие «культура насилия» или такое, которое сводится к его основному содержанию. В более широком смысле культура насилия включает в себя все социокультурные структуры и символы, которые связаны с насилием, порождаются им и увековечивают его.

Очевидно, что в такой стране, как Колумбия, с историей гражданских войн и насилия, которая насчитывает примерно 150 лет, почти каждый аспект существования людей был так или иначе затронут им. Это основная идея исследования Даниэля Пеко, который утверждает, что насилие породила своеобразная колумбийская Система Порядка (Pécaut 1987). В дополнение к многочисленным незаконным насильственным акторам, противодействующим в сфере законности силам государственной безопасности и легальным частным охранным службам, эта Система включает в себя весьма сложную сеть коалиций и конфронтации между этими субъектами, наряду с бесконечными переговорами о пактах и компромиссах (часто только ограниченной продолжительности с самого начала или позже нарушаемой). Она также включает в себя рыночный порядок, искаженный давлением и принуждением, и правовую систему, лишенную ее принудительного исполнения.

Д. Пеко говорит о том, что насилие и принуждение теперь являются фиксированными компонентами социального и политического механизма Колумбии и больше не могут быть просто так удалены из него (Pécaut 2001, 91). Это означает, что наряду со всеми социальными

подсистемами насилия постоянно воспроизводятся в стране.

Такое широкое понимание концепции культуры насилия не очень продуктивно, поскольку в основном сводится к тривиальному утверждению о том, что насилие и принуждение, будучи постоянно используемыми средствами, создали собственную социальную и институциональную среду, которая и дальше поддерживает их существование. Более интересным и менее тавтологичным представляется вопрос о том, способствуют ли сохранению насилия специфические факторы коллективного сознания, такие как определенные представления о ценностях и нормах, общее представление о том, что является желательным, ценным и нормативно приемлемым. При этом принимаются во внимание преобладающие представления о ценностях и нормах, с одной стороны, и общепринятые привычные способы поведения, которые они порождают, с другой. Если мы сосредоточимся на проблеме таким образом, то нам сразу же придется добавить два кратких объяснения, которые помогут нам прийти к более реалистичному выводу.

Прежде всего, «субкультуры насилия» должны быть отделены от общепринятой культуры насилия в обществе. Насильственные субкультуры, которые отходят от господствующего в обществе консенсуса в отношении норм и ценностей, существуют во всем мире. Особое развитие они получили (и, соответственно, привлекли внимание исследователей) в современных индустриальных обществах, таких как Соединенные Штаты (см., напр.: Albrecht 2003; Kühnel 2003). Эти субкультуры, как правило, ограничены определенными районами городов и встречаются среди подростков из бедных слоев населения, страт с ограниченными возможностями социального развития и успеха. Это приводит их к принятию позиции сопротивления и протеста против общества в целом и особенно против средних и высших классов. Быстрое, спонтанное обращение к насилию как средству принуждения в этих субкультурных образованиях не в последнюю очередь является выражением этого протеста и дистанцирования от сложившегося общества. Такой подход предполагает существование в основном обширного ненасильственного пространства, в котором и происходит образование «субкультур» насилия, никоим образом не являющихся репрезентативными для общества в целом.

Однако принципиально иное дело — выдвинуть гипотезу о том, что в обществе в целом существует широкое признание насильственных

методов разрешения конфликтов. В отличие от субкультур, ориентированных на насилие, в которых ссылки на принуждение и насилие часто создают чувство идентичности, современные общества как субъекты практически никогда не придерживаются базовых взглядов, которые оправдывали бы насилие или поощряли его.

На это есть две причины. Во-первых, в современных странах предполагается, что государство обладает монополией на применение насилия. Если на самом деле государство не смогло монополизировать насилие, это обстоятельство преуменьшается и представляется как временное положение дел, которое можно разрешить в будущем. В этой идее содержится небезосновательное утверждение о том, что для современных обществ, основанных на разделении властей и функций, произвольное применение насилия индивидами или организованными группами есть только маргинальное явление, с которым общество рано или поздно справится. Если «война всех против всех» в гоббсовском смысле этого слова была препятствием для функционирования уже даже первобытных обществ, то в дальнейшем последовательная реализация этого принципа поставила бы развитые общества на грань краха.

Вторая причина, по которой политические и социальные представители современных обществ будут неохотно признавать, что бесконтрольное применение насилия гражданами является в их странах нормой, связана с действующими международными правилами политкорректности. НПО, которые специализируются на мониторинге случаев нарушений прав человека, теперь взяли на себя функцию своего рода международного «сторожевого пса» и механизма контроля. В этих обстоятельствах, если представители или средства массовой информации той или иной страны будут слишком часто говорить о насилии как обычном средстве принуждения, это будет равносильно самоубийству данной нации. Их откровенность будет наказана, а страна, о которой идет речь, и ее представители будут заклеены позором и отодвинуты на задворки международного сообщества.

Мы же говорим о том, что в отличие от насильственных субкультур, где насильственные практики не принимаются обществом в целом, в том случае, если общество их поощряет, мы не должны ожидать какого-либо открытого признания или прямого оправдания таких практик. Вместо этого, чтобы отследить такие паттерны принятия или нормативно одобренную

склонность к применению насилия, нам придется искать косвенные или скрытые признаки. Зачастую факты насилия красноречиво говорят сами за себя. Чтобы выяснить, как они поддерживаются и укореняются в культуре, мы настоятельно рекомендуем обращать меньше внимания на утверждения, которые непосредственно относятся к принуждению и насилию, а больше — на изучение концептуальных и идеологических установок, в которых они совершаются.

Существует общий социологический аргумент, поддерживающий этот более опосредованный подход. Исследователи социологических систем довольно рано осознали, что основные ценностные основания функционирования общества и нормотворческие ориентации отнюдь не подчеркиваются постоянно. Скорее, они имеют тенденцию упоминаться мимоходом именно потому, что они выглядят как бесспорные истины. Неслучайно Толкотт Парсонс, самый известный теоретик систем 1950-х и 1960-х годов, описал стратегию поддержания социальной ценностной базы как «латентное поддержание паттерна» (Parsons 1951, 26). Он имел в виду, что ценности оказывают наибольшее влияние, если они остаются скрытыми и принимаются безоговорочно и негласно. Если они обсуждаются или прямо утверждаются и признаются в обществе, то, как правило, это не является доказательством того, что общество остро осознает свои ценности, а скорее свидетельствует о неуверенности и кризисе ценностей.

Что же касается проблемы культуры насилия в колумбийском обществе в целом, то, вероятно, было бы бесполезно искать ясные, позитивные доказательства существования в нем осознанного консенсуса о возможности и допустимости прибегать к насилию с какой бы то ни было целью. В лучшем случае можно ожидать молчаливой терпимости к принудительным методам. Еще раз подчеркнем, что косвенные показатели, касающиеся темы насилия, могут быть не менее полезными, чем показатели, непосредственно относящиеся к насилию.

Индикаторы культуры насилия

Мы можем выделить три типа индикаторов, которые указывают на культуру насилия. Это структурные индикаторы, вытекающие из характера насилия в Колумбии (частота, интенсивность и т. д.); психические индикаторы, свидетельствующие о наличии широко распространенной склонности к насилию; наконец,

отсутствие табу и запретительных правил, ограничивающих применение насилия.

Среди структурных факторов, касающихся самого насилия, мы должны, прежде всего, упомянуть его повсеместное распространение в указанной стране. Вряд ли найдется хоть одна сфера общественной жизни, географический район или группа, которая была бы избавлена от него на более или менее длительный период. Будь то город или отдаленные сельские районы, социальная микросфера семьи или макросфера политики, низший, средний или высший класс, судебная система или любой бизнес-сектор, насилие царит повсюду. Конечно, это происходит в разных эскалационных последовательностях и формах. Однако было бы неверно делать вывод о том, что различные формы насилия основаны на различных причинно-следственных связях. Наоборот, если люди прибегают к физическому принуждению во всех мыслимых сферах жизни для достижения всех возможных целей, то очевидным выводом является то, что они должны иметь общую предрасположенность, которая порождает этот стандартный подход. И разве возникла бы такая всепроникающая глубинная предрасположенность, если бы она не была обусловлена поведенческими паттернами, которые в конечном счете определяются существующей культурой?¹

Есть еще одно обстоятельство, которое говорит о том, что, действительно, существует склонность к насилию, которая социокультурно закреплена в самом широком смысле этого слова, — это множественность коллективных насильственных субъектов и их рутинный образ действий. Конечно, можно встретить группы, которые узурпируют закон и убивают людей по своему желанию и в других латиноамериканских странах. Но поразительным в Колумбии является то, что множество организаций и группировок действуют вне закона и используют принуждение и насилие для достижения своих целей: «...в Колумбии примечательна необычайная пестрота насилия» (Sánchez 2001, 10). При этом они, как правило, действуют весьма хладнокровно и профессионально. Этот профессионализм отчасти является результатом взаимного подражания и процесса обучения. В любом случае развитие широкого спектра методов насилия, основанных на личном опыте или заимствованных у других, предполагает социокультурную среду, которая не стигматизирует

¹ Единственной альтернативой такому подходу была бы антропологическая гипотеза о том, что колумбиец имеет некую врожденную склонность к насилию, что, наверное, надо признать совершенно ненаучным взглядом на вещи.

несанкционированное применение насилия, но принимает его как один из нескольких способов достижения уважения и успеха.

В качестве важнейшего структурного показателя вероятного существования культуры насилия следует отметить частоту и легкость, с которой в стране происходит переход от «простых», рационально понятных актов насилия к насильственным эксцессам. Крайние формы насилия и их социокультурное значение рассматриваются в отдельном разделе ниже. Здесь достаточно будет заметить, что вопиющее несоответствие между жестокостью средств и скромностью преследуемых целей, наряду с пытками, увечьями трупов и т. п., является отнюдь не исключительным делом в этой стране, а повседневным феноменом. Такие эксцессы, которые в отдельных случаях могут перерасти в оргии насилия, возможны только в обществах, в которых табу, ограничение несанкционированного применения насилия не только было нарушено, но в некоторых социальных группах и секторах было практически устранено и заменено культом уничтожения врага.

Уничтожение врага — это сигнал для перехода ко второму комплексу индикаторов, способу закрепления в коллективном сознании паттернов мышления и эмоциональных концепций, способствующих насилию: прежде всего дихотомии «друг — враг», которая занимает центральное место в колумбийском мире во всех социальных слоях.

Первоначально связанное с соперничеством между двумя традиционными политическими партиями, консерваторами и либералами, мышление в терминах «друг — враг» стало ныне само собой разумеющимся и пронизывает весь социальный дискурс на всех социальных уровнях. Нет ни одного городского округа, района или деревни, где не было бы зачатой вражды между двумя или тремя главными действующими субъектами, будь то отдельные лица, семейные кланы или организованные группы, которые формируют жизнь общества и вынуждают остальных действующих лиц принимать чью-либо сторону и подчиняться. Даже в новых поселениях, основанных внутренними беженцами вдали от главных очагов гражданской войны, почти автоматически воспроизводится прежняя схема разделения, что в скором времени приводит к конфронтации. Например, разные районы на окраинах Боготы представляют собой микрокосм, который точно отражает конфликтную ситуацию, характерную для всей страны.

По словам Гонсало Санчеса, в Колумбии существует историческая преемственность, в которой культивируется вражда, и постоянно ведутся войны, и этого самого по себе достаточно для утверждения культуры насилия. Массовые убийства, похищения, распространение списков жертв до совершения фактического акта насилия, а также ключевая роль, которую играют информаторы, — это не новые явления, порожденные самой последней волной насилия, а модели поведения и ролевые модели, которые можно проследить в далеком колумбийском прошлом. И что примечательно, так это то, что всё это почти без изменений пережило переход от преимущественно сельской к высоко урбанизированной общественной структуре и связанную с этим радикальную трансформацию ценностей от глубоко религиозного в прошлом к в значительной степени секуляризованному ныне обществу. Это может быть объяснено только тем, что данные модели глубоко запечатлены в культурной памяти колумбийцев (Sánchez 2003).

Модель «друг — враг» как образец восприятия часто перекрывается квазиморальным дискурсом о чести и необходимости отомстить по принципу «око за око». «Многие молодые люди не могут забыть, что они потеряли своих отцов в результате произвольного акта насилия. Даже если они не знают убийц, воспоминание об этом преступлении хранится в их памяти и наполняет их тупой, бесцельной ненавистью, которая может выплеснуться наугад. Убийство кого-либо из-за оскорбления чести считается не только законным, но и необходимым в некоторых группах и кругах, если человек хочет избежать угрозы потери своей репутации» (Uribe 1992, 54).

Еще одним следствием разделения социального окружения на друзей и врагов является тенденция быть нетерпимым, мыслить категориями «черного» и «белого», презирать нюансы и компромиссы. С одной стороны, это побуждает людей искать решение проблем в прямой конфронтации с оппонентом, то есть отказываться от внешнего посредничества, будь то арбитр или суд. С другой стороны, это бросает сомнительный свет на всех тех, кто не может или не хочет однозначно встать на сторону той или иной партии.

Как однажды сказал бандит, у которого брала интервью В. Урибе: «Я хотел бы иметь два сердца, одно — для хороших людей, а другое — для плохих». На вопрос о том, кто же такие «плохие», он ответил: «Те, кто не преследует своих врагов. Они опасные предатели»

(Uribe 1992, 25). Предатель, предполагаемый или фактический информатор («саро», шпик) и коллаборационист — это устоявшиеся фигуры в сфере коллективного воображения, и они непосредственно связаны с жесткой оппозицией «друг — враг». Зловещий аспект социальных процессов навешивания ярлыков, порождаемых этими фигурами, заключается в том, что они протекают в значительной степени неконтролируемым и произвольным образом, так что любой посторонний человек рискует получить один из этих ярлыков, который может стоить ему или ей жизни.

Другой тип поведения, способствующий произвольному применению насилия, — это широко распространенный в Колумбии культ мачо, с которым тесно связана терпимость к безжалостному индивидуализму, не допускающему никаких исключений в мерах принуждения. Урибе лично наблюдала это удивительное почтение к властному, жестокому, особенно характерное для сельских районов, когда посещала кладбища на юге Колумбии. Она обнаружила, что особое почтение там оказывают людям, которые при жизни приобрели репутацию жестоких мясников и бесчеловечных существ (Uribe 2004). Кстати, в исследованиях, посвященных эпохе «виоленсии», также отмечается, что главари банд и партизан, совершавшие неоднократные убийства, не только внушали страх и ужас крестьянам, но и вызывали восхищение у местных жителей (Sánchez, Meertens 1983).

Современная версия самоуверенного мачо, который не выказывает никаких угрызений совести, когда прокладывает себе путь наверх, — это пронырливые бизнесмены или кто-то вроде Пабло Эскобара, который вышел из самых низов и преуспел до такой степени, что стал главой известного (печально известного) наркокартеля и обрел популярность среди широкой публики не в последнюю очередь благодаря своим щедрым жертвованиям. В конце концов, его судьба была предопределена не столько масштабами применяемого им насилия, что, конечно, вело к многочисленным человеческим жертвам, сколько тем фактом, что у него появились непомерные амбиции, и он планировал завершить свою, по сути, криминальную карьеру, легально баллотировавшись в парламент.

В целом при чтении соответствующей литературы в поисках мотивов и установок, стимулирующих насилие, создается впечатление, что широкие слои колумбийского общества мало заботятся и о жизни, и о смерти: «...lo que menos cuenta, desde luego, es la vida...» («вот уж что

ценится менее всего, так это жизнь») (Uribe 1992, 94). Существует множество свидетельств того, что люди очень мало ценят жизнь других (а иногда и свою собственную). Возьмем, к примеру, небольшие суммы, за которые наемные убийцы готовы убить любого чужака, частые массовые убийства, похищения, нередко заканчивающиеся смертью похищенного, и т. п. Тот факт, что убийство является наиболее распространенной причиной смерти среди молодых людей Колумбии в возрасте от 15 до 35 лет, говорит о многом. Однако это пренебрежение к жизни определенным образом распространяется и на смерть. Только этим можно объяснить, почему в период «виоленсии» увечья и осквернения трупов не были чем-то необычным или почему после массовых убийств мертвых часто оставляли лежать на земле или хоронили наспех в яме, то есть без какого-либо погребального обряда. Сегодня, когда наемным убийцам известно, что после их смерти не должно быть ни плача, ни похоронной службы, но что их друзья и родственники должны отметить это событие, устроив вечеринку с музыкой, танцами и алкоголем, это также отражает банализацию смерти (Prieto Osorno 1993).

Еще одним фактором, способствующим распространению культуры насилия, является отсутствие ограничительных табу и неформальных санкций против несанкционированного применения насилия. Этот порок проявляется в Колумбии в том, как трактуется тема насилия, как в целом в общественных дискуссиях, так и по отношению к конкретным индивидуумам.

Во-первых, что касается общей дискуссии в обществе и особенно в средствах массовой информации, бросается в глаза отсутствие систематических усилий по критике и делегитимизации незаконного применения насилия. Наверное, это можно объяснить реакцией усталости на бесконечную череду ограблений, похищений и убийств, и это может отражать также определенную покорность неизбежному. Так или иначе, фактом является то, что средства массовой информации принимают критический тон только в исключительных случаях, при совершении особо жестоких или зрелищных актов насилия. Они уделяют больше внимания описанию конфликта, чем самому применению насилия. Они предостерегают от возможной дальнейшей эскалации и поляризации, говорят о возросшей готовности к переговорам и компромиссам со всех сторон и выражают общее стремление к миру, призывая к прекращению военных действий. Однако они вряд ли подвергают сомнению применение насилия как

такового, которое является способом, которым решается конфликт.

Соответственно, отсюда проистекают два следствия. Поскольку об актах насилия сообщается только обычным тоном, не проводится никакого публичного обсуждения того, в какой степени они могут считаться справедливыми или несправедливыми, смелыми или трусливыми, законными или незаконными. Соблюдались ли определенные минимальные правила ведения боевых действий, было ли насилие направлено против невиновных людей или участников конфликта, нападали ли на людей открыто или стреляли в спину — всё это, похоже, никому не интересно (Sánchez 2003). Единственное, что имеет значение, — это исход сражения: кто победил, кто является победителем в зоне, кто должен ее освободить...

Второе следствие состоит в том, что сосредоточение внимания на переговорах и возможном мирном соглашении приводит к тому, что прошлые несправедливости в значительной степени замалчиваются и преуменьшаются (Sánchez 2003). Так или иначе, эскалация незаконных актов насилия и быстрое их забвение — это две стороны одной медали. Там, где вся надежда направлена на скорейшее прекращение насильственного конфликта, остается мало места для пересмотра, анализа и искупления прошлых преступлений. Естественно, отказ от карательного правосудия сопряжен с риском того, что некоторое время спустя жестокое чудовище, которое было убаюкано мирным соглашением, но ни в коем случае не лишено своих смертоносных когтей, пробудится и начнет действовать вновь.

Эти общие замечания также в значительной степени применимы и к тому, как карьера отдельных участников насилия рассматривается с точки зрения широкой общественности. В этом случае в общественном мнении Колумбии тоже важен прежде всего результат, очевидный успех, а не путь, сомнительные средства, которые привели к нему. То, что кто-то заказал или совершил убийство, вовсе необязательно оказывается помехой для карьеры в политике или в какой-то иной сфере. Правда, уголовное законодательство Колумбии, конечно же, гласит, что убийство должно быть наказано, но судебная власть страны коррумпирована. Даже в том маловероятном случае, если приговор и будет вынесен, высока вероятность того, что все закончится помилованием (Rubio 1999).

Поэтому наши рассуждения на данный момент можно резюмировать следующим образом: несанкционированное применение насилия

в Колумбии не побуждает ни к выяснению истины, ни к осуждению со стороны общественности. В принципе, никакого публичного дискурса о насилии в стране нет. Люди, как правило, знают о нем, прежде всего потому, что оно совершается постоянно и нередко в чрезмерных формах. Это, в свою очередь, возможно только благодаря широко распространенной молчаливой терпимости и принятию самого факта использования физической силы для решения частных и общественных проблем — ситуация, которую, вне всякого сомнения, можно описать как культуру насилия. Она основана на ментальных стереотипах и моделях, которые стимулируют агрессию и несанкционированное принуждение, с одной стороны, и на отсутствии табу и неформальных норм, которые препятствуют или ограничивают насилие, с другой.

Крайние формы проявления насилия: массовые убийства и заказные убийства

Эти две формы насилия отличаются друг от друга по своему исполнению и целям, которым они служат. Массовые убийства сеют ужас и являются формой демонстрации силы, в то время как заказные убийства предлагают насилие в качестве услуги на продажу. Однако, как станет видно далее, они имеют и ряд общих черт, наиболее важной из которых является та, что они представляют собой крайние формы. Они были выбраны, исходя из предположения, что крайности и эксцессы определенно сообщают нечто о нормальном бытовании соответствующих обществ и установках среднего гражданина². Далее дается краткое описание каждой из этих двух форм насилия, а затем анализируются их общие структурные особенности и их значение в более широком социальном контексте.

Акты насилия, в результате которых погибают более 4 человек, называются массовыми убийствами (см. подробнее: Uribe, Vásquez 1995; Uribe 1992; 2004). Погибшие могут быть семьей,

² Можно выдвинуть три аргумента в обосновании этой гипотезы. Во-первых, те, кто совершает эксцессы, не являются социальными девиантами, а представляют средний тип, по крайней мере в определенных социальных группах и классах. Во-вторых, они действуют не изолированно, а, как мы увидим, встроены в более широкий контекст социального планирования и организации. И, в-третьих, относительно спокойная реакция широкой общественности на преступления позволяет им считать такое поведение и образ жизни если и не одобренными, то, по крайней мере, в конечном счете вполне приемлемыми.

молодежной группой или даже целой деревней. Иногда число жертв может достигать нескольких сотен. Во времена «виоленсии» Колумбия уже была ареной многочисленных массовых убийств, совершенных самыми разными группами. Эта ужасающая практика была возрождена и в ходе последней волны насилия. В частности, ультраправые военизированные формирования имеют прочную репутацию главных сеятелей страха и террора посредством выборочных убийств. Урибе насчитала в общей сложности 1230 массовых убийств в период с 1980 по 1998 год. Она проводит различие между массовыми убийствами с экономическими, социальными и политическими целями. Но независимо от конкретной цели факт остается фактом: массовые убийства — это, прежде всего, крайняя демонстрация силы посредством насилия.

Массовые убийства часто происходят по единому сценарию (Uribe 2004). Они не обрушиваются на ничего не подозревающих жертв ни с того ни с сего, но объявляют о себе или объявляются через смутные слухи, угрозы и предупреждения заранее. Коллективный акт насилия часто происходит вечером, когда жители фермы, нескольких домов или деревни пребывают за ужином или когда занимаются какой-либо общественной деятельностью. Нередко нападающие носят униформу, и они всегда хорошо вооружены. В сельской местности целевая группа домов зачастую окружается таким образом, чтобы никто не смог убежать. Затем всех жильцов выводят на центральную площадь и зачитывают список имен, предоставленный информаторами. Обвиняемых, как правило мужчин, выделяют и уводят в другое место. Выстрелы и крики сигнализируют оставшимся жителям деревни о том, что этих людей убивают. Когда нападавшие скрываются, а оставшиеся в живых добираются до места совершения убийства, их ждет груда безжизненных, часто сильно изуродованных трупов. В отдаленных и изолированных поселениях могут пройти дни, прежде чем соседи заметят, что произошло массовое убийство.

В дополнение к этому «обычному» шаблону существуют варианты, предполагающие еще большую жестокость. Иногда убийцы не торопятся и мучают жертвы, прежде чем убить их. Хотя женщин и детей обычно щадят, есть случаи изнасилования женщин и убийства детей, чтобы предотвратить возможность мести (когда последние вырастут). Во времена «виоленсии» было принято резать мертвых на куски, как за-

битых животных, или калечить и уродовать их квазиритуальным способом (Uribe 2004).

С другой стороны, насилие наемных убийц обычно принимает форму убийств отдельных лиц, а не крупномасштабной бойни. В городах на жертвы, как правило, нападают с огнестрельным оружием с заднего сидения мотоцикла (более подробно об этом см.: Prieto Osorno 1993; Sánchez 2001). Убийца, сидящий позади водителя, целится в голову жертвы, потому что он может быть уверен в получении заработанных денег только в том случае, если жертва умрет мгновенно. Наемные убийцы — это, как правило, молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет, работающие в группах и специализирующиеся на заказных убийствах. Институт заказных убийств возник в Медельине, но теперь он распространен в большинстве колумбийских городов. Однако банды молодых людей, которые занимаются этим криминальным бизнесом, являются лишь инструментами в руках людей, находящихся за кулисами, которые организуют и координируют все их действия. Это могут быть отдельные лица, но зачастую за нападениями стоят агентства. Агентства эти — которые маскируются в большей или меньшей степени в зависимости от их места расположения и социальной принадлежности — действуют как посредники между «клиентами» и исполнителями, которые выполняют их смертоносные желания. Они заключают договор об убийстве, устанавливают плату (обычно заранее) в соответствии с ожидаемыми трудностями (например, если кто-то находится под усиленной охраной) и определяют среди банд конкретных молодых убийц, кто лучше всего подходит для совершения данного преступления. Каждый наемный убийца мечтает быть нанятым для «серьезного дела», которое позволило бы ему и его семье жить без особых забот о будущем. Однако его жалование составляет лишь малую толику от суммы, уплаченной за заказное убийство. Львиная доля достается посредникам и людям за кулисами, которые готовят данное убийство и обеспечивают его беспрепятственное исполнение. Хотя наемные убийцы готовы совершить любой насильственный акт за деньги, их и формируемую ими субкультуру нельзя назвать сугубо меркантильной в узком смысле этого слова. Эта субкультура включает в себя свой собственный язык, любовь к определенным видам кино и рок-музыки, танцы, потребление наркотиков, черный юмор и ярко выраженный мачизм, включающий в себя культ оружия и мотоциклов. Наемные убийцы не отвергают идею преданности и семейные связи. Они по-

читают Деву Марию и часто боготворят своих собственных матерей. Они также заводят верных друзей. Их жизненная философия сочетает в себе гедонизм с абсолютным бесстрашием в любой его форме.

Хотя массовые и заказные убийства могут сильно различаться по своему исполнению и целям, они имеют несколько общих определяющих черт: 1) и то, и другое — это организованные мероприятия, предполагающие высокую степень планирования, подготовки и координирования действий. Инициативы отдельного человека или горстки людей обычно недостаточно. Скорее, для проведения операций такого рода требуется сотрудничество более крупной группы, команды; 2) это также отражается на хладнокровии и профессионализме, с которыми совершаются убийства жертв. Мольбы о пощаде или милосердии остаются без ответа. В лучшем случае они вызывают презрительное непонимание. Это указывает на то, что действительному акту убийства предшествует мысленная дегуманизация жертв, которые до того, как их убьют, уже не считаются людьми (см.: Uribe 2004. Автор особо подчеркивает этот момент).

Таким образом, преступники и стоящие за ними люди пренебрегают всеми гуманитарными критериями современного общества. Они живут в своего рода замкнутом мире, который отказался от общепринятых ценностей цивилизованного мира, фундаментальную основу которых составляет уважение к физической целостности другого, сострадание и элементарная социальная солидарность. Пренебрежение к жизни других людей также отражается в структуре актов насилия, переживаемых жертвами. Особенно бросается в глаза одна особенность: средства зачастую явно несоразмерны целям. Это очень хорошо видно на примере массовых убийств, когда одного лишь подозрения в том, что какая-то социальная группа или деревня сотрудничает с противоборствующей стороной, достаточно, чтобы без разбора расстрелять всех жителей того или иного населенного пункта. В случае с заказными убийствами диспропорция основана на том факте, что человеческая жизнь стала просто товаром. И у каждой своя цена. Возможность купить смерть любого человека значительно расширила круг потенциальных инициаторов насилия. Если кто-то хочет убить другого человека, ему не нужно преодолевать запреты, которые мешают большинству людей совершать акты насилия самостоятельно. Он или она просто должны нанять обычного убийцу, который даже не требует объяснения мотива для убийства.

Как массовые убийства, так и создание агентств по убийствам являются крайними случаями применения насилия в конкретных целях, в первом случае для демонстрации и утверждения власти, во втором — для получения материальной выгоды. Однако в то же самое время они превосходят эти цели, подрывая их в процессе исполнения. Какой урок должно извлечь население департамента или региона, когда целые деревни уничтожаются под предлогом сотрудничества с одной из воюющих сторон? И какова подходящая цена за акт насилия, направленного на то, чтобы застрелить ничего не подозревающего человека на улице? Во многих случаях насилие явно отделяется от своей цели и становится самоцелью. Массовые убийства по большей части являются кровавыми ритуальными жертвоприношениями без какой-либо последующей символической выгоды, посредством которых убийцы прославляют себя и свои злодеяния. То же самое и в случае с вечеринками, которые банда наемных убийц проводит, дабы отметить завершение «успешного дела». Здесь тоже только поверхностное почитание жизни и ее удовольствий, в то время как основной лейтмотив — культ смерти и смутное осознание собственной смертности.

Последняя общая черта массовых убийств и заказных убийств, оплачиваемых по контракту, — это возраст исполнителей. В обоих случаях убийцы — это в основном молодые люди из низших слоев общества в возрасте от 15 до 35, которым трудно найти постоянную работу или которые просто предпочитают зарабатывать на жизнь насилием. Однако эту общую черту не следует переоценивать. Ведь молодые люди в каждом конкретном случае являются лишь последним звеном в цепи посредников и спонсоров, некоторые из которых принадлежат к совершенно разным социальным слоям. Организованный характер обеих крайних форм насилия означает, что каждая из них интегрирована в обширные социальные сети. Поэтому недостаточно привлечь к ответственности «ополченцев» и наемных убийц, которые фактически выполняют насильственную работу, прежде всего, за бесчеловечные акты насилия. Они являются лишь наиболее заметными представителями множества различных групп и организаций, которые поддерживают, прикрывают, а в некоторых случаях и финансируют эти практики, поскольку получают от них ту или иную выгоду. Гораздо более трудный вопрос заключается в том, одобряет ли, и в какой степени, широкая общественность — люди с улицы и средства массовой информации — эти чрез-

мерные формы насилия. Почему нет публично-го разоблачения агентств по убийствам, когда местонахождение их штаб-квартир общеизвестно? Почему попытки полувоенных формирований, которые, как известно, несут ответственность за большую часть массовых убийств, стать авторитетными и получить признание в качестве законной политической силы, не встречают большого протеста?³ На эти вопросы трудно ответить. С одной стороны, такие популярные в Колумбии присловья, как «*por algo sera*» («значит, было за что»), другими словами, «ни за что не убивают») или «*el que la debe la paga*» («по долгам надо платить»), совсем уж по-русски: «долг платежом красен»), указывают на очень широкую общую терпимость даже к ужасным и очевидно несправедливым актам насилия. С другой стороны, в Колумбии всегда существовали группы людей, которые настаивали на соблюдении норм международного гуманитарного права, и разного рода ассоциации жертв неоднократно призывали к наказанию виновных. Однако в общей атмосфере недоверия и запугивания не следует возлагать слишком большие надежды на готовность населения к мобилизации и протестам по этому поводу. В некоторой степени общественное мнение, вероятно, колеблется в зависимости от событий и политической конъюнктуры. Зрелищные убийства или серия циничных расправ вызывают возмущение и направляют гнев людей на виновных. Однако если последние сигнализируют о готовности к компромиссу и появляются признаки возможности прекращения конфликта, большинство людей готовы отмахнуться от прошлых преступлений против человечности, чтобы прийти к полюбовному, мирному решению проблемы.

Попытки объяснения проблемы

О причинах насилия и возможной культуре насилия в Колумбии говорилось и говорится много, много было и написано. Поэтому далее мы ограничимся кратким изложением наиболее важных объясняющих факторов, игнорируя культурные переменные, дабы избежать логического круга в аргументации.

Прежде всего отметим, что в качестве одной из главных причин того, что в Колумбии насилие выходит из-под контроля, называется отсутствие

³Кстати, сейчас сами эти военизированные формирования, в свою очередь, жалуются на то, что государство, которое их создало и поддерживало, больше не хочет иметь с ними ничего общего. Государственная надобность в них отпала. Правда, осталась частная заинтересованность...

государственной монополии на применение насилия. С. Куртенбах утверждает (Kurtenbach 1999), что колумбийское государство не обладает монополией ни на насилие, ни на налоги. Некоторые исследователи говорят о том, что государство отказалось от этой монополии только в последнее время. Однако при этом упускается из виду тот факт, что с самого момента основания государства Колумбия политические элиты страны не только не смогли обеспечить себе единоличную власть над физическими средствами применения силы, но даже не пытались всерьез установить эту монополию. Роль центрального государственного аппарата в деле обеспечения правопорядка и безопасности остается весьма скромной. Очевидно, что руководители государства просто избегали расходов на содержание более сильных вооруженных сил, предпочитая вместо этого вести конфликты с помощью специальных формирований, набираемых на добровольной основе. Кстати, рассматривая более раннюю европейскую историю, мы видим, что борьба за устранение влияния разного рода региональных князей обычно приводила к возрастающей концентрации военной и политической власти, пока, наконец, вся сила не оказалась сосредоточенной в одном институте — государстве. Напротив, региональные конфликты в Колумбии, которых было немало в ее истории, всегда заканчивались соглашением, компромиссом, который оставлял незатронутыми существующие децентрализованные структуры. Примечательно также, что, в отличие от религиозных войн XVI века в Европе, гражданские войны XIX века в Колумбии, которые, по крайней мере в плане риторики, безусловно, были сопоставимы с вышеуказанными, не приводили к появлению хотя бы внешне беспристрастной силы, стоящей на страже общих интересов. Колумбийское государство и его силы безопасности всегда были вовлечены в конфликты и часто были особенно жестокими. Всё это привело к увековечиванию и закреплению дихотомии «друг — враг» до такой степени, что она в итоге стала общей ментальной установкой всех классов общества. Подводя итог, можно сказать, что колумбийское государство, безусловно, присутствует в общественном сознании как некое интеллектуальное и физическое образование, но оно воспринимается как государство слабое, неспособное обеспечить соблюдение законов, которые само же принимает, и неспособное призвать к порядку и дисциплине своих собственных должностных лиц и граждан. И хотя оно и может установить определенный общественный порядок, его власти

недостаточно, чтобы гарантировать общественную безопасность, которая, как говорил Т. Гоббс, является самым важным благом для всех.

Основной движущей силой политической системы Колумбии по-прежнему остаются две традиционные политические партии — консерваторы и либералы. Собственно говоря, доминирующей осью конфликта в этой стране является «горизонтальная» (конфликт между политическими партиями, между вооруженными субъектами, такими как партизанские организации и ультраправые военизированные объединения и пр.) в отличие от «вертикальной» — отношений между государством и его гражданами. Недавно были опубликованы некоторые интересные результаты анализа различных последствий горизонтальных, «симметричных» насильственных конфликтов и вертикальных, «асимметричных» конфликтных констелляций. Об этом очень интересно рассказывает Иван Ороско Абад (Orozco Abad 2005)⁴. Он пишет, что картина значительно яснее в случае вертикального злоупотребления властью, вертикальных «варварств», как он выразился, обычно совершаемых авторитарными или тоталитарными государствами, чем в случае «варварств», совершаемых в контексте горизонтальных конфликтов, например во время гражданских войн. Это относится, во-первых, к масштабам групп, вовлеченных в злоупотребление насилем, которые в случае насильственных эксцессов, совершенных государством, как правило, ограничены, во-вторых, к дифференциации ролей между исполнителем и жертвой, которые в данном случае четко разделены, и, в-третьих, к продолжительности насильственных процессов такого рода, которые ограничены во времени. В случае горизонтальных, «симметричных» насильственных конфликтов всё гораздо сложнее. Во-первых, они порождают бóльшую мобилизацию, то есть в них так или иначе вовлекаются более широкие слои населения. Там, где вооруженные столкновения имеют более длительную продолжительность, это, в свою очередь, затрудняет проведение четкой разграничительной линии между «виновными» и «жертвами», поскольку человек может чередовать эти две роли в зависимости от конфликтной ситуации и отношений власти. Наконец, трудно довести конфликты, подобные гражданской войне, до окончательного завершения. Если те, кто совершил серьезные нарушения прав человека во время боевых действий, столкнут-

ся с угрозой уголовного преследования после их прекращения, то в случае сомнений они предпочтут продолжить боевые действия. И если они будут амнистированы, то злоупотребление насилем останется, по-видимому, безнаказанным, а отсюда появляется риск того, что насилие вспыхнет снова при первой же возможности. Ороско Абад резюмирует дилемму, стоящую перед ответственными государственными деятелями и миротворцами в гражданских войнах или ситуациях, подобных гражданской войне, с точки зрения необходимости осуществления двойного перехода. Дилемма состоит в том, что требуется достичь мира, с одной стороны, а с другой — осуществить переход от состояния беззакония и авторитаризма к демократии под верховенством закона. Во всяком случае, исследования Ороско Абад показывают, что динамику насилия, исходящую из горизонтальных конфликтных констелляций, характерных для Колумбии, гораздо труднее контролировать и «обуздывать», чем асимметричные, вертикальные «варварства».

Третьим комплексом причин, которые в последнее время привели к эскалации насилия и способствовали укреплению культуры насилия, является торговля наркотиками. Большинство экспертов сходятся во мнении, что производство наркотиков и торговля ими разрушили давнюю связь между насилем и партийной политикой, что привело к ситуации, когда насилие проникло во все сферы жизни как средство власти и принуждения (см., напр.: Pécaut 2001; Kurtenbach 1999). Иными словами, торговля наркотиками превратила насилие в нечто обычное и банальное. Это произошло по целому ряду причин, в том числе и потому, что такой редкий, желанный товар, как кокаин, неизбежно провоцирует конкуренцию за его обладание, и потому, что прибыль, которую приносит эта доходная торговля, делает его привлекательным для молодых людей, которые очевидно предпочитают легкую работу с оружием монотонной, плохо оплачиваемой работе в каком-либо другой сфере. Вероятно, наиболее важной структурной причиной насилия является также отсутствие обязательных неформальных правил, регулирующих отношения между ведущими фигурами в торговле наркотиками, вследствие чего нет никакой основы для взаимного доверия. Это вынуждает каждого наркобарона создавать свою частную армию в качестве потенциальной угрозы конкурентам для обеспечения соблюдения соглашений.

Можно также сказать и о четвертом возможном комплексе причин насилия и существования культуры насилия в Колумбии. Это заметная

⁴Последующие комментарии относятся главным образом к первой главе книги «La Barbarie Horizontale» (pp. 26–115).

сохраняющаяся напряженность между бедными и богатыми в сочетании с недостаточно развитым средним классом и городской культурой среднего класса. При этом мы исходим из того, что в целом — и особенно в сельских районах, где государство практически отсутствует, — как крупных землевладельцев, так и мелких фермеров и сельскохозяйственных рабочих разделяет преимущественно инструментальное, прагматическое понимание насилия. Аграрная история Колумбии была свидетелем многочисленных жестоких столкновений между этими классами и внутри них. В Латинской Америке вообще последовательное осуждение насилия и его изгнание из общественной жизни не происходило до тех пор, пока не начались активные урбанизационные процессы. В городах в этом был заинтересован прежде всего средний класс, который в силу своих специфических ресурсов (в основном он доминировал в сфере образования и обладал профессиональными знаниями, но имел мало опыта в деле применения физической силы), особенностей социализации и общей ориентации проявлял наибольшую заинтересованность в возникновении ненасильственных пространств, управляемых верховенством закона. Есть основание полагать, что в Колумбии эта своего рода подлинно городская атмосфера, которая отесняет насилие на задворки, возникла на относительно поздней стадии и никогда не доминировала в полной мере. Есть много свидетельств о развитии искусства и культуры в крупных городах страны, от фактов создания впечатляющих произведений архитектуры до процветающей издательской индустрии и многочисленных университетов, среди которых немало очень высокого уровня. Однако складывается впечатление, что многие низшие слои мигрантов из сельской местности вписались в процесс урбанизации только наполовину и что их менталитет, — впрочем, это также относится к другим слоям, — в некоторых важных отношениях остался сельским и местечковым. Классовая борьба в городе все еще ведется в грубой, физической манере, и вряд ли можно говорить о ее переходе в более символическую плоскость. В Колумбии до сих пор не существует собственно городской политической партии среднего класса. Традиционные партии, зародившиеся преимущественно в сельской местности, вместе со своими клиентелистскими придатками все еще играют важную роль в жизни страны.

Процесс урбанизации, который страна пережила во второй половине XX в., фактически не подавил насилие как средство разрешения

конфликтов, а лишь изменил его внешний вид. Оно больше не проявляется открыто в городах и не используется явно как средство господства и силы. Никто в центральных районах больших городов не оспаривает права государства и местных властей на поддержание общественного спокойствия и общего порядка. Однако жестокие интриги все еще тайно плетутся в задних комнатах особняков. В городах людей убивают или похищают ежедневно, в то время как на окраинах городской периферии закон джунглей господствует по-прежнему. Насилие стало более анонимным и избирательным, но стало ли его меньше в ходе процесса урбанизации и модернизации — это открытый вопрос, на который, вероятно, следует ответить отрицательно.

В своей статье мы старались показать, что масштабы насилия в Колумбии невозможно понять без признания факта существования культуры насилия, выражающейся в высоком уровне убийств, существовании институционализированных субъектов насилия, распространенности определенных норм, таких как мачизм и вендетта, и из-за отсутствия иных норм, табу и запретительных правил. Вездесущность насилия невозможна, если только склонность к насилию не закреплена в социокультурном плане. В этом отношении гипотеза о существовании культуры насилия в Колумбии кажется нам вполне обоснованной, а наличие данной культуры может рассматриваться как один из причинных факторов нынешней ситуации в стране. Тем не менее это не означает, что в поисках объяснений нужно ограничиться только культурой. Ибо сама культура определяется историческими и экономическими факторами: отсутствием государственной монополии на насилие, доминированием горизонтальных осей конфликта, торговлей наркотиками (что создает серьезные экономические стимулы для чрезмерного применения насилия) и классовой структурой колумбийского общества, которая характеризуется серьезной напряженностью в сочетании со слабо развитым городским средним классом. В этом отношении культура насилия, в свою очередь, является лишь зависимой переменной, требующей объяснения. Причина и следствие взаимодействуют и переплетаются. Поскольку реальная практика насилия формирует социальные ожидания в отношении поведения субъектов, влияет на определение цены и риска и т. д., она задает и культурные параметры. И в такой культурной среде насилие, скорее всего, будет применяться и дальше.

References

- Albrecht, G. (2003) Sociological approaches to individual violence and their empirical evaluation. In: W. Heitmeyer, J. Hagan (eds.). *International handbook of violence research*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., pp. 611–656. DOI: 10.1007/978-0-306-48039-3 (In English)
- Kühnel, W. (2003) Groups, gangs and violence. In: W. Heitmeyer, J. Hagan (eds.). *International handbook of violence research*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., pp. 1167–1180. DOI: 10.1007/978-0-306-48039-3 (In English)
- Kurtenbach, S. (1999) Kolumbien: politische Gewaltkultur, der Staat und die Suche nach Frieden. *Ibero-amerikanisches Archiv*, vol. 25, no. 3/4, S. 375–396. (In German)
- Orozco Abad, I. (2005) *Sobre los límites de la conciencia humanitaria: dilemas de la Paz y la justicia en América Latina [On the limits of humanitarian awareness: Dilemmas of peace and justice in Latin America]*. Bogotá: Universidad de Los Andes: Editorial Temis, 375 p. (In Spanish)
- Parsons, T. (1951) *The social system*. London: Tavistock Publ., 600 p. (In English)
- Pécaut, D. (1987) *L'Ordre et la violence: évolution socio-politique de la Colombie entre 1930 et 1953*. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Études en Sciences Sociales, 486 p. (In French)
- Pécaut, D. (2001) *Guerra contra la Sociedad [War on society]*. Bogotá: Editorial Planeta Colombia, 308 p. (In Spanish)
- Prieto Osorno, A. (1993) *Die Mörder von Medellín. Todeskult und Drogenhandel*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 156 s. (In German)
- Richani, N. (1997) The political economy of violence: The war-system in Colombia. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*, vol. 39, no. 2, pp. 37–81. (In English)
- Rubio, M. (1999) *Crimen e impunidad: precisiones sobre la Violencia [Crime and impunity: Concepts on violence]*. Bogotá: Tercer Mundo, 269 p. (In Spanish)
- Sánchez, G. (2001) Introduction: Problems of violence, prospects for peace. In: C. W. Bergquist, R. Peñaranda, G. G. Sánchez (eds.). *Violence in Colombia 1990–2000: Waging war and negotiating peace*. Wilmington: Scolary Resources Books, pp. 1–38. (In English)
- Sánchez, G. (2003) *Guerras, memoria e historia [Wars, memory and history]*. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia Publ., 129 p. (In Spanish)
- Sánchez, G., Meertens, D. (1983) *Bandoleros, gamonales y campesinos: el caso de la violencia en Colombia [Bandits, landowners and peasants: The case of violence in Colombia]*. Bogotá: El Áncora Editores, 255 p. (In Spanish)
- Sánchez, G., Alvarez, C. (eds.) (2004) *Fundacion Seguridad y Democracia. Coyuntura de Seguridad, Informe especial [Foundation for security and democracy. Security situation, Special Report]*. No. 5. Bogotá: Colombia, 512 p. (In Spanish)
- Uribe, M. V. (1992) *Limpiar la tierra: Guerra y poder entre esmeralderos [Clean the Earth: War and power between emeralds]*. Bogotá: CINEP Publ., 150 p. (In Spanish)
- Uribe, M. V. (2004) *Anthropologie de l'Inhumanité: Essai sur la terreur en Colombie*. Paris: Calmann-Lévy, 176 p. (In French)
- Uribe, M. V., Vásquez, T. (1995) *Enterrar y callar: las Masacres en Colombia, 1980–1993 [Bury and silence: The massacres in Colombia 1980–1993]: In 2 vols*. Bogotá: Comité Permanente por la Defensa de los Derechos Humanos. (In Spanish)

Сведения об авторе

Алексей Иванович Донченко, e-mail: alexdon@mail.ru

Доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета

Author

Alexey I. Donchenko, e-mail: alexdon@mail.ru

Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor; Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University

«Виоленсия» как феномен колумбийской политической культуры: к истории генезиса

О. Н. Сова^{✉1}

¹ Благовещенский государственный педагогический университет,
675000, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104

Для цитирования:

Сова, О. Н.
(2020) «Виоленсия» как феномен колумбийской политической культуры: к истории генезиса. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 161–169.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-161-169

Получена 19 февраля 2020;
прошла рецензирование
29 апреля 2020; принята 29 апреля
2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Современная Колумбия отличается от других стран Латинской Америки продолжающимся на протяжении нескольких десятилетий вооруженным конфликтом между правительственными войсками и партизанскими организациями. Зарождение герильи (партизанской войны) было напрямую связано с нерешенным аграрным вопросом и сохранением латифундизма. Это многолетнее противостояние между государством и повстанцами оказывает разрушительное влияние на все сферы жизни колумбийцев и сопровождается ежегодной гибелью тысяч граждан. Насилие в разных формах стало постоянным явлением общественно-политической жизни, оказывая воздействие на мировосприятие колумбийцев и формирование национального самосознания. В статье автор обращает внимание на особенности современной политической культуры Колумбии и пытается разобраться в причинах появления партизанского движения, которое остается актуальным до сегодняшнего дня. Корни этого вооруженного конфликта следует искать в феномене «виоленсии», порожденного борьбой за гегемонию традиционных политических партий (либеральной и консервативной) в XX веке. «Виоленсия» в широком значении включает целую иерархию насилия в разных сферах жизни: насилие над коренными жителями, сегрегация, а также сохранение таких явлений, как мачизм и касикизм. Распространение насилия привело даже к появлению в Колумбии специальной науки — «виоленсиологии», в рамках которой специалисты пытаются разобраться в причинно-следственных связях этого феномена. Исследование истории становления «виоленсии» позволяет ответить на вопрос о том, почему насилие стало неотъемлемым явлением культуры и образа жизни колумбийцев. Для этого внимание было обращено на события 40-х годов XX века, когда в Колумбии в обстановке масштабных репрессий на политической арене появляется харизматический лидер Хорхе Элиесер Гайтан. Его нонконформистские идеи и широкое общественное движение, которое он возглавил, вызвало серьезные опасения у сторонников двухпартийной олигархии. Убийство Гайтана 9 апреля 1948 года привело к народному протесту — «Боготасо» и ответному насилию со стороны государства, формируя новый культурогенный фактор воздействия на способы бытия колумбийцев.

Ключевые слова: Колумбия, политическая культура, насилие, партизанская война.

“Violencia” as a phenomenon of Colombian political culture: An overview of genesis

O. N. Sova^{✉1}

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin Str., Blagoveshchensk 675000, Russia

For citation:

Sova, O. N.
(2020) “Violencia” as a phenomenon of Colombian political culture: An overview of genesis. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 161–169.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-161-169

Received 19 February 2020;
reviewed 29 April 2020;
accepted 29 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0 .

Abstract. Modern Colombia is distinguished from other Latin American countries by the decades-long armed conflict between government forces and guerrilla organizations. The origin of the guerrilla (guerrilla war) was directly related to the unresolved agrarian question and the preservation of latifundism. This long-standing confrontation between the state and the rebels has a devastating impact on all the spheres of life of Colombians and results in thousands of deaths annually. Violence in various forms has become part and parcel of social and political life, affecting the worldview of Colombians and the formation of national identity. The article focuses on the peculiarities of modern political culture in Colombia and attempts to identify the reasons for the emergence of the guerrilla movement, which remains relevant to this day. The armed conflict is rooted in the so-called “violencia”, generated by the struggle for the hegemony of traditional political parties (Liberal and Conservative) in the 20th century. “Violencia” in a broad sense includes a whole hierarchy of violence in different spheres of life: violence against indigenous people, segregation, long-standing machismo and cacicism. The spread of violence has even led to the emergence of a special science in Colombia — “violenciology”. Experts in violenciology are trying to understand the cause and effect of this phenomenon. The study of the history of the formation of “violencia” allows us to answer the question of why violence has become an integral part of Colombian culture and way of life. To meet this end, the author focused on the events of the 1940s, when, amidst the large-scale repression, Colombia witnessed the emergence of the charismatic political leader Jorge Eliécer Gaitan. His nonconformist ideas and the broad social movement he led raised serious concerns among supporters of the two-party oligarchy. The murder of Gaitan 9 April 1948 led to a popular protest — “Bogotazo” and retaliatory violence from the state, forming a new cultural factor affecting the ways of life of Colombians.

Keywords: Colombia, political culture, violence, guerrilla warfare.

Спецификой колумбийской политической культуры является существование неугасающего вооруженного конфликта, принимающего форму гражданской войны партизанских группировок со сторонниками традиционной двухпартийной политической системы. В настоящее время в Колумбии существует несколько партизанских организаций: Армия Национального Освобождения (Ejército de Liberación Nacional, ELN), Народно-Освободительная Армия (EPL) и три группировки, образовавшиеся на развалинах Революционных Вооруженных Сил Колумбии — Армии Народа (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo, FARC-EP), подписавших мирные соглашения с колумбийским правительством 26 сентября 2016 г.

Появлению герильи в Колумбии в XX в. предшествовал период «виоленсии» (насилия), реакцией на который и стала эта форма борьбы масс (Ильина 1968, 106). Сначала появились

«маршевые колонны», партизанские отряды из крестьян, насильственно согнанных со своих земель. В их рядах оказались до 200 тыс. человек. По свидетельству повстанца Х. Гуараки, они не имели политической программы из-за отсутствия соответствующего образования, их идеи касались преобразований на местном уровне, а главной целью была самозащита (Aldana 1999, 38–41). Наряду с существованием партизанских отрядов, базировавшихся в льяносах, крестьяне прибегали к такой форме защиты от террора, как самооборона. В Колумбии самооборона способствовала появлению еще одной формы крестьянского сопротивления, т. н. «независимых республик» — Виоты в 1920–30-е гг., Маркеталии в 1950–60-е гг. и др. (Хейфец 2019, 280).

Чтобы понять сложную природу колумбийского внутреннего конфликта и цели участвующих в нем сторон, нужно обратиться к такому феномену, как «виоленсия». Как пишет колумбийский историк Артуро Алапе в одном из

своих наиболее важных исследований «La paz, la violencia: Testigos de exserción»: «С самого начала было ясно, что это государство будет не для всех и что контроль над ним со стороны немногих лиц необходимо поддерживать любой ценой, а значит, используя тот метод, который был известен правящему классу ранее, еще со времен Войны за независимость: война» (Alarcón 1997, 20).

В широком смысле слова «виоленсия», как отмечает Ю. Н. Гирин, является порождением истории и действительности Латинской Америки, когда в неустойчивых латиноамериканских социумах она возникает как производное от режима диктатуры, местного произвола и гражданских войн. «По сути это целая иерархия насилия, проявляющаяся на различных уровнях: это и касикизм, и мачизм, и насилие над индейцем, и социальное бесправие, и, в некоторых странах, всевластие США» (Гирин 2013, 98). Достаточно ярко этот феномен проявился и продолжает существовать в Колумбии, что даже привело в этой стране к возникновению отдельной науки — виоленсиологии. Но главное заключается в том, что «виоленсия» стала неотъемлемой частью политической культуры этой страны и привычным способом разрешения социальных и политических конфликтов. «Структурные элементы насилия, ненависть, передающаяся по наследству, партийный фанатизм, насильственный сгон с земли, религиозные гонения, разделение страны по политическому признаку и физическое уничтожение политических противников» (Alarcón 1997, 23) формировали колумбийскую историю на протяжении всего XIX века. Это же в неизменном виде продолжилось и в XX веке, и даже с еще большей силой с 1940-х гг. Именно этот последний период времени может послужить в качестве отправной точки, чтобы понять сегодняшний внутренний кризис в Колумбии.

Появление FARC-EP и ELN в начале 1960-х гг. и рост их рядов и влияния в 1980–90-е гг. напрямую связаны с нехваткой политического пространства для оппозиции. Это характеризует колумбийскую политическую историю, особенно со времен создания Национального Фронта в 1958 г., соглашения о разделе власти, заключенного между либералами и консерваторами после недолгого периода заигрывания с военной диктатурой.

Истоки современного партизанского движения связаны с крестьянской борьбой 1920-х и 1930-х гг., но в большей степени нужно уделить внимание одному из самых кровавых периодов истории Колумбии XX века, известному как

«виоленсия» (насилие). «Виоленсия» распространилась в послевоенный период в Колумбии, когда три четверти населения составляли крестьяне, более половины населения было неграмотным и более 50 % земли было сосредоточено в руках менее 3 % земельных собственников (Sánchez 1992, 77). В то время была принята целая серия законов и ряд мер безопасности, которые были предназначены для защиты земельной аристократии от потенциальных вторжений и захватов со стороны всё более нуждающегося крестьянства, поскольку у него годами не было реального доступа к плодородной земле. Таким образом, конфликт в Колумбии вырос из борьбы за землю. Однако «виоленсия» была более чем обычной битвой между двумя крупными партиями и их разными точками зрения относительно решения аграрного вопроса.

Хотя «виоленсия» натравливала друг на друга вооруженные отряды сторонников реформы из Либеральной партии и сторонников олигархии из Консервативной партии, сопротивлявшейся земельной реформе, которая должна была покончить с родовой привилегией на землю, неправильно было бы называть ее просто «межпартийной усобицей». Это понятие злонамеренно использует колумбийская элита. Вне всякого сомнения, «виоленсия» была развязана правительством консерваторов во главе с Мариано Ospino Пересом, который победил на президентских выборах 1946 г. Раскол в рядах Либеральной партии воспрепятствовал ее победе, несмотря на то, что в тот момент времени это была партия большинства населения Колумбии. Ospino Перес и руководство консерваторов, при поддержке высшей иерархии католической церкви и военных, развернул кампанию жестких репрессий против рядовых либералов, особенно в сельской местности. В контролируемых государством СМИ, с церковных кафедр и в стенах Конгресса — в итоге распущенного президентом — была развязана кампания по демонизации Либеральной партии. Были убиты десятки тысяч крестьян, связанных с Либеральной партией. И потому вооруженные отряды, которые тогда появились, были ответом на преднамеренное, поддержанное государством насилие.

В этой обстановке масштабных репрессий и конфликта появился харизматический народный лидер Хорхе Элиесер Гайтан. На основе реформистских идей перераспределения национальных богатств, политического участия широких масс и отказа от монополии на власть он создал широкое общественное движение. Его

идеи встретили активную поддержку в середине 1940-х гг., особенно среди рабочего класса наиболее крупных городских центров Колумбии. В стране, исторически разделенной борьбой сторонников либералов и консерваторов, Гайтану удалось добиться действительно чего-то совершенно нового и необычного. Колумбийский историк Гонсало Санчес пишет о том, что к середине 1940-х гг. Гайтан «преуспел в создании новой исторической силы, которая состояла из народных масс, объединившихся вопреки традиционным партийным барьерам» (Sánchez 1992, 78). И хотя Гайтан был членом Либеральной партии и в итоге возглавил ее, его лозунги и речи против двухпартийной олигархии ставили его вне традиционных структур власти Колумбии. Его фигура представляла собой во многих отношениях подлинно революционный разрыв с недавним колумбийским политическим прошлым и рассматривалась как прямая угроза многими наиболее могущественными лидерами страны, причем как консерваторами, так и либералами.

Убийство Гайтана 9 апреля 1948 г. — в тот момент Колумбия готовилась к проведению IX Панамериканского Конгресса — спровоцировало спонтанный народный протест, грабежи и беспорядки на улицах Боготы. Убийство Гайтана полностью не раскрыто вплоть до настоящего времени, идейные вдохновители и организаторы этого убийства так и не предстали перед судом, и этот случай остается примером вопиющей безнаказанности, которая всегда существовала в Колумбии. Многие исследования указывают именно на консерваторов как на главных виновников, учитывая тот уровень насилия, который сторонники этой партии развернули по всей стране. Некоторые аналитики утверждают, что за этим убийством стояли недовольные Гайтаном либералы, но это маловероятно. Другие обращают внимание на всё возрастающую озабоченность Вашингтона относительно быстрого выдвижения Гайтана на политическую авансцену страны как на возможную причину его безвременной смерти. Подтверждения можно найти в частых депешах в Вашингтон американского посла в Колумбии в 1946–1947 гг. Джона К. Уайли, который описывал этого харизматического лидера как демагога, безрассудно продвигающего идею государственного социализма, который однажды станет для США большой политической проблемой.

Но даже независимо от того, кто именно стоял за этим убийством, результатом его был массовый спонтанный ответ со стороны части

сторонников Гайтана, которые в ярости вышли на улицы. В современной колумбийской исторической литературе это явление именуется «Боготасо» (El Bogotazo). Но восстание не смогло создать механизм, который упорядочил бы и сделал эффективным (посредством организации) этот, безусловно, революционный процесс, направленный против олигархической системы правления, который вывел бы гайтанизм на ведущие позиции в политике. Сразу после убийства Гайтана были предприняты действия, чтобы не допустить превращения рабочего движения в выразителя общественного протеста и политической оппозиции, в том числе расстрелы рабочих, «вычищение» наиболее активных профсоюзных лидеров, криминализация забастовки как средства законного общественного протеста и подрыв профсоюзного движения. То демократическое пространство, которое попытался создать Гайтан, было немедленно ликвидировано сразу после его смерти. Для многих смерть Гайтана стала символом насильственно прерванного демократического процесса, ситуация, которая позже повторялась снова и снова и сопровождалась убийством сотен харизматических лидеров на местном, региональном и национальном уровнях по всей стране.

Либеральная партия, стремясь сыграть свою роль в восстановлении порядка и желая не потерять имеющиеся позиции в элите двухпартийной структуры власти, дистанцировалась от протестующих масс. Практически всё руководство Либеральной партии приняло участие в подавлении народного протеста. Но консерваторам роль либералов в подавлении народного протеста казалась недостаточной. Либералы всех мастей снова стали жертвами массивной кампании политических убийств и прямых физических угроз, которая была развязана еще при правительстве Оспины Переса. Вооруженное сопротивление отрядов крестьян, сторонников Либеральной партии, продолжилось, как и поляризация колумбийского общества.

За этим последовали годы неослабевающего насилия по всей стране, характеризующиеся общим состоянием террора и глубоким партийным сектантством. Насилие сталкивало деревню с деревней, соседа с соседом и привело к некоторым совершенно диким эпизодам в кровавой истории Колумбии. Как пишет Гонсало Санчес: «Выросло целое поколение, чье отношение к условиям собственного существования колебалось между фатализмом, жадной мести и подавленным возмущением» (Sánchez 1992, 90).

Насилие и репрессии стали явлениями политической жизни не только при Осине Пересе, но и при ультраконсервативном, неофашистском политике Лауреано Гомесе, который занял президентское кресло в 1950 г. Это были выборы, в которых Либеральная партия участия не принимала. Гомес старался поддерживать раскол колумбийского общества и перешел в решительное наступление на либералов, считая, что после смерти Гайтана Либеральная партия должна была стать в глазах колумбийцев незаконной.

Необходимо отметить, что правительство Гомеса извлекло значительные выгоды из той антикоммунистической атмосферы, которая возникла в Вашингтоне после Второй мировой войны. Безжалостное отношение правительства к крестьянам-партизанам должно было продемонстрировать США, что, как и в случае с Батистой на Кубе, Сомосой — в Никарагуа и Трухильо — в Доминиканской Республике, Вашингтон имеет надежного друга в президентском дворце в Боготе. И хотя вышеописанные страны могут быть охарактеризованы на тот момент времени как продолжительные гегемонистские диктатуры, сильно отличавшиеся от той политической эволюции, которая привела к власти в Колумбии Гомеса, все они использовали самые безжалостные репрессии по отношению к внутренней оппозиции при проведении политики, благоприятствовавшей интересам США.

Следует напомнить, что Гомес был единственным латиноамериканским президентом, который реально поддержал военные действия США в Корее, послав туда вооруженный колумбийский контингент. Стабильность его правительства выглядела как соответствующая долговременным интересам Вашингтона. И, несмотря на иную историческую ситуацию в начале XXI века, позиция США в то время была во многом схожа с той, которую мы видим сегодня. С точки зрения Вашингтона, колумбийское правительство борется за свое выживание против вооруженных бандитов-партизан, и неважно, что они бросили вызов предшествующему недемократическому общественному порядку, неважно, являются ли они прокоммунистическими или нет. В современной Колумбии ситуация иная, но есть и определенное сходство: теперь «бандиты» именуется «террористами».

Насилие продолжилось, как продолжилось и сопротивление Гомесу. Это привело к массовому изгнанию людей и «очищению» колонизованных земель в районах южной Талимы, средней Магдалены, на части территории Кауки

и Валье дель Кауки и на восточных равнинах, или «льяносах». Появилось крайне фрагментированное партизанское движение с комплексом разных политических и социальных корней, в зависимости от того района, где они действовали. Партизанские анклавов постепенно эволюционировали в зоны — убежища для крестьян, бежавших от насилия, и центры сопротивления правительству.

Первоначально эти вооруженные отряды поддерживали связи с руководством Либеральной партии, полагая, что находящееся в городе главное руководство партии готовит восстание против консерваторов Гомеса. Но поскольку ставки повысились и сопротивление правительственному насилию возрастало, руководство либералов снова прервало свои связи с народным сопротивлением, в данном случае — с партизанами. Кто устанавливал связи с этими отрядами, так это вооруженные группы, связанные с Коммунистической партией, которая в некоторых регионах заключила союз с либералами в их борьбе против консерваторов. Эти вооруженные отряды развили стратегию сопротивления, которая во многих отношениях была революционной, сочетающей военный компонент с интенсивной мобилизацией гражданского населения (Sánchez 1992, 103–104).

Этот процесс крайне жестокого насилия и организованного сопротивления на протяжении нескольких лет затронул каждый аспект развития страны. Его кульминацией стал военный переворот, который привел к отстранению от власти консерватора Гомеса и установлению военной диктатуры генерала Густаво Рохаса Пинилья в июне 1953 г.

Генерал Рохас Пинилья был сильной личностью, антикоммунистом, который, подобно Гомесу, имел связи с Вашингтоном, но, в отличие от Гомеса, выглядел более привлекательной фигурой в глазах руководства обеих партий, видевших в установлении его власти выход из ситуации возрастающего в стране насилия. Его с энтузиазмом приветствовали все стороны конфликта, особенно либералы. Генерал Рохас Пинилья провел серию амнистий для партизан, выдвигая идею национального единства в противовес партийному сектантству, которое разрушало Колумбию.

Большая часть партизан согласилась на амнистию, так как военное правительство заявило о подготовке программы демократических реформ и экономического развития, необходимых для восстановления разоренной деревни и помощи согнанному со своих земель крестьянству. Обширные слаборазвитые регионы на юге

были предложены в качестве решения земельной проблемы, что вело к их интенсивной колонизации крестьянами, согнанными со своих бывших земель насилием. Однако некоторые партизанские отряды, особенно те, которые базировались в зоне влияния коммунистов в Сумапасе и южной Толиме, были не готовы принять амнистию и предпочли более «самооборонческий» подход к новому военному правительству. Их так и не смогли убедить в том, что правительство сможет обеспечить достаточную защиту им и их семьям. Хотя они были малочисленными, они, как и современные крупные партизанские организации Колумбии, настаивали на всеобъемлющем мирном плане, который выходил за рамки простого разоружения и реинтеграции в прежнюю мирную гражданскую жизнь.

Партизанские организации этого региона поднимали вопрос о земельной и политической реформах в качестве главного условия любого соглашения с правительством. Любое другое решение рассматривалось ими как безоговорочная капитуляция. Эти партизаны составили основу т. н. «независимых республик», разбросанных по джунглям в предгорьях Анд и организованных как общины самообороны и экономически самодостаточные хозяйства. Естественно, их позиция не встретила одобрения правительства.

Испытывая давление со стороны богатых земельных собственников, которые во время первой фазы «виоленсии» были вынуждены покинуть свои поместья, а затем стали требовать вернуть себе обратно свои обширные земли, Рохас Пинилья развернул военные операции против этих партизан. Контрпартизанское наступление против этих вооруженных анклавов было проведено при поддержке США. Сотни крестьян были убиты армией в т. н. «зоне военных действий» в Сумапасе, приведя к еще более массовому исходу людей. Гонсало Санчес прекрасно характеризует эту ситуацию, когда пишет: «Умиротворение снова стало синонимом опустошения, пулеметных обстрелов и бомбардировок. По меньшей мере шесть батальонов, т. е. примерно треть всей колумбийской армии того времени, были брошены в бой, имея за спиной центр пыток, известный в то время под названием “концентрационный лагерь Кундай”» (Sanchez 1992, 112).

Как это постоянно происходит в истории внутриколумбийского конфликта, именно гражданские лица несли на себе основную тяжесть последствий наступления правительственных войск. Однако неожиданное сопротивление

поддерживаемому государством насилию продолжалось и предопределило появление современного партизанского движения. Хорошо видны исторические параллели между тем временем и современностью. Правозащитники сильно обеспокоились, когда не так давно президент Альваре Урибе стал оправдывать создание т. н. «зон реабилитации», находящихся под контролем вооруженных сил Колумбии в конфликтных регионах страны с тотальным военным, судебным и политическим контролем и с одновременным ограниченным доступом в эти зоны журналистов и других посторонних лиц. Такой подход использовался многими президентами страны за последние сорок лет, поскольку они пытались противостоять партизанской угрозе только военной силой, и всегда с весьма незначительным успехом.

Генерал Рохас Пинилья действительно провел «реабилитацию» в некоторых районах страны, пострадавших от «виоленсии», особенно в недавно колонизированных районах восточных равнин, куда были направлены некоторые правительственные средства. Тем не менее эта программа имела противоречивые результаты, не последним из которых было открытое и жестокое насилие в Сумапасе. Были еще и противоречивые политические шаги, предпринятые генералом Рохасом Пинильей с целью умиротворения и либералов, и консерваторов, в ущерб подлинно демократической реформе и справедливости по отношению к жертвам первых годов «виоленсии». Хотя партизаны-либералы были амнистированы, консерваторы, сторонники удалившегося в изгнание Гомеса, были выпущены из тюрем и развязали широкую кампанию репрессий против бывших бойцов партизанских отрядов, местных руководителей либералов и их сторонников из числа крестьян. Насилие стало нарастать вновь, и две партии стали упрекать Рохаса Пинилью в неэффективной деятельности, умалчивая тот факт, что именно они и были вдохновителями насилия, защищая свои собственные экономические и политические интересы.

В течение двух лет военной диктатуры, которые ознаменовались установлением относительного мира в стране, либералы и консерваторы стали осознавать, что правительственная амнистия была в лучшем случае политическим маневром, направленным на укрепление власти генерала. В то же время начинает появляться третья сила, которая может бросить вызов традиционной правящей элите. Другими словами, их политическая монополия на власть оказалась под угрозой со стороны военного деятеля, ко-

того они же сами в свое время и призвали. И вскоре стало ясно, что этот военный больше не нужен. В 1957 г. генерал Рохас Пинилья был вынужден уйти в отставку под давлением могущественного альянса консерваторов — сторонников бывшего президента Гомеса, верхушки Либеральной партии и вооруженных сил. Результатом стало то, что чуть позже получило название Национального Фронта.

Национальный Фронт дал возможность господствующим политическим партиям консолидировать политическую власть в руках элиты (Донченко 2015, 65). Это было взаимное соглашение традиционных партий относительно политического устройства страны, которое гарантировало, что политический контроль будет оставаться в руках двух партий на ближайшее обозримое будущее. От двух партий каждые четыре года по очереди избирался президент. Эта ситуация продолжалась в последующие два десятилетия. Они также поделили между собой власть на местном и департаментском уровнях.

Колумбийская олигархия, которая на словах поддерживала демократические реформы, отныне могла чувствовать себя спокойно, зная, что ее интересы в равной степени будут защищать обе партии. Гомес, вынужденный бесславно бежать несколькими годами ранее, вернулся в Колумбию полностью оправданным. Национальный Фронт родился при весьма скромной надежде на открытие путей для настоящей демократии и с сохраняющимся крестьянским повстанческим движением, которое обнаруживало себя всё более изолированным от этой конституционной сделки между олигархами.

Глубоко укоренившиеся социальные проблемы, которые проистекали из вопроса неравного распределения земли, так и не были разрешены. Были развязаны поддерживаемые государством репрессии, встречавшие полную поддержку со стороны США. Во время репрессий крестьяне насильственно изгонялись из зон «самообороны», что провоцировало новые массовые исходы, колонизацию и такие изменения в практике аренды земли, которые были выгодны только крупным землевладельцам. Хотя истеблишмент Национального Фронта представлял его как официальное окончание эпохи «виоленсии», началась новая, еще более масштабная фаза насилия, которая формировала колумбийскую реальность на последующие несколько десятков лет.

Почему убийство Гайтана 9 апреля 1948 года, последующий после этого народный протест («Боготасо») и ответное насилие со стороны

государства стали условиями формирования культурогенного фактора воздействия на способности мышления и бытия колумбийцев? Ответ нужно искать в самом феномене политической культуры Колумбии.

Колумбийская политическая культура, как и культура многих других стран Латинской Америки, характеризуется высоким уровнем дискриминации по этническому признаку, появившейся вследствие нерешенного национального вопроса. Это явление, корни которого уходят в XIX век, препятствует реализации на практике идеи равных возможностей для всех колумбийцев.

Воздействие на политическую культуру Колумбии оказывает приверженность традициям и консервативность. На сегодняшний день остаются актуальными такие явления, как макизм, касикизм, каудильизм, клиентелизм, непотизм и абсентеизм. Особенно следует уделить внимание абсентеизму, который в условиях масштабного политического насилия стал одной из самых распространенных мирных форм пассивного протеста, характерным для Колумбии. Если же речь идет о голосовании, то влияние на явку избирателей на участки оказывает гендер и социальный статус избирателя. Положение в обществе, уровень доходов и занимаемая должность являются факторами лояльности к сложившимся политическим реалиям.

При этом подчеркнем, что голосование не является единственным методом политического участия колумбийцев. Часть из них принимает участие в работе органов местного самоуправления и в деятельности неправительственных организаций, носящих религиозный, коммунальный, гуманитарный и правозащитный характер. Если говорить о церкви и религиозных организациях в Колумбии, то нужно отметить, что католическая церковь всегда в той или иной степени являлась участницей политического процесса и чаще всего была сторонницей наиболее консервативной части местной олигархии. Это обусловило ее воздействие на формирование политических ценностей и взглядов многих колумбийцев, в т. ч. на их приверженность консервативной партии. В условиях традиционно сильного влияния католической церкви в Колумбии, всегда находившей поддержку у государственной власти, в стране не получил развития религиозный плюрализм и толерантность. Отражение этих явлений можно проследить и в политической сфере: колумбийская демократия оказалась менее прогрессивной, чем, например, демократия в Бразилии, где

католическая церковь не была связана с государством и имела место религиозная терпимость.

Еще одним компонентом политической культуры является политическая толерантность, влияющая на прочность демократических ценностей. Для Колумбии она традиционно невысока, поэтому возможности для открытой политической борьбы и полноценной реализации политических свобод затруднены. Эта тенденция была характерна и до событий «Боготасо», но наибольшую прочность она приобрела во второй половине XX — начале XXI вв. в условиях противостояния леворадикальных партизан, ультраправых вооруженных формирований, т. н. «парамилитарес», и подразделений правительственной армии.

Не стоит забывать, что дополнительным источником насилия остается организованная преступность, тесно связанная с наркобизнесом, распространенным в Колумбии.

Причинами сохранения насилия в Колумбии являются нерешенные вопросы — аграрный (проблема латифундизма), национальный (ущемление прав по этническому признаку), сохранение высокого уровня бедности и поляризация общества. Всё это требует проведения структурного и последовательного реформирования, чтобы насилие перестало восприниматься ко-

лумбийцами как часть повседневной жизни. К тому же существенные осложнения связаны с включением в мирную гражданскую жизнь тысяч колумбийских партизан, которые годами скрываются в удаленных от общества районах, теряя навыки мирных способов сосуществования и не имея возможностей для этого (отсутствие образования, профессии, определенных материальных благ и перспектив).

Подводя итоги, следует отметить, что, с одной стороны, убийство Гайтана и последующие события — «Боготасо», начало партизанского движения — ясно продемонстрировали, что возможность мирного участия в политической жизни, решение социально-экономических проблем мирным путем всё более затрудняется. С другой стороны, эти события показали, что двухпартийная олигархическая власть исчерпала свои возможности эффективного управления страной, что впоследствии привело к военному перевороту Рохаса Пинильи. И после этих событий колумбийская олигархия начинает систематически использовать насилие для решения не только политических, но и экономических вопросов. Более того, чем дальше, тем больше этот метод становится основным, а политика превентивной контрреволюции — одним из основных методов.

Литература

- Гирин, Ю. Н. (2013) Виоленсия как тип культуры. Колумбийский вариант. *Латинская Америка*, № 11, с. 97–107.
- Донченко, А. И. (2015) Стратегия сельской обороны КПП и FARC-EP: истоки. В кн.: А. И. Донченко (ред.). *Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского: Сборник докладов. Вып. 15*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, с. 62–72.
- Ильина, Н. Г. (1968) *Политическая борьба в Колумбии (1946–1957)*. М.: Наука, 246 с.
- Хейфец, В. Л. (2019) Наследники «виоленсии»: эволюция FARC в 1990-е гг. *Латиноамериканский исторический альманах*, № 21, с. 274–287.
- Alape, A. (1997) *La paz, la violencia: Testigos de excepción*. 6th ed. Bogotá: Planeta Publ., 238 p.
- Aldana, L. A. M. (1999) *Colombia y las FARC-EP: origen de la lucha guerrillera: testimonio del comandante Jaime Guaraca*. Tafalla: Txalaparta, 219 p.
- Sánchez, G. (1992) “The Violence”: An interpretive synthesis. In: C. W. Bergquist, R. Peñaranda, G. G. Sánchez (eds.). *Violence in Colombia: The contemporary crisis in historical perspective*. Wilmington, DE: Scholarly Resources Books, 186 p.

References

- Alape, A. (1997) *La paz, la violencia: Testigos de excepción [Peace, violence: Witnesses of exception]*. 6th ed. Bogotá: Planeta Publ., 238 p. (In Spanish)
- Aldana, L. A. M. (1999) *Colombia y las FARC-EP: origen de la lucha guerrillera: testimonio del comandante Jaime Guaraca [Colombia and FARC-EP: Origin of the guerrilla struggle: Testimony of commander Jaime Guaraca]*. Tafalla: Txalaparta, 219 p. (In Spanish)
- Donchenko, A. I. (2015) Strategiya sel'skoj oborony KPP i FARC-EP: istoki [Rural defense strategy of the checkpoint and FARC-EP: Origins]. In: A. I. Donchenko (ed.). *Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского: Сборник докладов [Readings in memory of Professor E. P. Sychevsky: Collection of reports]*. Vol. 15. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., pp. 62–72. (In Russian)

- Girin, Yu. N. (2013) *Violensiya kak tip kul'tury. Kolumbijskij variant* [Violencia as a type of culture. The Colombian version]. *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 97–107. (In Russian)
- Jeifets, V. L. (2019) *Nasledniki "violensii": evolyutsiya FARC v 1990-e gg.* [The heirs of Violencia: The evolution of the FARC in the 1990s]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manakh — Latin-American Historical Almanac*, no. 21, pp. 274–287. (In Russian)
- П'ина, Н. Г. (1968) *Politicheskaya bor'ba v Kolumbii (1946–1957)* [Political struggle in Colombia (1946–1957)]. Moscow: Nauka Publ., 246 p. (In Russian)
- Sánchez, G. (1992) "The Violence": An interpretive synthesis. In: C. W. Bergquist, R. Peñaranda, G. G. Sánchez (eds.). *Violence in Colombia: The contemporary crisis in historical perspective*. Wilmington, DE: Scholarly Resources Books, 186 p. (In English)

Сведения об авторе

Оксана Николаевна Сова, e-mail: alexdon@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета

Author

Oksana N. Sova, e-mail: alexdon@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University

Художественные тексты в контексте культурологического образования (несколько замечаний о современной восточной литературе)

В. Н. Кардапольцева^{✉1}, А. А. Качалова¹

¹ Уральский государственный горный университет, 620144, Россия, Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 30

Для цитирования:

Кардапольцева, В. Н., Качалова, А. А. (2020) Художественные тексты в контексте культурологического образования (несколько замечаний о современной восточной литературе). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 170–177. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-170-177

Получена 31 мая 2020; прошла рецензирование 15 августа 2020; принята 15 августа 2020.

Права: © Авторы (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Благодаря культурологическому знанию происходит овладение ценностями прошлого и лучшими достижениями современности, что способствует формированию целостной личности. Художественная литература как важная составляющая культурологического знания вследствие своей полифункциональности во многом осуществляет гармоничный синтез науки, техники и искусства, способствует личностному росту и пути к самоутверждению. Посредством литературных текстов происходит осмысление динамических социокультурных процессов прошлого, настоящего и появляется возможность заглянуть в будущее. Предметом исследования данной статьи является современная зарубежная литература, позволяющая погрузиться в иное социокультурное пространство, расширить знания о культуре и мировоззренческие установки будущего специалиста. Выделяется несколько тематических стратегий, репрезентируемых в художественных текстах зарубежной литературы. Анализ текстов зарубежной литературы позволил выявить магистральные тематические и проблемные векторы современной социокультурной ситуации, презентуемые в большинстве произведений: пути самореализации современной молодежи, поиск смысла жизни, своего места в сложном и меняющемся мире; идентификация другого/иного в мире социума; толерантность/нетолерантность (национальная, этническая); семейные отношения (проблемы воспитания, отчужденности, насилия в семье); формирование, становление/разрушение личности и пр.

В настоящей статье в качестве иллюстративного материала представлены тексты литературы Востока как менее освоенные читательской аудиторией. Приведены примеры, которые, на наш взгляд, более рельефно актуализируют проблемы социокультурной ситуации, волнующие современную студенческую аудиторию. Все авторы отличаются своеобразием почерка, собственной стилистикой, разнообразием сюжетной линии. Погружение в мир художественной литературы способствует формированию человека высокой культуры, развитию эстетического вкуса, эвристического мышления, расширяет мировоззренческие ориентиры, обеспечивая оптимальную адаптацию выпускника вуза в условиях экономики и рыночных отношений, инициирует потребность в саморазвитии и самоутверждении в качестве самостоятельного творческого субъекта культуры.

Ключевые слова: художественные тексты, общекультурный диапазон, гуманитарно-художественные знания, художественная зарубежная литература, человекотворчество, диалектическая взаимосвязь литературы и личности, средство всеобщей связи, поле литературы, мир повседневности, социокультурное пространство.

Fiction in the context of cultural education (Some comments concerning modern oriental literature)

V. N. Kardapoltseva^{✉1}, A. A. Kachalova¹

¹ Ural State Mining University, 30 Kuibyshev Str., Yekaterinburg 620144, Russia

For citation:

Kardapoltseva, V. N., Kachalova, A. A. (2020) Fiction in the context of cultural education (Some comments concerning modern oriental literature). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 170–177. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-170-177

Received 31 May 2020;
reviewed 15 August 2020;
accepted 15 August 2020.

Copyright: © The Authors (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. This research focuses on modern foreign literature which introduces readers to the socio-cultural field and widens the outlook of future professionals. Cultural knowledge allows to embrace both the values of the past and the best achievements of the present, which contributes to the formation of a well-rounded personality. Fiction is an important component of cultural knowledge thanks to its polyfunctional nature — it is a harmonious synthesis of science, technology and art, it facilitates personal growth and self-fulfillment. There are several strategies represented in foreign fiction. The article focuses on the following aspects vividly described in the 20th century literature: self-realization, self-development, self-discovery, the identification of “the other/another” in social dimension, the relations between the person and the family, the person and the society as well as person to person relations. The evidence is taken from Eastern literature, which is less known to Russian readers. The article features examples that, in our opinion, highlight the socio-cultural issues that concern modern student audience.

The article concludes that the world of fiction shapes a citizen and a highly cultured person. It develops heuristic thinking, esthetic taste and ideals and facilitates a more effective adaptation of a university graduate in market economy.

Not only fiction as a whole, but also everyday realia provide for an integrated function of fiction in the educational process. As a whole, fiction forms students’ need for self-realization and self-assertion as an individual creative agent of culture, as a definite personality.

Keywords: fiction texts, general cultural outlook, social and artistic knowledge, foreign fiction, human creativity, dialectical relationship between literature and personality, means of universal communication, field of literature, everyday world, social and cultural space.

Культурология как интегративная область знаний играет важнейшую роль в процессе становления личности и предполагает погружение в разные ее сферы. В образовательном контексте эта научная дисциплина в большей степени, чем любая другая, помогает решить задачу формирования духовно богатой, социально мобильной личности, способной проявить свою индивидуальность и реализоваться в той или иной творческой деятельности. Студент должен иметь широкий общекультурный диапазон знаний, быть способным отличать подлинную культуру от ее суррогатов, сохранять, распространять, приумножать культурное богатство, пополняя его материальными и духовными ценностями. Культурология позволяет органично интегрировать обучение и воспитание, формировать мировоззрение, потребности в становлении духовно богатой, социально мобильной, обладающей чувством собственного достоинства личности, способной реализоваться в области как технического, так и гуманитар-

ного направления. Благодаря культурологическому знанию происходит овладение ценностями прошлого и лучшими достижениями современности, что способствует формированию целостной личности (Кардапольцева 2017).

Художественная литература вследствие своей полифункциональности рассматривается как значимая составляющая в процессе освоения самых разнообразных дисциплин, культурологии в особенности, как важнейшая составляющая личностного роста и пути к самоутверждению. Именно через художественное творчество, литературу в частности, во многом осуществляется гармоничный синтез науки, техники и искусства, культуры в целом (Кардапольцева 2015). Посредством литературных текстов происходит осмысление динамических социокультурных процессов прошлого, настоящего и появляется возможность заглянуть в будущее. Главной функцией и художественной литературы, и культурологии можно назвать *человекотвор-*

ческую, благодаря которой происходит формирование личности в качестве активного субъекта, создателя, творца, способного сохранить и преобразовать окружающий мир и самого себя (Кардапольцева 2017). Именно благодаря гуманитарной составляющей происходит органическое слияние, взаимное отождествление двух начал — духовного и материального. Нельзя не согласиться с суждением Нила Геймана, современного английского писателя, исследователя литературы, который в одной из своих работ отмечает: «Знали бы вы, как часто литература предсказывает судьбы науки... Ученым следовало бы больше читать, стимулируя свою фантазию» (Гейман 2017, 162).

Ни для кого не секрет, что бюрократизированный социум, наполненный гаджетами, не инициирует современную молодежь, студенчество в том числе, погружаться в мир книжной культуры, в литературные тексты, осознавать ее ключевые направления и художественно-стилистические особенности. Интеграция художественных текстов в образовательный процесс позволит в определенной степени минимизировать это важное упущение. Многолетний опыт работы со студентами свидетельствует о том, что большинство из них интересуется особенностями молодежной культуры других стран, миром повседневности разных культурных регионов. Предметом рассмотрения данной статьи является современная *зарубежная* литература, поскольку многочисленные тексты зарубежных авторов (как европейских, так и восточных регионов) позволяют студенту выйти за границы отечественного культурного пространства, за пределы привычного социума, осознать многовекторность и общность пульсирующих проблем, существующих вне зависимости от региона и национальности.

В последние годы российский читатель имеет возможность познакомиться с множеством ярких имен, презентующих общие и важные проблемные векторы. О пульсирующих проблемах времени с убедительной достоверностью повествуют К. Гир, Н. Барро, И. Кюрти (*Германия*); Ф. Бегдебер, А. Гавальда, В. Собат, К. Панколь, М. Леви, Г. Мюссо, Б. Мюриель (*Франция*); С. Ахерн, Дж. Бойн, М. Бинчи (*Ирландия*); Х. Вассму, Ю. Несбе, Т. Ренберг (*Норвегия*); К. Ингемарсон, Л. Олссон, М. Фредрикссон (*Швеция*); А. Брэдди, М. Этвуд (*Канада*); К. Аткинсон, Н. Гейман, Дж. Грин, Л. Кларк, Дж. Мойес, Дж. Роулинг, Д. Сеттерфильд, Д. Фаулз, С. Фолкс, С. Фрай (*Англия*); Л. Вайсберг, Э. Гилберт, Э. Пру, Д. Тартт, У. Швальбе, Д. Киз, Н. Робертс, Д. Стил (*Америка*); А. Барико, П. Джордано,

К. Ферранте (*Италия*); П. Кэри, Дж. М. Кудзее (*Австралия*); К. Грохоля, Я. Вишневицкий (*Польша*); К. Исигуро, Х. Мураками (*Япония*); Х. Хосейни (*Америка, Афганистан*); Дэ Сижжи (*Китай*); Лиза Си (*Корея*); О. Памук (*Турция*) и мн. др. Многообразие и многовекторность социокультурных пространств, представленных в художественных текстах авторов разных стран, помогут представить национальные особенности, традиции, своеобразие культурных доминант, способы передачи культурного опыта, пересмотреть особенности национального самосознания и взаимоотношения культур, подвергнуть сомнению многие каноны. Все авторы отличаются своеобразием художественного почерка, собственной стилистикой, разнообразием сюжетной линии. Анализ изданных в последние годы зарубежных текстов позволил выявить единые магистральные тематические и проблемные векторы, актуализируемые в большинстве произведений: *пути самореализации современной молодежи, поиск смысла жизни, своего места в сложном и меняющемся мире; идентификация другого/иного в мире социума; толерантность/интолерантность (национальная, этническая); семейные отношения (проблемы воспитания, отчужденности, насилия в семье); формирование, становление/разрушение личности и пр.*

Читательской аудиторией чаще отдается предпочтение книгам западных авторов. В настоящей статье из числа художественных произведений, изданных в последние годы, хотелось бы остановиться на нескольких текстах *восточной* культуры, где рельефно отражен загадочный и в определенной степени закрытый и недостаточно знакомый отечественному читателю мир, и которые более объемно, на наш взгляд, актуализируют проблемы, волнующие студенческую аудиторию. В работе не рассматриваются методические приемы введения художественных текстов в корпус учебных занятий, этому может быть посвящена отдельная работа. Также не предполагается теоретизирование по поводу значения и роли литературы, ее современных потоках — жанровых, стилевых, субкультурных. Об этом немало интересных, основательных и глубоких публикаций (В. Я. Аскарова, Д. П. Зылевич, Г. М. Казакова, Т. Я. Кузнецова, Ю. П. Мелентьева, Т. Д. Рубанова, Ю. Н. Столяров, О. Г. Сидорова, М. А. Черняк и мн. др.), для которых характерна глубина погружения в проблему и многие из которых внесли определенный вклад в развитие читательской культуры. Задача настоящей публикации — познакомить с некоторыми современными

художественными текстами *восточной* культуры, наиболее близкими своим проблемным полем интересам сегодняшней молодежи.

В центре внимания многих авторов, живущих в странах с различным политическим строем, далеких друг от друга по религиозным предпочтениям, национально-этническим доминантам, находятся схожие антитезы и проблемы: человек — общество/человек — человек/человек — природа; влияние европейской культуры, ее системы ценностей на формирование восточной культуры; поиск и утрата самоидентификации отдельной личности и нации; творчество как самореализация; обретение корней; поиск смысла жизни и связей с миром; место и роль женщины в семье, обществе, культуре. Эти культурологические проблемы в разной степени достоверности и глубины звучат со страниц произведений К. Исигуро, Х. Хосейни, Д. Сиджи, Мин Чжин Ли, Л. Си, О. Памука и многих других восточных писателей. Их произведения погружают в незнакомый, почти неведомый широкой читательской аудитории мир Востока.

Самоидентификация *другого/иного* в мире социума, где, как правило, закреплены иерархические, национальные, религиозные, морально-нравственные и прочие стереотипы, вызывая оппозицию со стороны общества. чрезвычайно важна для человека, вступающего в жизнь. Категория «*другости*» не раз поднималась в современном науковедении. Работы выдающихся мыслителей XX века — Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера — возвысили «*другость*» до важнейшей философской проблемы. Исчерпывающий экскурс в проблему *другого*, об отношении к нему в обществе и художественной культуре, осуществляет известный культуролог Е. Н. Шапинская (Шапинская 2012; 2019). Обобщая исследования прошлого и настоящего, опираясь на тексты литературы, музыки, кинематографа, ученый делает вывод, что тип *другого* не зависит ни от времени, ни от пространства и встречается в культурных текстах всех времен и народов и не обусловлен историко-культурным контекстом (Шапинская 2012; 2019). На страницах многих современных произведений *другой* позиционирует себя в социокультурном пространстве как по собственному выбору, так и для утверждения своего субъектного статуса. В литературе Востока последних лет презентация *другого*, вобравшего все сложности и противоречия культуры по национальному, гендерному, субкультурному и прочим признакам, стала одной из сквозных тем.

Другой в социальном и гендерном аспекте, а также по отношению к другому субъекту представлен в произведении «*Снежный цветок и заветный веер*» Лизы Си — историка, журналиста, писателя с китайскими корнями (Си 2018). Роман переносит читателя в причудливый и колоритный мир китайской культуры XIX века на примере судеб двух подруг-китаянок из разных социальных слоев, разных по характеру, по своим мировоззренческим установкам, но близких своим приниженным положением по отношению к мужчине. Жизнями женщин управляет конфуцианский идеал: «“Три повиновения”, которые гласят: “Девочкой повинуйся своему отцу; женой повинуйся своему мужу; вдовой повинуйся своему сыну”» (Си 2018, 38). От лица главной героини Лилии, девушки из низшего социального слоя, дано скрупулезное исторически достоверное художественное повествование о культуре Востока XIX века. «Я была лишь средством получения выгоды», — с горечью вспоминает Лилия (Си 2018, 37). Через призму ее восприятия приоткрывается завеса над тайной *особого*, изолированного мира китайской женщины, воспринимаемой в культуре Китая как *другой* низшего сорта. Описаны жесткие и мучительные ритуальные церемонии каждого этапа становления и взросления девочки, девушки, женщины, порой шокирующие и пугающие своей суровостью и непреклонностью. «В городах девочкам благородного происхождения бинтовали ноги с 3 лет, в самом обычном уезде с 6, в дальних провинциях около 13 лет, на время, с замужеством разбинтовывали, чтобы работать в поле вместе с мужьями» (Си 2018, 27).

Воспоминания Лилии воспроизводят повседневную жизнь простых китаянок, рассказывают о мучительных и неизбежных болях забинтованных ног и о сладостном мире тишины женских комнат с зарешеченными окнами; о печальных или счастливых песнях; безграничной покорности и тайной женской письменности, раскрывающей потаенные уголки души. Любовь к жизни, духовная и душевная сила помогают бесправной восточной женщине вынести физическую и моральную боль, связанную с унижительными традициями, преодолеть все препятствия и пройти путь от «никчемной девчонки» из бедной семьи до почтенной и влиятельной вдовы. «*Снежный цветок и заветный веер*» Лизы Си — увлекательное, эмоциональное и в то же время пугающе реалистичное произведение. Это песнь о женской дружбе, грустной и трогательной, которая помогает преодолеть многие трудности, способствует самоутверждению и самореализации.

Иное сюжетное развитие, иная тональность характеризует роман «*Бальзак и портниха-китайночка*» (Сижэ 2001) французского писателя с китайскими корнями Дэ Сижэ (псевдоним *Дай Сы-цзе*), который на себе испытал все тяжести пребывания в ссылке в период культурной революции. Автор воссоздает одну из неприглядных страниц истории Китая и погружает читателя в драматический период китайской культуры 70-х гг. XX века, ее быт, устои, традиции. Представлены нелегкие события жизни двух героев, молодых пекинских «интеллектуалов», *других* по политическим убеждениям их родителей, отправленных на перевоспитание в нищую горную деревню. Повествование уносит читателя в самое сердце китайской провинции, где рядом с необразованными деревенскими жителями соседствуют удивительные пейзажи, оттеняя глубину и значимость сюжетов запрещенных в Китае западных книг, которые чудом попадают к героям, кардинально изменив их жизнь. Даны суровые реалии времен «великого кормчего» вождя Мао: ссылка детей врагов народа на трудовое перевоспитание, откуда, как правило, не возвращаются; изнуряющий тяжкий труд на рисовых полях и в шахтах, запрет на чтение книг. Друзья благодаря хитрости и предприимчивости достали книгу Бальзака и подарили безграмотной портнихе-китайночке, с которой познакомились в ссылке, в надежде на ее духовное перерождение. Несмотря на драматизм и очевидную тягостность обстановки времен Мао, события в произведении Дэ Сижэ передаются как своеобразные приключения: используется мягкий юмор, местный колорит, шутивная манера смеха сквозь слезы, снижающая драматизм и наполняющая повествование оптимистическими нотами.

Более глубокой в содержательном отношении и более острой по проблематике является трилогия американского писателя Халеда Хоссейни — «*Бегущая за ветром*», «*Тысяча сияющих солнц*», «*И эхо летит по горам*» (Хоссейни 2014; 2015; 2018). Повествование отличается многоплановостью тем, драматизмом сюжета, откровенностью сцен, глубиной поставленных проблем. Перед читателем предстает проникновенное произведение о войне, любви, вражде, жестокости, доброте, преданности, верности, написанное автором афганского происхождения, о событиях, свидетелями которых были его близкие. В произведении с удивительной глубиной и достоверностью переданы исторические и политические события социокультурной жизни Афганистана, раскрыты страшные и трагические страницы 1970–2000 гг. Перед читателем

проходят ужасы гражданской войны, жестокого режима талибов последнего десятилетия XX века. Цветущий и красивый Кабул с развитой культурой превращен в развалины. Представлена широкая картина культурной жизни на Ближнем Востоке, традиции и обычаи, показан далекий и неведомый мир афганской женщины, о чем думает она, прикрытая хиджабом, полностью закрывающим лицо. С невероятным знанием женской души передана ее боль, муки, страдания, мысли, истинная сила любви, самопожертвования ради близких. Поиск и утрата самоидентификации отдельной личности и нации — одна из ключевых в трилогии. Хоссейни — писателя, врача (романы писал по утрам, перед работой) — волнуют отношения Афганистана с остальным миром, что стало с теми, кто уехал, и какие душевные травмы получили те, кто остался. Несмотря на то, что автор давно живет за пределами Афганистана, основной тематикой творчества Халеда продолжает оставаться судьба этой страны и ее народа. В своих произведениях автор поднимает множество культурологических проблем: религия, национальная и этническая принадлежность, жизнь в эмиграции. Для него чрезвычайно важны нравственно-этические аспекты: взаимоотношения отцов и детей, трусость и малодушие, дети на войне. Это истинный сын своего народа, живущий заботой о его благе, сохранении и процветании культуры.

Высокую оценку этому роману дают герои автобиографического романа «*Книжный клуб конца жизни*» американского журналиста и писателя Уилла Швальбе (Швальбе 2018). Основу романа представляют размышления и споры двух героев, матери и сына, интеллектуалов, знатоков литературы, о прочитанных вместе книгах. Это занятие двух членов книжного клуба, эрудитов, помогает отвлечься от неизлечимого заболевания матери и наполнить последние дни ее жизни смыслом. Прочитанные романы Хоссейни произвели на героев «книжного клуба» Швальбе сильное впечатление. По их мнению, это книга, которая показывает «человеческое лицо афганского народа» (Швальбе 2018, 55). В одном из диалогов они цитируют справедливое высказывание английского драматурга, писателя, актера Алана Беннетта: «Книга предназначена не для времяпрепровождения, а для жизни» (Швальбе 2018, 153). С этими суждениями нельзя не согласиться.

Размышляя о месте зарубежной литературы в контексте культурологического образования, было бы уместным рассмотреть произведение, в котором аккумулируются жизненные ценности,

обычай, быт жителей Восточной Азии. Это масштабная семейная сага «Дорога в тысячу ли», созданная американкой корейского происхождения Мин Чжин Ли (Ли 2018). Несмотря на полифонизм образов, связующей нитью повествования является жизнь и судьба кореянки Сонджи, которая сумела сохранить человеческое достоинство и силу духа, вопреки колоссальным потрясениям, выпавшим на ее долю. Действие разворачивается на фоне событий Второй мировой войны.

Автором рассказана яркая, живая история нескольких поколений (более чем полувековая), длившаяся в течение XX века на маленьком острове Иондзу, близ корейского портового города Пусана. Первая мировая, Вторая мировая, оккупация Кореи, гражданская война, разделение страны — вехи, нашедшие отражение в эпопее Мин Чжин Ли. Раскрыта история давних сложных отношений японцев и корейцев, рассказано о тех, кто родился и жил в Корее, и тех, кто родился и умер в Японии, о необходимости балансировать между двумя национальными культурами. Читателю дана возможность посмотреть на события с разных точек зрения. Повествование ведется не только сквозь призму нескольких поколений, но и через переплетение судеб простых людей, позволяя проникнуться их мыслями, чувствами, переживаниями. В романе много внимания уделено особенностям культуры в традиционной и современной корейских семьях, обозначены особенности и своеобразие корейского колорита, мужской чести и достоинства, женской верности и непомерной силы материнской любви. Толерантность и нетолерантность по отношению к людям, нациям, народностям, пути самоидентификации — ведущие темы эпопеи, то, что сближает роман Мин Чжин Ли и творчество Хоссейни. *Идентификация другого/иного в социуме* — одна из ведущих тем этой семейной саги: тема *другого*, «человека без Родины», «дзаиничи» (этнические корейцы в Японии) и их места на оккупированной японцами территории. Кто ты, если родился и прожил всю жизнь в Японии, по-корейски не говоришь? Японцы все равно воспринимают тебя человеком второго сорта. Для корейцев официально были закрыты социальные лифты. Возможно ли, оторвавшись от семьи, имея хорошее американское образование, получить новую идентичность или национальные и этнические корни все равно тебя определяют, и ты навсегда останешься *другим* в мире, где родился и прожил всю жизнь. Масштабная сага «Дорога в тысячу ли» на примере нескольких поколений одной семьи про-

слеживает смену ценностей по мере смены поколений и места жительства. Это роман о чести, национальном достоинстве, о том, чем человек готов пожертвовать ради семьи. На фоне истории одной семьи передана культурная атмосфера меняющейся и развивающейся Азии.

Интересным по многовекторности поставленных проблем и близким по масштабности с сагой Мин Чжин Ли является роман турецкого писателя Орхана Памука «Джевдет-бей и сыновья» (Памук 2007). Эта семейная сага раскрывает историю жизни и культуры трех поколений состоятельной стамбульской семьи, переживающей процесс перехода к новому образу жизни, к новым ценностям и приоритетам. Реминисценции романов «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, «Будденброки» Т. Манна передают своеобразие культурной жизни Турции в течение длительного периода 1905–1970 гг. Неспешное авторское повествование представляет меняющуюся на протяжении XX века культуру Стамбула.

Поиск смысла жизни, своего места в сложном и меняющемся мире — одна из множества проблем в романе Памука. Желание идентифицировать себя как творческую личность, быть другим, более наполненным и разносторонним, максимально реализовать себя проходит через все повествование. «Я не такой как все» (Памук 2007, 8), — размышление Джевдета-бея, главного героя саги, — отправная точка развития сюжета. «Один я, один...» (Памук 2007, 37) — мысль, которая рефреном проходит в романе. Это чувство постоянно испытывает герой, несмотря на достаточно высокое социальное положение и материальный достаток, что отнюдь не добавляет ему настоящих друзей.

Современная художественная литература обращена к миру повседневности не в меньшей степени, нежели к социально-политическим аспектам, поскольку именно повседневность позволяет оттенить особенности времени, аккумулируя творческий потенциал личности, ее становление и самоопределение. В романе «Джевдет-бей и сыновья» представлена целая галерея образов, особенно рельефно выписаны разные женские типы (Кардапольцева 2005), их вкусы, занятия, особенности быта. Автор сочувственно относится к униженному положению женщины: «Наших женщин, словно рабынь, тащат в суд, едва заметят, что они не соблюдают пост в Рамадан» (Памук 2007, 48). Подчеркивая статусность, материальное благополучие одной из сановитых особ и одновременно актуализируя своеобразие повседневной культуры Турции начала XX века, автор дает

подробное описание обстановки дома: «Джевет-бей вошел в просторную комнату, осмотрел расшитое золотом кресло с ножками, напоминающими кошачьи лапы. В углу стоял небольшой сундучок, инкрустированный перламутром, заметил на стуле такую же инкрустацию, увидел, что и кресло, и диван инкрустированы перламутром» (Памук 2007, 379).

В финале романа, в период изменившейся политической и культурной обстановки 70-х гг., эта вычурная мебель и не менее роскошная посуда находились невостребованными в углу большой спальни умирающей хозяйки, символизируя крушение идеалов старого мира.

Две основные линии получают развитие в эпопее Памука: с одной стороны, история Джевет-бея, его сыновей, внуков, с другой — история меняющейся и развивающейся культуры Турции: Османская империя на пороге своего краха при последнем султани; последние годы правления Ататюрка, становление светского государства в атмосфере мировых войн, Турция 70-х гг. XX в., время волнений, беспорядков, нависшей угрозы военного переворота. Действие романа развивается в одном из стамбульских районов Нишанташи, где родился О. Памук, который не понаслышке знаком с трансформациями, связанными с переходом от семейно-традиционного образа жизни к индивидуально ориентированным семейным отношениям. Происходит осмысление динамических социокультурных процессов прошлого и настоящего Турции.

Личная позиция автора, связанная с политическими и национальными проблемами, звучащая в произведениях, сделала его противоречивой фигурой среди соотечественников, что не мешает ему оставаться достаточно открытым в раскрытии пульсирующих тем времени. В романе «Джевет-бей и сыновья» находит отражение множество проблем: социальное неравенство, преемственность традиций или их утрата, одиночество, выбор пути, поиск смысла жизни, самоутверждение молодежи в меняющемся социуме, место и роль искусства, политические аспекты, семья, положение женщины, свобода от предрассудков и суеверий и пр. Автор показывает своих героев как носителей норм и ценностей, присущих турецкому

менталитету; влияние европейской культуры, ее системы ценностей на формирование восточной культуры; поиск и утрату самоидентификации отдельной личности и нации; проводит компаративную линию между Востоком и Западом. Раскрыто непреодолимое стремление героев найти место в изменчивом мире, в противостоянии Востока и Запада, ислама и христианства, традиций и современности. Все это, необходимое молодому поколению, стоящему на перекрестке дорог, находит отражение в семейной саге нобелевского лауреата Орхана Памука «Джевет-бей и сыновья».

Современные образовательные тенденции приводят к обеднению эмоциональной сферы. Литературные тексты не только отражают действительность, сложившиеся общественные и личные отношения, но и выступают в качестве инструмента формирования представлений о мире, нормах, ценностях, нравственных, этических ориентирах, в основе которых эмоции и чувства. Художественная литература во все времена несла важные человекотворческие функции. Погружение в мир художественных текстов в аспекте культурологического образования видится вполне продуктивным, поскольку подобный синтез решает важную стратегическую задачу стабилизации общества (Кардапольцева 2017), формирования уважительного и бережного отношения к традициям иной культуры, восточной в том числе, толерантного восприятия национальных и культурных различий, целостной личности. Раздумья о границах Востока и Запада, о духовных истоках, неизменности сущностной природы человека — проблемные векторы, озвученные в произведениях Х. Хосейни, Д. Сиджиди, М. Ч. Ли, А. Си, О. Памука и других восточных писателей, надеемся, помогут «разобраться в пестрой путанице мыслей» непростого многополярного XXI столетия. Вряд ли в наш компьютеризированный век тотальной цифровизации книга превратится в «факультет ненужных вещей». Художественные тексты еще долго будут давать пищу для сердца и ума, являясь неотъемлемой частью культурологического образования, формируя у молодежи потребности в саморазвитии и самоутверждении в качестве самостоятельного творческого субъекта культуры.

Источники

- Гейман, Н. (2017) *Вид с дешевых мест*. М.: АСТ, 576 с.
Ли, М. Ч. (2018) *Дорога в тысячу ли*. СПб.: Аркадия, 528 с.
Памук, О. (2007) *Джевет-Бей и сыновья*. СПб.: Амфора, 736 с.
Си, А. (2018) *Снежный цветок и заветный веер*. СПб.: Аркадия, 416 с.

- Сижи, Д. (2001) *Бальзак и портниха китаяночка*. 2-е изд. СПб.: Кристалл, 158 с.
Хоссейни, Х. (2014) *Бегающие за ветром*. М.: Фантом Пресс, 416 с.
Хоссейни, Х. (2015) *И эхо летит по горам*. М.: Фантом Пресс, 446 с.
Хоссейни, Х. (2018) *Тысяча сияющих солнц*. М.: Фантом Пресс, 416 с.
Швальбе, У. (2018) *Книжный клуб конца жизни*. М.: Издательство «Э», 400 с.

Литература

- Кардапольцева, В. Н. (2005) *Женщина и женственность в русской культуре*. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного горного университета, 432 с.
Кардапольцева, В. Н. (2015) Интегративные возможности художественной литературы в контексте гуманитарных дисциплин. *Мир науки, культуры, образования*, № 2 (51), с. 209–211.
Кардапольцева, В. Н. (2017) Некоторые аспекты высшего образования в контексте современной культуры. *Известия высших учебных заведений. Горный журнал*, № 2, с. 106–111.
Шапинская, Е. Н. (2012) *Образ Другого в текстах культуры*. М.: URSS, 216 с.
Шапинская, Е. Н. (2019) Образы прошлого в (пост)современных репрезентациях. *Культура и искусство*, № 9, с. 70–82. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.9.30515

Sources

- Gaiman, N. (2017) *The view from the cheap seats: Selected nonfictions*. Moscow: AST Publ., 576 p. (In Russian)
Hosseini, Kh. (2014) *The kite runner*. Moscow: Fantom Press Publ., 416 p. (In Russian)
Hosseini, Kh. (2015) *And the mountains echoed*. Moscow: Fantom Press Publ., 446 p. (In Russian)
Hosseini, Kh. (2018) *A thousand splendid suns*. Moscow: Fantom Press Publ., 2016. 416 p. (In Russian)
Lee, M. J. (2018) *Pachinko*. Saint Petersburg: Arcadia Publ., 528 p. (In Russian)
Pamuk, O. (2007) *Cevdet Bey and his sons*. Saint Petersburg: Amfora Publ., 736 p. (In Russian)
Schwalbe, W. (2018) *The end of your life book club*. Moscow: "E" Publ., 400 p. (In Russian)
See, L. (2018) *Snow flower and the secret fan*. Saint Petersburg: Arcadia Publ., 416 p. (In Russian)
Sijie, D. (2001) *Balzac and the little Chinese seamstress*. 2nd ed. Saint Petersburg: Kristall Publ., 158 p. (In Russian)

References

- Kardapol'tseva, V. N. (2005) *Zhenshchina i zhenstvennost' v russkoj kul'ture [Woman and femininity in Russian culture]*. Ekaterinburg: Ural State Mining University Publ., 432 p. (In Russian)
Kardapol'tseva, V. N. (2015) Integrativnye vozmozhnosti khudozhestvennoj literatury v kontekste gumanitarnykh distsiplin [Fiction literature and humanitarian disciplines: Links and influences]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — The World of Science, Culture and Education*, no. 2 (51), pp. 209–211. (In Russian)
Kardapol'tseva, V. N. (2017) Nekotorye aspekty vysshego obrazovaniya v kontekste sovremennoj kul'tury [Some aspects of higher education in the context of modern culture]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Gornyj zhurnal — News of the Higher Institutions. Mining Journal*, no. 2, pp. 106–111. (In Russian)
Shapinskaya, E. N. (2012) *Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury [The image of the Other in cultural texts]*. Moscow: URSS Publ., 216 p. (In Russian)
Shapinskaya, E. N. (2019) Obrazy proshlogo v (post)sovremennykh reprezentatsiyakh [Images of the past in (post)modern representations]. *Kul'tura i iskusstvo — Culture and Art*, no. 9, pp. 70–82. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.9.30515 (In Russian)

Сведения об авторах

Валентина Николаевна Кардапольцева, e-mail: kardapol@mail.ru

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой художественного проектирования и теории творчества Уральского государственного горного университета

Алена Аркадьевна Качалова, e-mail: krivljaka@mail.ru

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры художественного проектирования и теории творчества Уральского государственного горного университета

Authors

Valentina N. Kardapol'tseva, e-mail: kardapol@mail.ru

Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor, Head of the Department of Art Design and Creative Theory, Ural State Mining University

Alyena A. Kachalova, e-mail: krivljaka@mail.ru

Candidate of Science (Pedagogy), Assistant Professor, Department of Art Design and Creative Theory, Ural State Mining University

К проблеме телесности в произведениях Степана Эрзы (1876–1959)

Н. А. Розенберг^{✉1}

¹ Общероссийская общественная организация «Ассоциация искусствоведов»,
119049, г. Москва, ул. Крымский вал, д. 8, корп. 2

Для цитирования:

Розенберг, Н. А.
(2020) К проблеме телесности
в произведениях Степана Эрзы
(1876–1959). *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 2, № 2, с. 178–185.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-178-185

Получена 10 июня 2020; прошла
рецензирование 15 августа 2020;
принята 15 августа 2020.

Финансирование: Работа
написана при поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований
(проект № 20012-00428).

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Попытки понять искусство С. Эрзы исходя из сложных обстоятельств его жизни малоубедительны. Его личность выдержала испытания голодом, славой в Европе и Аргентине, коммерческим успехом, давлением властей и попытками манипулировать волей художника. Побудительным толчком для создания произведений, которые принесли ему европейскую известность, стали события первой русской революции 1905–1907 гг., в которых он принимал участие и из-за которых вынужден был покинуть Россию. Мастерство Эрзы сформировалось на основе итальянской возрожденческой традиции, европейского неоклассицизма, отчасти импрессионизма. Принципы соцреализма он не принял. Эрзя великолепно владел мрамором, а впоследствии стал единственным в мире мастером, освоившим твердые породы дерева аргентинских лесов. Актуальность исследования состоит в утверждении, что творчество скульптора обусловлено его открытиями новых выразительных возможностей человеческого тела, воплощенных в телесности созданных им станковых и монументальных скульптур. Эрзя существенно обновил иконографию устоявшихся в истории искусства образов. Эти выводы сделаны на основе методов собственно искусствоведческого анализа и феноменологического подхода. Вряд ли поддается точному учету общее количество созданных скульптором работ. Но среди произведений, которые он сам стремился сохранить и которые привез в Россию по возвращении из Аргентины, особого внимания заслуживают монументальные образы А. Невского, Л. Толстого, Бетховена, Микеланджело, Моисея. В них Эрзя видел духовных вождей человечества, его героев. Символами вечной женственности являются для Эрзы два типа женской красоты. Это праматерь Ева и девушка-нимфа, телесность которой воплотила представления аргентинцев о красоте. Памятью о России стали неповторимые в своей этнической выразительности портреты мордовских и русских крестьян, мужские и женские. Постижение Эрзей искусства и культуры Аргентины было в значительной степени обусловлено его погружением в мистику сельвы. Ее теллургические силы скульптор не раз воплощал в своих произведениях. Возможно, поэтому он так ценил природные особенности дерева как материала. Не только его плотность и цвет, но даже наросты на коре и корни — равноценные художественные средства его произведений. С годами все определеннее в скульптуре Эрзы проявляется эмоциональная сверхнормативность, присущая культуре латиноамериканцев, а также черты транскультурной инверсии.

Ключевые слова: скульптура, иконография, искусствоведческий анализ, феноменологический подход, неоклассицизм, соцреализм, телесность, эмоциональная сверхнормативность, транскультурная инверсия, теллургические силы.

Physicality in the works of Stepan Erzia (1876–1959)

N. A. Rozenberg^{✉1}

¹ All-Russian public organization “Association of Art Critics”, 8 Krimsky Val Str., Bldg 2, Moscow 119049, Russia

For citation:

Rozenberg, N. A. (2020) Physicality in the works of Stepan Erzia (1876–1959). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 178–185. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-178-185

Received 10 June 2020;
reviewed 15 August 2020;
accepted 15 August 2020.

Funding: The paper was written with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 20012-00428).

Copyright: © The Author (2020). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The attempts to understand the art of S. Erzia, based on the complex circumstances of his life, are unconvincing. Erzia's skills were formed on the basis of the Italian Renaissance tradition, European Neoclassicism, and, partly, impressionism. He did not accept the principles of social realism. Erzia was an excellent master of marble, and later became the only master in the world who could work with the hard wood of the Argentine forests. The relevance of the research lies in the novel approach to the sculptor's creativity. The idea is that the sculptor's creativity depends on the discovery of new expressive possibilities of a human body, embodied in the physicality of indoor and monumental sculptures. Erzia significantly updated the iconography of images that were well-established in the history of art. These conclusions are based on the methods of proper art history analysis and phenomenological approach. Among the works that deserve special attention are those that he himself sought to preserve and which he brought to Russia on his return from Argentina. These are the monumental portraits of Alexander Nevsky, Leo Tolstoy, Beethoven, Michelangelo, and Moses. For Erzia they were the spiritual leaders of humanity, its heroes. The symbols of eternal femininity for Erzia are the Mother Eve and the girl-nymph, whose physicality embodied the ideas of Argentines about beauty. The unique portraits of Mordovian and Russian peasants, in their ethnic expressiveness, enshrine the memory of Russia. The sculptor has repeatedly embodied telluric powers and the mysticism of the Selva in his works. Perhaps this is why he so much valued the natural features of wood as a material. Not only its density and color, but even the knurrs on the bark and roots were his no less valuable artistic means. Over the time, Erzia's sculpture shows more and more clearly the emotional excess inherent in the culture of Latin Americans and the features of transcultural inversion.

Keywords: sculpture, iconography, art history analysis, phenomenological approach, neoclassicism, socialist realism, physicality, emotional over-normativeness, transcultural inversion, telluric forces.

Введение

Искусство русско-аргентинского мастера С. Эрзи сравнительно мало известно российскому зрителю. Чтобы увидеть целостную экспозицию его скульптур, потребуется ехать в Саранск, куда после смерти Эрзи они были отправлены из Государственного Русского музея (ГРМ). В столичных музеях было оставлено лишь небольшое количество его работ.

Последняя прижизненная выставка скульптора прошла летом 1954 г. в Москве, на Кузнецком. В Аргентине его скульптуры есть в Буэнос-Айресе, в городах Тандиль и Ресистенсия (Zaldivar 2003, 34–81). Многие его работы попали в частные собрания не только в Аргентине, но и в Италии и Франции. Лучшие из своих произведений Эрзя не стал продавать, мечтая о создании музея, где бы они были представлены полностью. В аргентинский период (1927–1950 гг.) функцию музея в каком-то смысле выполняло одно из помещений дома,

где было ателье мастера. В 1942–1945, 1947 и 1950 гг. скульптуры Эрзи мог посмотреть там любой желающий (Лейкинд, Махров, Северюхин 2000, 649–650). И хотя в российской действительности такую ситуацию представить сложно, Эрзя после феноменального успеха своей выставки в 1954 г. открыл двери своей скромной московской мастерской для посетителей. Среди самых сильных впечатлений своей юности А. Чудаков называет посещение выставки на Кузнецком. Он пишет, в частности: «Выстаивали огромные очереди на выставку только что вернувшегося из Южной Америки Эрзи, который казался гениальным. Рассказывали, что, когда его водили по Москве, спросили, в частности, как он оценивает недавно водруженный памятник Юрию Долгорукому, Эрзя сказал: “Как сумели, так и сделали”» (Чудаков 2018, 326).

Как со стороны властей, так и со стороны части зрителей отношение к искусству скульптора было и остается противоречивым. Так, по возвращении в СССР Эрзя полтора года ждал,

когда у него будет мастерская. Он вынужден был записаться на прием к председателю Комитета по делам искусств, и о том, как прошла встреча, мы сегодня знаем из автобиографии скульптора. Вместо приветствия, — вспоминает Эрзя, — он услышал заявление: «Я три года добивался, чтобы Вас не пустили в СССР! И как Вы смогли сюда заявиться? <...> Ваши работы не советские» (Баранова, Ионова 2006, 385). Не названному по фамилии председателю на деле было хорошо известно, что скульптор вернулся на родину вполне официально и условиями возвращения были создание музея его работ, фильм о его творчестве и мастерская. Возможно, этот председатель даже знал о европейской известности Эрзы и о любви к нему аргентинской публики. Чиновник в грубой и категоричной форме выразил мнение тех советских скульпторов, которые получали большие правительственные заказы, потому что их искусство считалось эталоном соцреализма.

Профессиональное образование Эрзя получил в Москве, с 1902 по 1906 гг. он учился сначала на отделении живописи, а потом живописи и скульптуры, где его преподавателями были С. В. Иванов, С. М. Волнухин и П. Трубецкой. Участие Эрзы в революционных событиях 1905–1906 гг. повлияло на всю его дальнейшую жизнь. Чтобы не попасть в тюрьму и в ссылку, он вынужден был покинуть Россию. В 1906–1910 гг. он жил в Милане, в 1911–1912 гг. — в Париже, в 1913 г. он вернулся в Италию, чтобы работать в каменоломнях Каррары и познакомиться с приемами работы в камне знаменитых каменотесов. Факт признания ими мастерства Эрзы значил для него не меньше, чем успех на Парижских салонах 1910–1913 гг., персональная выставка в Галерее Жоржа Пти и участие в международных выставках в Риме, Милане, Венеции, Ницце и Мюнхене (Zaldivar 2003, 128).

Даже в официальных документах Эрзя называл Италию прекрасной. И могло ли быть иначе, если, несмотря на месяцы лишения в Милане, он обрел здесь надежных друзей среди простых людей, образованного слоя русских эмигрантов, итальянских и русских художественных критиков? Именно они много дней провели с Эрзеей в поездках по Италии, знакомя с архитектурой и ценнейшими собраниями художественных музеев Рима, Флоренции, Венеции. Здесь следует назвать фотографа и художника Тинелли, художественного критика, инспектора музеев Ломбардии У. Неббиа и известного русского писателя и журналиста А. В. Амфитеатрова, вливших в будущее Эрзы.

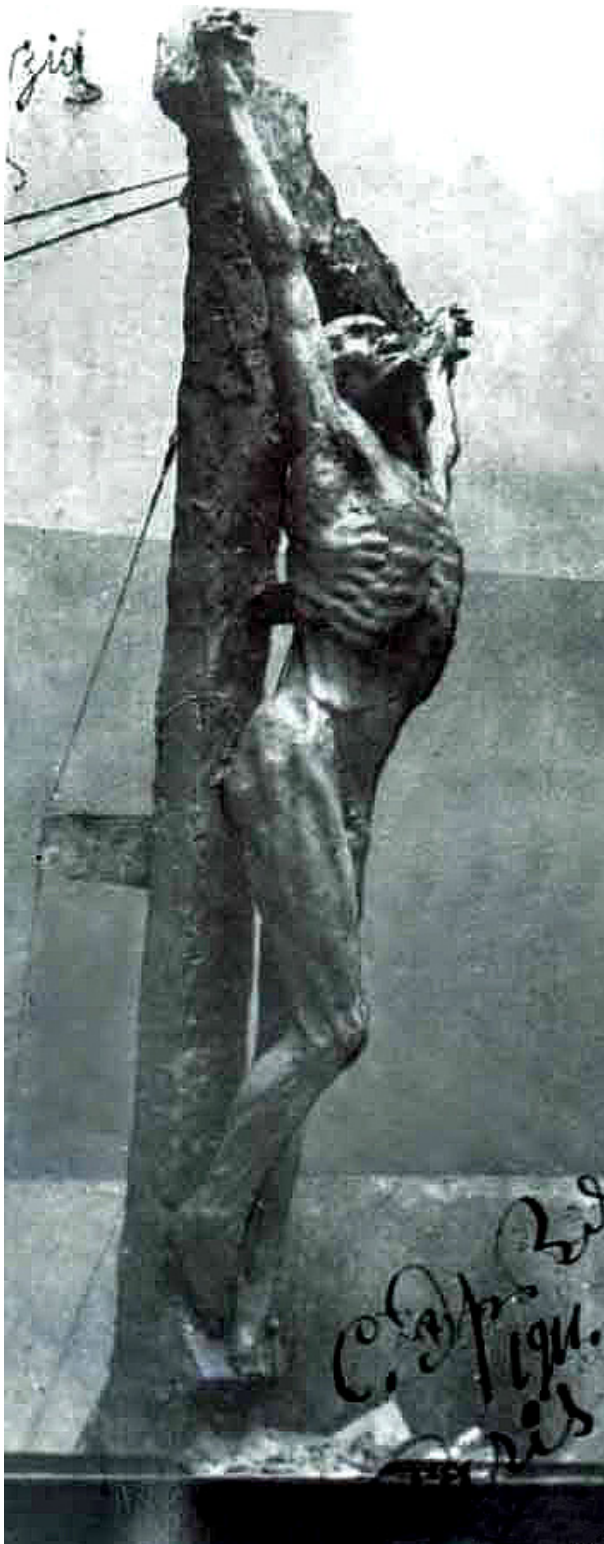
В Милане, где он жил постоянно, перед его глазами находился знаменитый Дуомо (1386–1965) с его великолепной готической архитектурой и шестью тысячами скульптур, выполненными выдающимися мастерами разных эпох. Коллекции античной скульптуры и произведений всех эпох европейского искусства стали для Эрзы подлинной школой мастерства. В музее замка Сфорца он мог изучать «Пьету Ронданини» — одно из последних произведений Микеланджело, перед гением которого он преклонялся всю жизнь.

Основные аспекты творчества Эрзы в контексте телесности его произведений

Эрзя черпал из многих источников, и это не могло не сказаться на его творчестве. На первый взгляд могло показаться, что он не нашел свой стиль. Как позднее отмечал он сам — художественные средства, отличающие различные произведения, обусловлены избранным мотивом. Первоначально он заявил о себе композициями «Последняя ночь заключенного перед казнью» (гипс, 1909 г.), «Расстрел» (бронза, 1909 г.), «Христос распятый» (гипс, 1910 г.), оказавшими на публику международных выставок сильнейшее впечатление. Тема страдания и тема смерти воплощены Эрзеей в пластике обнаженных и полуобнаженных тел, данных в крайнем физическом напряжении. Это жест отчаяния заключенного, полубессознательно вцепившегося в свои лохмотья, это конвульсия боли, проходящая сквозь тело Христа от запрокинутой головы, скрюченных пальцев к впалому и втянутому животу, к беспомощно поджатым коленям и скрещенным стопам. Мускулатура в обеих композициях проработана нарочито рельефно, оба тела показаны в повороте, и это усиливает экспрессию образов. И если на осунувшемся лице заключенного застыло выражение отчаяния и тоски, то из полуоткрытого рта Христа словно вырывается крик: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46).

Многофигурная композиция «Жертвы революции 1905 года» (железобетон, 1926 г.) продолжает тему «Расстрела». Перед нами зрелище разверстой незакопанной могилы, в которой обнаженные женские и мужские тела лежат вперемешку. Здесь иная телесность — человеческая плоть утрачивает свои формы, оплывает. И это производит особенно удручающее впечатление. Оно усиливается синевато-серой тонировкой материала. О творчестве Эрзы

«Христос распятый», 1910 г., фотография

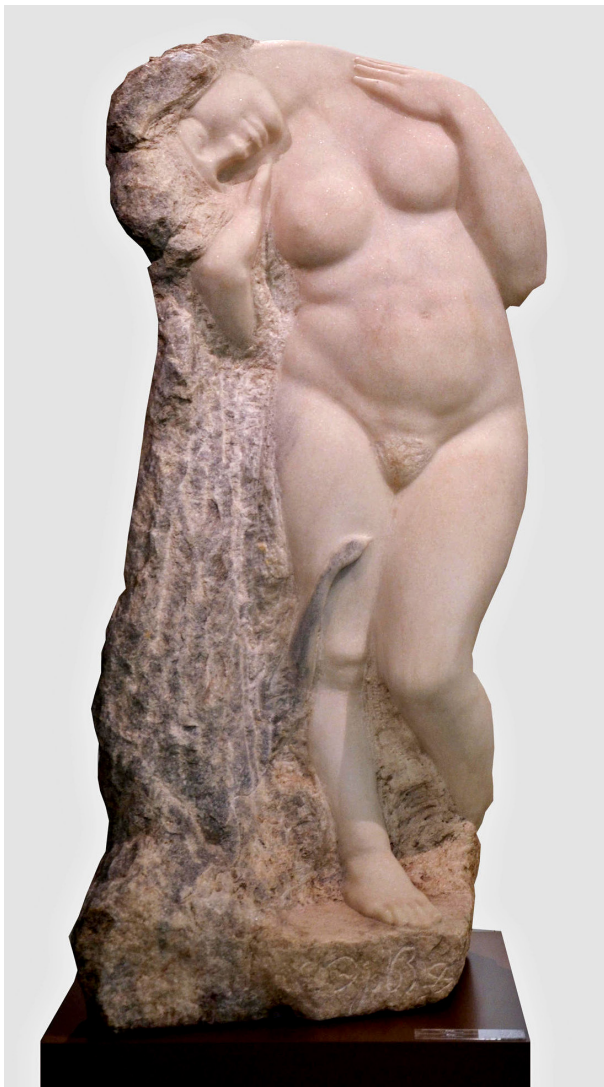
неоднократно писал Уго Неббиа. Характерно название его статьи «Артисту революции Эрзье». Уже в этой работе, посвященной начинающему скульптору, автор подчеркивает очень значимые особенности его личности и его творчества. Впечатляющая сила его искусства, как считает критик, в глубоко пережитых Эрзьей событиях революции и необычайной силе

«...рассудка и сердца автора, истекающего кровью воспоминаний» (цит. по: Баранова, Ионова 2006, 542). Неббиа отмечает, что скульптор не создает на потребу публике полуголых красавиц и хорошо сложенных эфебов, ласкающих глаз буржуа. Он подчеркивает, что движения его персонажей угловаты и что Эрзья стремится воплотить очень сложные состояния.

Жизнеутверждающая сила героев победившей революции была воплощена Эрзьей в его проекте монументального скульптурного комплекса в Екатеринбурге, над которым он работал вместе со своими учениками в 1919–1920 годах. Доминантой комплекса явился «Освобожденный человек» (мрамор, 1920 г.), выполненный в духе неоклассицизма. Фигура обнаженного мощного юноши была поставлена на четырехгранный постамент и по воспоминаниям современников прекрасно «...вязалась с площадью и расстоянием, с которого на нее смотрелось» (Алексеев 2010, 71–73, 78–79). Но обнажить мужскую фигуру и оставить ее для всеобщего обозрения было жестом слишком радикальным, противоречило сложившимся эстетическим вкусам. Скульптура через несколько месяцев была демонтирована, и судьба ее остается неясной. Отметим, что в нашей стране единственным памятником, в котором победу революции символизировали три обнаженные мужские фигуры, стал «Октябрь» А. Матвеева, созданный к десятилетию Октябрьской революции и в настоящее время находящийся в ГРМ. Острейшая борьба художественных направлений проявилась в требованиях левых художников признать фигуративное искусство не отвечающим духу революционной эпохи. В противостоянии художественных группировок, предшествовавшем организации Союза художников, старшее поколение скульпторов стремилось сохранить свои позиции, объединившись в Общество русских скульпторов, что давало возможность проводить групповые и персональные выставки. Для Эрзьи выставка скульптуры, организованная в 1926 г., имела важное значение. Она привлекла большое внимание критики. Так, А. В. Луначарский пишет об Эрзье как о революционном скульпторе, несправедливо подвергшемся нападению левых, и о том, что в Европе «...неоклассицизм уже победоносно овладел почти всей скульптурой... художники относятся к человеческому телу с величайшим благоговением» (Баранова, Ионова 2006, 547).

Мотив обнаженного женского тела проходит через все творчество Эрзьи. О его нравственных принципах и его личностных качествах говорит история создания «Евы» (мрамор, 1917 г.). Этот

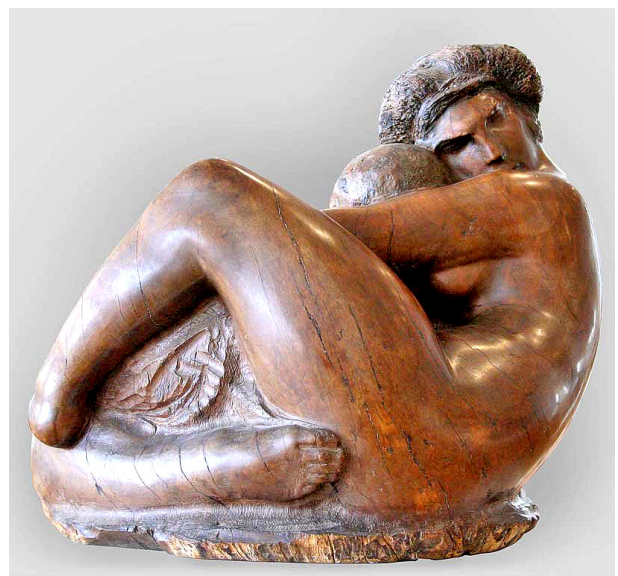
«Ева», 1919 г., мрамор

канонический образ истолкован скульптором по-своему. Он откровенно любит спокойной полновесностью зрелой плоти праматери. Абсолютно не классические, ее пропорции на удивление гармоничны, полны жизни. Лицо с закрытыми глазами освещает мягкая улыбка, а прекрасная голова упала на левое плечо. В своей отрешенности она прислушивается только к себе. Изваяние в рост выполнено из уральского мрамора и отшлифовано. Поверхность скульптуры дышит, впитывая солнечный свет. «Ева» была создана в тяжелейших условиях голода, в нетопленной мастерской. Эрзя жил тогда в небольшом уральском городке — Мраморском заводе. Шла Гражданская война. И города Урала переходили из рук в руки. Ева Эрзы совсем иная, чем Ева Микеланджело из фрески «Изгнание из рая» или Ева Родена, изображенные согбенными, закрывающими лицо руками грешницами.

Тема материнства прослеживается в нескольких произведениях аргентинского периода.

В эти годы (1927–1950) он работает преимущественно в дереве. Открыв для себя уникальные качества тропических пород кебрачо, альгарробо и урундай, он обновляет и художественные средства, и смысл своих произведений. Подлинным торжеством жизни, ее плодоносных сил является композиция «Мать с ребенком» (кебрачо, 1929 г.). Необычна связь двух фигур — тельце малыша вписано в объемы тела полулежащей, прижимающей его к себе матери. С почти звериной цепкостью она охватывает тело сына, в то время как он, стремясь освободиться от нее, хочет вырваться наружу. Драма неизбежного разрыва кровных связей трактована Эрзей как убедительная пластическая метафора притяжения/отталкивания. Композиция целостна и компактна. Фигура матери не вполне освобождена от блока темно-коричневого кебрачо, она существует в пространстве, обусловленном изначальной формой блока, которую сохранил скульптор. Это не европейская, а латиноамериканская трактовка мотива с присущей латиноамериканцам эмоциональной сверхнормативностью.

Большую известность снискала в Аргентине «Обнаженная» Эрзы, созданная им в 1930 г., материалом послужило золотистое кебрачо. Вероятно, это самое целомудренное произведение скульптора. В повороте юной головки, во взгляде, направленном мимо зрителя, в робком переступании с ноги на ногу ощущается нежная и горделивая натура. Именно плотное сияющее кебрачо воплощает неповторимые качества телесности этой скульптуры. И снова мы видим, что мастер сохраняет связь стоящей фигуры и древесного блока, превращенного теперь в опору.

«Мать с ребенком», 1929 г., кебрачо

В Аргентине у Эрзы заметно видоизменяется трактовка движения в танце. Его танцовщицы привлекают не грацией и изяществом движений, как это было, например, в серпантинном танце модерна, а экстатической страстностью. Гибкое, убеждающее тело, как писал в «Другой танцевальной песне» Ф. Ницше, порой угловато, а порою откровенно эротично — как в «Волне» или «Во сне» (цит. по: Orsetti 2006, 535). («Экстаз» — мотив, к которому Эрзя обращался не однажды. Такая откровенность вызвала даже осуждение у А. С. Голубкиной, вполне доброжелательно относившейся к Эрзе, но предостерегавшей скульптора от излишнего увлечения эротикой (Калугина 2006, 222)). Не человеческие чувства, а пробуждение природной стихии воплотил он в своем «Танце», созданном в 1940 г. из мощного ствола огромного кебрачо. Скульптор вычленил из него четыре женские фигуры, прорабатывая их лики и только частично — облачения и конечности. Вовлеченные в стремительное круговое движение, женщины не смотрят друг на друга. Что это? Пробуждение теллургических сил сельвы, к которой Эрзя был так привязан? Действия-заклинания? Эта монументальная скульптурная группа резко отличается от остальных произведений мастера и, может быть, более всего свидетельствует о транскультурной инверсии в его творчестве.

Обращение Эрзы к судьбам и личностям великих людей проявилось в создании целого ряда портретов, в которых собственно телесность не так значима. Как это произошло, можно увидеть, сравнивая две скульптуры Л. Н. Толстого, созданные с временным промежутком более двадцати лет. Речь идет о «Философе» (гипс, 1909 г.) и портрете Толстого, выполненном из альгарробо в 1930 году. Со слов самого Эрзы известно, что он был знаком с великим писателем и даже успел сделать с него небольшой этюд в глине в 1902 г. в доме снохи Толстого, соученицы Эрзы по училищу (Баранова, Ионова 2006, 405).

В Италии он выполняет композицию почти сюжетную: обнаженный согбенный старец с усилием высвобождает свое тело из вязкой массы, в которой застряли его ступни и кисти рук. Тщательно прорабатывая напряженную мускулатуру, он подчеркивает усилие, с которым старец пытается освободиться. Портретное сходство с Толстым в этой композиции несомненно. И очевидно, что речь идет о духовном напряжении, о тех усилиях, которых стоили Толстому его проповеди и последовавшее за ними отлучение от церкви. Телесность показана

здесь почти натуралистично. Размышления о вере и влиянии церковных институтов имели для Эрзы далеко не отвлеченный характер. Некоторые друзья скульптора считали его толстовцем. Принимая христианские нравственные принципы и заповеди добра, он считал церковные институты лживыми, пропитанными лицемерием. Вероятно, поэтому он задумал у подножия своего «Распятого Христа» разместить фигуры Сократа, Савонаролы, Леонардо да Винчи, В. Соловьева и Л. Толстого. Из-за отсутствия средств на отливку на Всемирную выставку в Рим было отправлено только «Распятые». У «Философа» сложилась самостоятельная жизнь в искусстве (Баранова, Ионова 2006, 412–413).

Иная концепция присуща портрету Толстого, выполненному в 1930 году, — аргентинский биограф скульптора, его секретарь Л. Орсетти пишет, что этот портрет стоял среди основных произведений Эрзы, в зале, где были собраны еще «Моисей» и «Бетховен» (Orsetti 2006, 535). «Толстой» (альгарробо, 1930 г.) аргентинского периода — это прежде всего сгусток интеллектуальной энергии, подвижник и борец. Скульптор подчеркивает и усиливает простонародность его черт. Это узнаваемый образ русского чело-

«Л. Н. Толстой», 1930 г., альгарробо

века. Тем более впечатляет его духовная мощь, выражение решимости, напряжение всех черт. Насуплены брови, морщится высокий лоб, некая угроза и вызов затаились в глубоко посаженных глазах. Словно ветер овеивает эту голову с разметавшимися прядями волос и взлохмаченной бородой. Человек, мощь которого под стать альгарробо, обращенный в настоящее, прошлое и будущее одновременно.

Именно голова вмещает в этом образе целый мир. Борода, усы, брови и волосы созданы из корней дерева, они подрабатывались и крепились к блоку головы специальным клеем, рецепт которого придумал сам скульптор.

Эрзя с удивительным постоянством обращался к образам учителей человечества, праведников. Его ярчайшим творением стала монументальная скульптура «Моисей» (альгарробо, 1932 г.). В этом произведении очевиден диалог с великим Микеланджело, выполнившим скульптуру Моисея для гробницы папы Юлия Второго.

Эрзя говорил, что для него важно почувствовать психологию персонажа, воплотить его переживания. И если Моисей Микеланджело величав и спокоен, он совершил свой подвиг, и в руках его Скрижали Завета, то Моисей Эрзы, даже выполнив свое предназначение, борется с мучительными раздумьями. Цельность пластических масс спорит в этом произведении со сложным ритмом взвихренных, диагональных форм. Такое воплощение библейского персонажа оказалось близко аргентинской публике. В отзывах прессы и в специальных изданиях о творчестве скульптора о «Моисее» всегда писали с восхищением. Так, О. Виньоля считает, что «Голова, сотворенная его гением, есть и плод фантазии Господа Бога...» (Vinol 1940, 13, 15, 16). В этой оценке проявляется интуитивизм, иррациональное отношение к творчеству вообще,

Эрзя у «Моисея», фотография (без даты)

имевшие особое значение для латиноамериканской культуры, ее типологическое свойство.

Выводы

В беседах с аргентинскими друзьями Эрзя говорил, что произведения искусства для него есть способ личного самоосуществления и что именно на символическом языке искусства может быть выражена невыразимая сущность божественной трансценденции. Бунтарь и странник, homo viator, в своем отношении к жизни Эрзя превыше всего ценил творческую свободу. И этому не могли помешать ни богатые меценаты, ни беспринципные маршаны, ни руководство социалистического государства.

Перечень иллюстраций

«Христос распятый», 1910 г., фотография
«Ева», 1919 г., мрамор
«Мать с ребенком», 1929 г., кебрачо
«А. Н. Толстой», 1930 г., альгарробо
Эрзя у «Моисея», фотография (без даты)

Источники

Vinol, O. (1940) Las Obras escodidas de Stephan Erzia. *Архив ГРМ*. Ф. 102. Оп. 1. Ед. хр. 57, с. 13, 15, 16.
Orsetti, L. (2006) Apuntes para una biografia del escultor Stefan Erzia. В кн.: М. Н. Баранова, В. С. Ионова. *Скульптор Эрзя*. Саранск: Мордовское книжное издательство, с. 535.

Словари и справочная литература

Лейкинд, О. Л., Махров, К. В., Северюхин, Д. Я. (2000) *Художники русского зарубежья: 1917–1939. Биографический словарь*. 2-е изд. СПб.: Нотабене, 716 с.

Литература

- Алексеев, Е. П. (2010) «Уральцы, наддайте!» Скульптура Урала 1920-х годов. В кн.: М. А. Бусев (ред.). *Искусство скульптуры в XX веке: проблемы, тенденции, мастера: очерки: материалы международной научной конференции, 2006 г.* М.: Галарт, с. 68–84.
- Баранова, М. Н., Ионова, В. С. (2006) *Скульптор Эрвзя*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 568 с.
- Калугина, О. В. (2006) *Скульптор Анна Голубкина. Опыт комплексного исследования творческой судьбы*. М.: Галарт, 245 с.
- Чудаков, А. П. (2018) *Ложится мгла на старые ступени*. М.: Эксмо, 648 с.
- Zaldivar, I. G. (2003) *Erzia*. Buenos Aires: Zurbaran Ediciones, 137 p.

Sources

- Orsetti, L. (2006) Apuntes para una biografia del escultor Stefan Erzia [Notes for the biography of the sculptor Stefan Erzia]. In: M. N. Baranova, V. S. Ionova. *Skul'ptor Er'zya [Sculptor Erzia]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., p. 535 (In Spanish)
- Vinol, O. (1940) Las Obras escondidas de Stephan Erzia [The hidden works of Stephan Erzia]. *GRM archive [Archive of The State Russian Museum]*. Fund 102. Inventory no. 1. Archival unit 57, pp. 13, 15, 16. (In Spanish)

Dictionaries and reference literature

- Lejkind, O. L., Makhrov, K. V., Severyukhin, D. Ya. (2000) *Khudozhniki russkogo zarubezh'ya: 1917–1939: Biograficheskij slovar'* [Artists of the Russian Diaspora abroad: 1917–1939: Biographical dictionary]. 2nd ed. Saint Petersburg: Nota Bene Publ., 716 p. (In Russian)

References

- Alekseev, E. P. (2010) "Ural'tsy, naddajte!" Skul'ptura Urala 1920-kh godov. In: M. A. Busev (ed.). *Iskusstvo skul'ptury v XX veke: problemy, tendentsii, мастера: ocherki: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 2006 g.* [The art of sculpture in the 20th century: Problems, trends, masters: Essays: Proceedings of an international scientific conference, 2006]. Moscow: Galart Publ., pp. 68–84. (In Russian)
- Baranova, M. N., Ionova, V. S. (2006) *Skul'ptor Er'zya [Sculptor Erzia]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 565 p. (In Russian)
- Chudakov, A. P. (2018) *Lozhitsya mгла na starye stupeni [Darkness falls upon the worn steps]*. Moscow: Eksmo Publ., 648 p. (In Russian)
- Kalugina, O. V. (2006) *Skul'ptor Anna Golubkina. Opyt kompleksnogo issledovaniya tvorcheskoi sud'by [Sculptor Anna Golubkina. Experience in complex research of creative destiny]*. Moscow: Galart Publ., 245 p. (In Russian)
- Zaldivar, I. G. (2003) *Erzia*. Buenos Aires: Zurbaran Ediciones, 137 p. (In Spanish)

Сведения об авторе

Наталья Абрамовна Розенберг, e-mail: nat-rozenberg@yandex.ru
 Доктор культурологии, кандидат искусствоведения, член Ассоциации искусствоведов, консультант
 Общероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов»

Author

Natalya A. Rozenberg, e-mail: nat-rozenberg@yandex.ru
 Doctor of Sciences (Cultural Studies), Candidate of Sciences (Art Studies), member of the Art Critics and Art Historians
 Association, Consultant, All-Russian public organization "Association of Art Critics"